

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 5 (263)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 5 (263). – 188 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>С. Караганов, Ф. Лукьянов.</i> Россия в мире силы XXI века	5
<i>Л. Тимофеева.</i> Контрэлита современной России: Кто она и чего хочет?.....	14

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Башкирия. Этничность и религиозное возрождение: Возможности и риски для социальной интеграции: Исламский путь	27
<i>М. Гаджиев.</i> Политическая элита Дагестана	49
<i>С. Жемчураева.</i> Религия и этничность как значимые компо- ненты идентичности чеченцев (по материалам социо- логического исследования)	57
<i>И. Добаев, А. Понеделков.</i> Тенденции в эволюции терроризма на Северном Кавказе.....	62
<i>М. Джанталеева.</i> Российско-казахстанские отношения как один из факторов стабильности в Прикаспийском регионе	71
<i>Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов.</i> «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Туркмения	80
<i>Б. Эргашев.</i> Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии.....	90

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>А. Умнов.</i> Афганистан: Что дальше	96
<i>Д. Нечитайло.</i> «Аль-Каида» в Китае	99
<i>А. Зубкова.</i> Реализация стратегии «мягкой силы» во внешней политике Турции	101
<i>Н. Мамедова, Е. Дунаева, И. Федорова.</i> Иран после прези- дентских выборов	108
<i>Р. Ланда.</i> Трагический финал «арабской политической весны»	124

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>В. Наумкин, В. Кузнецов.</i> Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе	143
<i>Г. Старченков.</i> Европа: Куда ведет этнорелигиозная трансформация?	172

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

С. Караганов,

декан факультета мировой экономики
и мировой политики НИЦ «ВШЭ»

Ф. Лукьянов,

главный редактор журнала
«Россия в глобальной политике»

РОССИЯ В МИРЕ СИЛЫ XXI ВЕКА

Современный мир парадоксален. С одной стороны, он опровергает все прогнозы, даже сделанные совсем недавно, создавая ощущение полной непредсказуемости. С другой стороны, подтверждает, что и на новом историческом этапе незыблемы извечные принципы международных отношений, которые уже считались устаревшими. Новый мир не безнадежен для анализа, как иногда может показаться, но этот анализ намного более сложный, нелинейный, он требует учета множества различных факторов.

Базовые понятия не изменились. Структурной единицей международной системы остается государство, несмотря на многочисленные пророчества о его отмирании и стирании национальных границ под давлением глобализации. Иерархия государств по-прежнему определяется соотношением сил. Однако сила теперь гораздо более сложный, многосоставный феномен, чем прежде. Недостаток одного вида силы (например, традиционной, военной) может компенсироваться другими – экономической силой и «мягкой» силой, которую правильнее было бы назвать силой образов и представлений. Нельзя сказать, что какой-то из видов силы важнее, а другой, напротив, утрачивает значение. Однако вся картина очень подвижна, в каждом конкретном случае тот или иной компонент может «весить» по-разному. И задача всякого государства, будь то великая держава или небольшая страна, – развивать и совершенствовать все составляющие: на всякий случай, ведь понадобиться может любой из них.

Юбилейная XX Ассамблея Совета по внешней и оборонной политике, которая прошла в декабре 2012 г., вынесла на обсуждение членов и гостей СВОПа вопрос о том, что такое сила в современном мире и что из этого следует для России. Из дискуссии родилась эта книга – часть тезисов прозвучала в обсуждении, другие стали результатом дальнейшей работы наших друзей и коллег. Естественно, мы не смогли, да это и невозможно, в полной мере ответить на вопрос: что есть сила сегодня и каковы перспективы России в существующей «силовой» палитре? Но начавшиеся дебаты важны именно сегодня, когда страна, без сомнения, стоит на пороге нового этапа своего развития. Старые модели исчерпаны, прежняя самоидентификация не соответствует новым вызовам, изменение парадигмы мирового развития требует иных подходов. Для России наращивание силы в ее комплексном, а не только классическом понимании еще и вопрос формирования новой идентичности, которая была бы устремлена в будущее, а не в прошлое.

Сила денег. Мировая политика «экономизируется» – экономические и финансовые проблемы занимают в глобальной повестке дня гораздо более важное место, чем когда-либо. Показатели экономической мощи государств, их ВНП, количество и качество человеческого капитала, векторы развития играют важнейшую роль в представлениях о совокупной мощи государств. Парадокс, однако, в том, что глобализация, которая и выдвинула экономику на первый план среди силовых факторов, одновременно сужает возможности применения экономических рычагов влияния и даже использования экономических ресурсов для наращивания других источников силы, например военных.

Авторитарные государства еще могут позволить себе тратить на оборону и внешнюю политику столько, сколько правительства считают нужным, и вести себя с другими странами так, как считают правильным. Демократические системы, где власти вынуждены ориентироваться на результат выборов, не могут так же легко, как прежде, переводить экономический потенциал в осiąзаемые силовые преимущества – наращивать военные возможности. В результате по всему развитому миру наблюдается сокращение расходов на оборону. Как сказал пару лет назад тогдашний глава Объединенного комитета начальников штабов Вооруженных сил США адмирал Майкл Маллен, государственный долг является намного более опасной угрозой безопасности Соединенных Штатов, чем «Аль-Каида», Китай или любая другая потенциально враждебная держава. Раньше такое едва ли можно было бы усly-

шать из уст самого высокопоставленного военачальника из самой мощной в военном отношении страны мира.

Конечно, экономика остается важнейшим источником силы. Особняком стоит контроль над сырьевыми ресурсами, особенно нефтью, который за последние десятилетия в значительной мере перешел от международных корпораций западного происхождения к национальным государствам и контролируемым ими компаниям. Богатые ресурсами государства увеличивают свой вес, в частности, из-за перетока к ним все большей части мирового ВНП. В прежние времена ответ тех, кто утрачивает преимущества, почти наверняка был бы военно-силовым, что мы отчасти наблюдали и в минувшем десятилетии на примере американского вторжения в Ирак и вообще политики США в главном энергетическом резервуаре мира – на Ближнем Востоке. Однако этот опыт, а также последовавшие за тем события в регионе как раз и показали, насколько результат не соответствует затратам и приложенным усилиям. В формирующемся мире реакция на энергетический вызов будет скорее экономико-технологической (поиск разных возможностей снижения зависимости от поставщиков), чем геополитическим и экспансионистским.

Источником экономического влияния служат и продовольствие, и способность его производить. Однако наличие свободного рынка затрудняет применение «продовольственного оружия», которое часто использовалось в прошлые века. Вообще, тотальная взаимозависимость ограничивает палитру экономического давления – оно превращается в обоюдоостре оружие, когда любое действие чревато ущербом самому себе.

Меняется роль технологического превосходства. С одной стороны, распространение знаний неостановимо, и коммуникационная прозрачность способствует тому, что даже относительно отсталые страны получают доступ к продвинутым технологиям. Показателем если не силы, то устойчивости государства становится не столько научно-технический уровень его экономики, сколько качество человеческого капитала, уровень образования, состояние институтов, определяющее способность абсорбировать и применять знания. С другой стороны, мир стоит на пороге перехода к новому технологическому укладу, с которым, вероятнее всего, будет связан мощный экономический и политический прорыв. Способность к развитию новых технологий станет еще одним критерием в установлении иерархии государств (по крайней мере, тех, которые претендуют на важную роль в мире), и приращение силы

в этой сфере равнозначно охоте за «мозгами», профессионалами, способными послужить источником новых знаний и технологий. Здесь экономическое развитие играет решающую роль – чем более развитая и комфортная страна, тем привлекательнее она для высококвалифицированных специалистов.

Итак, экономика все больше определяет состояние мира и вектор его развития, а экономическая тематика повышает свой удельный вес в международных отношениях. Но при этом она скорее определяет общую атмосферу, рамочные условия, чем непосредственную, прикладную силу государств, их способность продвигать и защищать на международной арене свои интересы. Иными словами, сама по себе экономика необходимое, но недостаточное условие для обретения влияния.

Россия – среднее по уровню развития и размерам экономики государство. Тенденция неблагоприятная – однобокий характер экономики не предполагает качественного усиления страны. Находящиеся под суверенным контролем сырьевые и энергетические богатства пока компенсируют нарастающее технологическое отставание. На руку играет и обостряющийся относительный мировой дефицит продовольствия, производство которого в России можно довольно легко увеличить в обозримом будущем в 1,5–2 раза. К числу потенциальных возможностей относится и усугубляющийся дефицит воды, особенно в поднимающейся Азии, который позволяет развивать водоемкие производства в богатых водными ресурсами регионах Сибири и Дальнего Востока для экспорта их продукции в Азию.

Однако в долго-, а возможно, уже и среднесрочной перспективе неспособность остановить общую примитивизацию экономики и кратно повысить ее эффективность чреваты обвалом влияния России в мире. К сожалению, ни российский управляющий класс, благоденствующий за счет перераспределения ренты, ни большинство населения, получающего часть этой ренты и «отдыхающего» в скромном консьюмеризме после 70 лет лишений коммунизма и послереволюционных 1990-х годов, менять пока ничего не хотят.

Сила оружия. На протяжении всей истории военная сила служила важнейшим показателем мощи и влияния государств. Глобализация и демократизация мировой системы, внутренней политики государств выдвигают проблемы, не решаемые с помощью военной силы, – экология, благополучие населения, состояние мировых финансов, свобода торговли и т.д. В то же время наличие у ведущих держав ядерного оружия делает развязывание масштаб-

ных войн практически невозможным. Без этого нынешнее беспрецедентно быстрое перераспределение сил едва ли происходило бы относительно мирно.

Тем не менее окончательного отхода военной силы на второй план ожидать не стоит. Общий курс на возвращение роли государств в международных отношениях (ничего более устойчивого так и не появилось), эрозия правил, в том числе норм международного права, заставляют государства постоянно думать о собственной безопасности (исключение составляет, наверное, только Европа, которая не видит для себя военно-политических угроз). Вакуум безопасности усугубляется на огромном пространстве от Ближнего и Среднего Востока до Восточной Азии, обострение соперничества там ведет к росту конфликтности. Большая война или серия войн на Ближнем Востоке более чем возможны – они будут локальными, но в силу все той же глобализации резонанс разнесется далеко за пределами региона. Наличие мощных вооруженных сил с ядерной составляющей является необходимым условием того, чтобы государство чувствовало себя уверенным перед лицом нарастающего хаоса и турбулентности в международных отношениях.

Глобализация и снижение действенности международных институтов и режимов возлагают на государства большую ответственность. Граждане все равно призывают к ответу свое правительство, а не «невидимые руки». Интернационализация экономических, финансовых, экологических и информационных процессов сужает возможности влияния государств не только на внешнюю среду, но и на процессы, протекающие на их собственной территории. Единственное средство, которое пока остается полностью под контролем государств, – военная сила. Тем больше соблазн опираться на нее, хотя действенность классических силовых рычагов явно снижается.

Сила идей и образов. После краха коммунистической системы многие полагали, что идеологическое противостояние завершилось раз и навсегда по причине окончательной победы «правильной» идеи. Но этого не случилось, хотя характер соперничества изменился, утратил структурированный системный характер.

Идейная борьба обостряется в сфере привлекательности моделей развития, которые в век информационной открытости во многом предопределяют влияние стран, их мировую «капитализацию». Растет роль «мягкой силы», измеряемой готовностью других стран добровольно следовать чьему-то примеру. Она зависит

от уровня благосостояния основной массы населения, качества жизни, защищенности человека, его свободы, эффективности юридической и политической системы. Особое значение имеет накопленный культурный слой, способность транслировать свою культуру.

Лавина информации делает целенаправленное управление новостными потоками и формирующими представлениями все более трудным. Информация демократизируется, выходит из-под контроля. Образы «объективируются». В то же время потоки информации сметают аргументы, выводят на передний план эмоции, что благоприятствует манипулированию, но и оно имеет зачастую бессистемный характер, поскольку осуществляется со всех сторон одновременно.

Возрождение идейной конкуренции происходит на фоне стремительного нарастания количества потребляемой людьми информации, торжество Интернета ведет к виртуализации политики. Представления все больше определяют вес и значение материальных явлений, в том числе и касающихся силы и влияния. Поэтому особо важным их источником становятся позиции в сфере массовых коммуникаций.

Накопленные технологические, моральные и исторические активы, доверие и привычка к западным СМИ создают преимущество Западу, который сохраняет первенство в интерпретации и распространении идей. Прямо или чаще косвенно – продвигая образы и представления, способствующие сохранению его влияния. Так, уступая в экономическом и геополитическом соревновании быстро-растущим азиатским странам, Запад интенсифицирует идейную борьбу, в частности пытаясь представить происходящее в мире как свидетельство успеха собственной идеологии. Новые игроки пока не готовы и не способны навязывать выгодные им идейные представления, хотя есть и исключения. Например, катарская «Аль-Джазира», внесшая значительный вклад в ослабление светских арабских режимов.

Борьба за влияние на взгляды и представления активизирующихся масс станет важнейшим видом соревнования между государствами и их группами в XXI в. Поднимающиеся страны вслед за усилением позиций в экономике и в сфере безопасности перейдут к активной борьбе и за влияние в идейной сфере.

Российское влияние в информационно-идейной сфере по-прежнему крайне невелико. Во многом это связано с тем, что страна так и не нашла свою новую идентичность, а барахтается в

идеологических клише ушедшего столетия, вместо того чтобы обратиться к потенциалу своей многовековой истории. Против России играют и ее нынешняя малопривлекательная модель общественно-экономического развития, и унаследованные от прошлого фобии Запада.

Место России. Российская государственность на протяжении практически всей своей истории формировалась и крепла в условиях постоянной внешней угрозы, противодействие которой и составляло лейтмотив государственного строительства. Сегодня, пожалуй, впервые стране никто напрямую не угрожает. Привычный противник – Запад, во-первых, ослаблен, во-вторых, с ним уже нет столь глубоких противоречий. Китай делает все возможное, чтобы не создать у России чувства опасности, поскольку в Пекине понимают, что их соперничество с США почти неизбежно. Локальные очаги нестабильности, особенно к югу от российских границ, способны доставлять серьезные неприятности, но это конфликты совсем другого масштаба, чем те, к которым всегда готовилась Россия.

Спору нет, в условиях общего нарастания неопределенности в мировых делах стране необходимы солидные вооруженные силы. Однако пока не вполне ясно, до какой степени осуществимы заявленные планы перевооружения и стоят ли за ними какие-то конкретные долгосрочные расчеты.

Налицо относительная примитивизация экономики. Пока работают факторы, компенсирующие этот недостаток: мировой спрос на сырье и продовольствие способствует сохранению совокупной мощи страны, тем более что она доказала способность удерживать территории и сырьевые ресурсы под суверенным контролем. В хаотичном мире национальных игроков, играющих по неясным правилам, Россия, весьма искусная в традиционалистской, временами тяжеловесной, дипломатии, чувствует себя комфортно. К тому же привычные конкуренты – Соединенные Штаты и Европа – сами запутались в происходящем и совершают грубые промахи, Китай же предпочитает уклончивую позицию, несмотря на очевидное усиление. Однако эта ситуация не будет продолжаться всегда. И в США, и в Европе, и в КНР заметны признаки того, что начинается переоценка подходов к мировой ситуации и выработка новых моделей поведения.

«Мягкая сила» России невелика. Значительный культурный потенциал используется недостаточно. Качество и количество человеческого капитала ухудшаются. Несмотря на риторику о модер-

низации и инновациях, выбор правящей элиты пока предполагает восстановление роли мощного сырьевого и военно-политического игрока, а не лидера новой экономики или законодателя мод в области идей и культуры.

Сознательно или подспудно Москва в своей стратегии все больше полагается на военную силу, особенно на наличие ядерного оружия. Это объяснимо, но совершенно недостаточно. Россия не справляется с задачей установления надежных союзнических отношений, предпочитая делать упор на стратегическую независимость и свободу рук. Сдвиг в сторону поднимающейся Азии происходит недопустимо медленно и пока в основном на словах. Не заметно серьезных усилий по развитию относительно современных ресурсодобывающих отраслей и производства продовольствия в Зауралье. Между тем на фоне бурного развития Азии отсутствие или слабость соответствующего вектора в российской политике будет означать быстрое затухание роста.

Если изменений не произойдет и сохранится заложенная ныне модель, в России неизбежно полуавторитарное правление с нарастанием разрыва между властью и обществом, причем не только передовыми его слоями. Руководству понадобится опора на популизм и умеренный национализм. Такой курс ослабит долгосрочные возможности страны по защите своих интересов и будет толкать к обособлению на мировой арене, что в условиях глобального перехода к новому технологическому укладу чревато фатальным отставанием.

Сохранение и укрепление позиций России в мире как самостоятельной великой державы требует изменения модели развития и самовосприятия. Причем перемены должны начаться внутри, с себя.

Необходима переоценка приоритетов общества и государства в пользу резкого наращивания вложений в образование и культуру. Повышение качества человеческого капитала расширит потенциал «мягкой силы» и может стать залогом для технологического рывка через поколение. В условиях нового мира, где конкуренция за «мозги» и умения становится едва ли не основной, создание среды, благоприятной для самореализации и творчества профессионалов, – залог сохранения устойчивых позиций.

Нужны срочные меры по преодолению примитивизации российской экономики, качественному повышению ее эффективности, что предусматривает реальные меры против коррупции и тотальной бюрократизации, удушающей любой рост. Для этого не

обойтись без более открытой политической системы и разумной регионализации.

Курс на создание современных вооруженных сил, перестройку ОПК в более или менее рыночном духе должен продолжаться. Неизбежно сохранение и даже увеличение опоры на ядерное сдерживание в силу отставания от других крупных игроков по прочим компонентам военной мощи. Однако траты на оборону должны соответствовать уровню реальных угроз, а не аппетитам наиболее консервативной части руководства.

Создание собственного центра экономической силы с участием ряда стран бывшего СССР стоит продолжать, но без политизации этого процесса и тщательно взвешивая целесообразность вовлечения партнеров. Источник реального рывка российской экономики – не в соседних странах, они могут только несколько усилить стартовые позиции друг друга для выхода на взаимодействие с более крупными игроками.

Экономическая переориентация России на рынки новой Азии не имеет альтернатив. Для этого необходимо создание в Сибири и на Дальнем Востоке ряда водоемных отраслей, современного сельского хозяйства с массированным привлечением инвестиций из стран АТР (США, Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН, а не только Китая), а также ЕС. Поворот к Азии не означает отказа от европейской культурной и исторической традиции, в которой возникла и сформировалась Россия. Более того, эту культурно-цивилизационную ориентацию следует укреплять, поскольку именно она создает базу для российской национальной самоидентификации.

С исчерпанием советского наследия стратегически важной задачей становится формулирование новой национальной идентичности, которая сочетала бы лучшее в культуре и истории России с устремленностью в будущее и открытостью к переменам. Как бы ни менялись определения и компоненты силы в международных отношениях, главная сила любого государства всегда и везде одна – уверенность в себе, способность ставить правильные цели и добиваться их.

*«Лики силы: Интеллектуальная элита России и мира о главном вопросе мировой политики»,
М., 2013 г., с. 15–26.*

Л. Тимофеева,

политолог

КОНТРЭЛИТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КТО ОНА И ЧЕГО ХОЧЕТ?

В последние годы в России вновь заговорили о контрэлите, стремящейся прийти на смену правящему политическому классу. В связи с этим возникает ряд вопросов, связанных как с самим понятием контрэлиты, его существенными отличиями от других смежных понятий, так и с особенностями современной российской контрэлиты.

На мой взгляд, контрэлита – это не просто оппозиция в обычном смысле этого слова, т.е. часть политической элиты, не набравшая достаточного количества голосов на выборах, чтобы составить большинство в парламенте и сформировать правительство. Контрэлита – это такой политический класс (слой, группа), который в состоянии сформулировать принципиально новые идеи относительно развития общества. В этом смысле ей больше подходит второе название – «элита развития» или «альтернативная элита».

Феномен контрэлиты впервые сложился в России XIX в. О ее появлении провозгласили писатели Н.В. Соколов в романе «Отщепенцы», И.С. Тургенев – «Отцы и дети», Н.Г. Чернышевский – «Что делать?» и др. Генезис русской контрэлиты был сложным и длительным, а характерные черты менялись в процессе эволюции: разночинцы, отщепенцы, нигилисты (протоэлита); нигилизм, инакомыслие, диссидентство, нонконформизм (ее психологическое отношение к действительности, выражющееся в отрицании старых норм); интеллигенция (часть элиты, занимающаяся умственной деятельностью и критикующей правящую элиту), продуктирующая действительно новые социально-политические идеи переустройства российского общества; первые общественно-политические организации и движения типа «Зеленой лампы», Северного и Южного обществ декабристов, «народовольцев», затем первые политические партии от кадетов до большевиков. В конечном счете ими был пройден путь от скрытых субъектов недовольства к публично артикулирующей свои идеи контрэлите.

Что бы ни говорили сегодня противники коммунистической идеи, но в свое время контрэлита в лице левых, и прежде всего большевиков, принесла России и миру новые идеи более справедливого социального устройства общества по сравнению с ранее

существовавшими. Другое дело, что элита развития со временем сама превратилась в элиту застоя, отменив политический плюрализм, здоровую политическую конкуренцию, вызвав сомнения относительно провозглашенного принципа социалистической справедливости, выродившегося в уравниловку и одновременно создавшего механизм двойной морали (для себя и публичного употребления).

Естественно, что для того чтобы контрэлита, или «элита развития», постоянно воспроизводилась и продуцировала новые идеи, нужны определенные условия.

Первое условие – наличие «свободной политической игры». Что имеется в виду? В 1938 г. известный историк культуры нидерландец Йохан Хейзинга написал классический труд «*Homo ludens. Человек играющий*», где доказывал, что игра больше, чем физиологическая деятельность, необходимая для поддержания жизни, и зародилась она раньше культуры. В ней заключен большой смысл – она есть духовное творение, сама порождающая новые духовные смыслы. Игра необходима обществу в силу завязываемых ею духовных и социальных связей, ибо она удовлетворяет идеалы коммуникации и общежития. Всякая игра есть, прежде всего, свободная деятельность, предполагающая решение важных задач. У каждой игры свои правила, нарушение правил разрушает игру, превращая ее то в ожесточенное столкновение – в войну, то в имитацию самой игры, которая теряет творческий смысл, превращаясь в «пуерализм», в ребячество, а то и в застой.

По мнению Хейзинги, игра в политике – это партийный парламентаризм XVIII в. как свободное соревнование партий и политиков и их партийных программ. Однако к 30-м годам XX в. эта «игра» утратила свой подлинный смысл. Более того, часть немецкой элиты (накануне прихода Гитлера к власти) интерпретировала политику, исказив определение К. Шмитта, как чего-то другое, непохожее на тебя, превратив ее в жесткое противопоставление, оппозицию «друг – враг». Именно с этого момента игра в германской политике стала умирать, превратившись со временем в ожесточенную войну с теми, «кого надо убрать с дороги»: поджог фашистами рейхстага и обвинение в этом коммунистов, убийство сторонниками НСДАП их политических противников.

Естественной игры в политике не стало и в России с запрещением в 1922 г. последней альтернативной большевикам партии левых эсеров, дольше всех среди партий-конкурентов продержавшейся на политической сцене. Тревожным свидетельством умира-

ния игры в новейшей российской политической истории могут служить случаи смертельных разборок с мэрами, губернаторами, депутатами или кандидатами на эти посты, а затем отмена института выборов губернаторов и превращение парламентских выборов в имитацию игры с постоянно меняющимися правилами, но и с известным результатом.

Второе условие – игра должна идти по одинаковым для всех правилам. Именно такое соревнование способно привести к победе наиболее подготовленного, креативного, способного к созданию новых идей и программ игрока. В нашем случае – альтернативного политика, независимой от правящего класса партии. Если взглянуть на процесс циркуляции современной российской политической элиты через призму свободной игры, то мы должны признать, что правящий класс, который восстанавливается, не только количественно, но и качественно, при помощи выходцев из низов, избавления от скомпрометировавших себя членов с помощью общих, понятных для всех и неизменных правил игры на выборах, теряет свой ресурс. Одним словом, когда игра имитируется, а правила властная элита «сочиняет под себя», стремясь к «самосохранению», возникает уродливый механизм воспроизведения «элиты застоя», как это было в Советском Союзе. Теряет смысл и само понятие контрэлиты, ибо ей не суждено вступить в полноценное соревнование с правящей элитой и предъявить свой фундаментально иной план развития страны.

Третье условие – наличие духовного и морального факторов в политике. В российскую политику необходимо вернуть такие понятия, как «политические идеалы», «политическая мораль», «социальная справедливость». Мне думается, что только контрэлите под силу заново отрефлексировать в публичном дискурсе эти концепты, также как и «общее благо», «общественный» и «государственный» интерес. В конце концов в России должна появиться мода на людей высокой общественной морали, современных «народников» и одновременно государственно мыслящих патриотов. Их я отношу к «элите развития».

Теперь зададимся вопросом: есть ли у нас в России контрэлита? Внешние (формальные) признаки безусловно есть. Генезис современной политической элиты, по сути, повторил путь развития дореволюционной, пореформенной (1861) контрэлиты. Он прошел в условиях убывающего авторитаризма (после смерти И. Сталина) по линии «диссидентство – общественно-политические клубы – неформальные (альтернативные КПСС, ВЛКСМ)

общественно-политические движения, народные фронты, платформы и фракции внутри КПСС – антикоммунистические движения и партии».

Правда, в полном смысле слова назвать либеральных демократов «элитой развития» трудно, ведь они использовали опыт западных демократий, хотя результаты их альтернативной деятельности налицо. Исторически контрэлита советской элиты в России началась с диссенсуса и проявила себя в 1989 г. сначала с оформления Межрегиональной депутатской группы на первом съезде народных депутатов СССР. Это была первая легальная парламентская оппозиция в Советском Союзе, обнаружившая антикоммунистическую направленность, которую в основном возглавили выходцы из КПСС. Среди сопредседателей МДГ были Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров, Г.Х. Попов, Ю.Н. Афанасьев, В.А. Пальм. В опубликованных тогда тезисах к программе практической деятельности МДГ по углублению и реализации перестройки говорилось о необходимости скорейшей реформы политической системы страны.

Среди важнейших положений были такие:

1. Утвердить в специальном декрете, что в СССР нет и не может быть иного источника политической власти, кроме Советов народных депутатов. В этой связи исключить из Конституции СССР статью 6¹.

2. Последовательно провести принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

3. Дать гражданам СССР право и возможность свободно создавать юридически правомочные общественные, общественно-политические, профессиональные и молодежные организации, действующие в рамках законов СССР.

4. Утвердить в законе порядок проведения забастовок, организации митингов и демонстраций...²

¹ Статья 6 в Конституции СССР в частности гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. ...Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидающей деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

² Оттепель: 1960–1962: Страницы русской советской литературы. – М., 1990. – С. 504.

Фактически Межрегиональной депутатской группой провозглашалось право на введение политического плюрализма в стране и разрушение монополии КПСС во всех сферах жизни. В период работы II Съезда народных депутатов часть членов МДГ во главе с Сахаровым и Афанасьевым прямо призывали товарищей по группе открыто объявить себя «парламентской оппозицией», не берущей на себя ответственность за действия тогдашней власти.

Реальным «уличным» механизмом, призванным испугать своей массовостью партийное руководство страны и позволившим удовлетворить большинство требований МДГ, стала деятельность антисоветического по своей направленности движения «Демократическая Россия» («ДемРоссия», или «ДР»), созданного в 1990 г. «ДемРоссию» возглавили представители научной интеллигенции и духовенства: сопредседатели Л.А. Пономарев, Г.П. Якунин, Г.В. Старовойтова. Костяк движения образовали партии демократической ориентации: ДПР, РПРФ, КПР, КДП-ПНС, СДПР и др. Фактически она требовала институционализировать новую систему политических отношений в стране. В своей программе демороссы выступали за скорейшее принятие новой конституции, нового избирательного законодательства, предусматривающего введение пропорциональной системы выборов с голосованием по спискам движений и партий, за введение суда присяжных и объединение всех демократических сил для победы на выборах. В области экономики требовали ввести рынок и разрушить монополизм КПСС и государства, утвердить приоритет частной собственности в условиях свободной конкуренции, начать приватизацию под общественным контролем и либерализовать цены.

Практически все из задуманного было ими реализовано. Однако в результате мы получили благодаря этой элите «демократию для немногих», для избранных, для богатых. Социальное неравенство – вот главная проблема, требующая своего решения.

На этом фоне одна из первых статей, написанная в тюрьме «олигархом-сидельцем» либералом Михаилом Ходорковским о новом социализме и необходимости поворота России влево, была воспринята как сенсация и источник «свежих идей», как основание для появления контрэлиты. Правда, подмоченная репутация Ходорковского вряд ли годится для ее «строительного материала». Удивительно, с какой жадностью и резкой критикой накинулись тогда на эту статью наши «левые» и «правые» интеллектуалы, давно испытывающие дефицит новых идей. Но вот совсем недавно

вышел роман замечательного художника и писателя Максима Кантора, сына известного философа Карла Кантора «Красный свет», где он фактически разоблачает российскую либеральную интеллигенцию и ратует за построение более справедливого общества – социалистического. А в интервью прямо говорит, что в России установилась «мыльная» демократия, что «страна напоминает мышь, которая мечется по полю, бросается из края в край, не зная, как и куда ей выбраться». Капитал строит государство без трудящихся. Внедряется так называемое «корпоративное сознание», которое свои маленькие интересы и связи ставит выше человеческой солидарности¹. В этой же критической манере выдержан роман Виктора Пелевина «Generation “П”», который напоминает политический памфlet на современную российскую действительность, где политика заменена иллюзорной рекламой и PR, где царят обман и подмена реальности симулякрами.

И опять впереди, как всегда в России, диссидентски мыслящие писатели, художники и поэты, которые вопиют об отсутствии духовности во вновь выстроенном обществе и претендуют на роль властителей дум и «лучшую часть» элиты развития. И это не случайно, ведь с понятием «контрэлита» тесно связано понятие «контркультура». Контркультура – новая культура, восставшая против официальной, находящейся у властей предержащих, культуры отчужденной и неподвижной. Контркультура выступает против всех догм и идеологий, находясь в разладе как с «узким материализмом», так и с «мирозданием духа», и утверждает состояние «животрепещущего счастья» в противовес «скучной дисциплине». Историю современной контркультуры один из ее исследователей и представителей Мишель Ланселот относит к дадаистам² на Западе и В.В. Кандинскому и К.С. Малевичу на Востоке. Замечательный общественный деятель и яркий представитель контрэлиты, анархо-коммунист П.А. Кропоткин так писал о

¹ См.: Москвина Т. Максим Кантор: «Возможен социализм не из-под палки!» // Аргументы недели. – 2013. – 8 августа. – №30 (372).

² Дадаизм (от фр. *dadaïsme* <«дада»> – деревянная лошадка) – модернистское течение в литературе, изобразительном и театральном искусстве, возникло в 1915–1916 гг. почти одновременно в США и Швейцарии. Идеологическое движение дадаистов носит характер нигилистического протеста против ужасов Первой мировой войны, социальных и эстетических ценностей, ее оправдывающих. Программой дадаистов было нарочито бессмысленное, хаотические восприятие действительности. Просуществовав до 1922 г., дадаизм послужил основой для развития сюрреализма.

ее функциональном значении для социальных перемен в России: «Прежде всего, нигилизм объявил войну так называемой условной лжи культурной жизни. Его отличительной чертой была абсолютная искренность. И во имя ее нигилизм отказался сам – и требовал, чтобы то же сделали другие – от суеверий, предрассудков, привычек и обычаев, существования которых разум не мог оправдать»¹. Ростки контркультуры возродились в СССР в годы «оттепели», в 60-е ХХ в. Молодые художники, литераторы, поэты объявили себя продолжателями русского авангарда 20-х годов. Шумел СМОГ – Самое Молодое Общество Гениев, писал и лепил И. Бродский... Эта контркультура была предтечей возникновения новой контрэлиты конца 80-х – начала 90-х годов.

Естественно, что сегодня вместе с новой контрэлитой должна родиться и новая контркультура, которая противостоит господствующей культуре как беспощадная пощечина глянцевому гламуру. Появится ли она в ближайшее время как атрибут контрэлиты? Пока только процветает «перформанс», что в переводе с английского означает «представление», который можно отнести к одному из проявлений контркультуры. Противники перформанса называют его «незаконным сыном искусства». Незаконным потому, что «внутри себя он не имеет собственного положительного смысла, как не имеет никакой художественной ценности. Вся суть перформанса состоит в активном воздействии на публику – в воздействии шокирующим, разрушающим устойчивые смыслы. Следовательно, задачи и характер перформанса или инсталляции как форм «актуального искусства» априори не могут быть ни наивными, ни бессознательными»². Однако прилепить Христу вместо его головы личину Беса еще не означает совершить революцию в сознании.

Против этого резко выступает Максим Кантор, который утверждает, что корпоративное общество с его постмодернистским клиповым сознанием способно только порождать инсталляции. «Надо вернуть человеку человеческий образ вместо этой раздробленности, рассказиков ни о чем, реплик дня. Вместо всего этого пестрого и пустого – вернуть большую художественную форму. Во всех видах искусства». Это и составит ядро новой контркультуры.

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. – С. 266.

² Кокшенова К. Злоумышленное глумление // Литературная газета. – 2003. – 5–11 февр.

Но тут впору задать себе еще один вопрос: является ли новая контрэлита «лучшей из себе подобных», или она представляет собой политических маргиналов, отрицающих существование и любые формы истеблишмента?

В свое время американец А. Гелла в книге «Интеллигенция и интеллектуалы» (1976), характеризуя интеллигенцию, на мой взгляд, дал хороший ориентир для обозначения контрэлиты, или элиты развития. Он считал основным признаком конституирования интеллигенции ее предназначение – бороться за фундаментальные социополитические изменения и помочь в освобождении низших классов, молодых наций от их экономической и культурной бедности и социально-политического угнетения¹. И классифицировал имеющиеся представления об интеллигенции на семь групп: 1) классическая интеллигенция России и Польши конца XIX – начала XX в.; 2) интеллигенция межвоенного периода (1920–1940) в Венгрии и Чехословакии; 3) часть наиболее образованного и гуманистически ориентированного среднего класса Запада; 4) большие социальные группы в социалистических странах, которые носят название трудящейся интеллигенции; 5) образованная страта в новой Африке и Азии, конкурирующая с национальной буржуазией в борьбе за лидерство; 6) зарождающаяся группа диссидентов и частично революционной интеллигенции, которая в течение 60–70-х годов начала появляться внутри процветающих обществ; 7) небольшие группы диссидентов в Советском Союзе, Польше и Чехословакии.

Выделив 2, 3, 4-ю группы в один тип, он категорически отказался назвать их интеллигенцией, отдав предпочтение второму типу, а именно: 1, 5, 6 и 7-й группам. Причина одна: интеллигенцией он назвал отдельную социальную страту, отчужденную от своего собственного общества, читай: правящей политической элиты, чувствующую ответственность за моральное лидерство, объединенную ценностями, общими для всего человечества. С этой точкой зрения, контрэлита явно не часть правящей политической элиты, поскольку она отчуждена от нее. Но сказать, что это не элита вовсе, тоже нельзя, ведь она несет в себе благородные идеи более справедливого переустройства мира, прекрасно образованна, воспитанна и готова жертвовать собой ради общего блага и лучшего общего порядка. Об этом свидетельствуют соцопросы участников протестных движений на Болотной площади и проспекте Сахарова.

¹ Gella A. The intelligentsia and intellectuals. – N.Y., 1976.

С контрэлитой и контркультурой тесно соседствует понятие «критика». Как деятельность «критика» является естественным и необходимым проявлением жизнедеятельности людей, специфической формой их активного отношения к явлениям социальной действительности¹. Критическая деятельность, рассматриваемая как форма социального отрицания, выполняет функции преобразования стабилизации по отношению к своему объекту, является способом саморегуляции, саморазвития социальных систем, выступает одновременно как процесс самокритики, присущий человеческому сообществу.

Без социальной и политической критики (самокритики) невозможно развитие общества. Она была и остается мощным средством общественного контроля, орудием социально-политических перемен. «Видеть несправедливость и молчать – это значит, самому участвовать в ней», – говорил Жан-Жак Руссо, которого прозвали философом революции, но который всегда с ужасом думал о всяком насилиственном перевороте в государстве. Он, как и многие другие интеллектуалы, сражался с несправедливостью по-своему – с точки зрения размышляющего и протестующего разума. А немецкий идеолог левогегельянства Б. Бауэр предложил в 30–40-х годах XIX в. понятие «критически мыслящая личность». Развивая идею Гегеля, что если революционизировать царство идей, то действительность не устоит, он прямо предлагал возложить задачу критики общественных институтов на «критические личности», обладающие высокоразвитым индивидуальным самосознанием и потому способные взять на себя функции носителей общественного идеала и борцов за его осуществление. (Масса же, отягощенная материальными заботами по поддержанию своего существования, этого сделать не может.) В России эти идеи повлияли на теоретическое самосознание лидеров русского народничества, став составной частью социальной философии П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского², считавших, что именно критически настроенная личность, в силу своего нравственного убеждения в справедливейшем, может творить историю. Их доктрина «хожде-

¹ Роцинский С.Б. Социальная критика и ее воздействие на совершенствование современного советского социалистического общества. – М., 1987. – С. 38.

² См.: Лавров П.Л. Исторические письма. – СПб., 1870; Философия и социология. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. – М., 1965; Михайловский Н.К. Герой и толпа // Полн. собр. соч. – СПб., 1911. – Т. 16; Его же. Научные письма. (К вопросу о героях и толпе) // Полн. собр. соч. Т. 6.

ния в народ», как и позже идея европейских коммунистов строить партию, которая должна изменить мир, в общем продолжает мысль о сознательной и критически настроенной организованной общественности – контрэлите, способной поднять народ и перестроить действительность.

Если говорить о состоянии нашей политической критики, то по основным каналам телевидения и тиражной прессы в основном раздается зубодробительная критика нашего прошлого, в частности социалистических и радикально либеральных идей эпохи М.С. Горбачёва, Б.Н. Ельцина, а также неконструктивная критика правления Путина–Медведева, в основном отмеченная лозунгами–обзываюлками и криками «долой!». Нет глубокого анализа и конструктивной критики текущей политики и, самое главное, нет интересных альтернативных стратегий будущего развития России.

Возьмем, к примеру, программу кандидата в мэры Москвы Алексея Навального, которого причисляют к лидерам новой контрэлиты. В ней нет ничего нового по сравнению с программами других кандидатов и старой политической элиты: «Москве нужны полная прозрачность всех решений, подотчетность власти гражданам и победа над коррупцией. Именно благодаря этому удастся высвободить огромные ресурсы, которые позволят решить ключевые проблемы нашего города». И далее в качестве извинения за банальность идей: «Проблемы Москвы и пути их решения настолько очевидны, что многие кандидаты обещают одно и то же. Среди них надо выбрать того, кто не обманет избирателей. Власть показала, что может только обещать»¹.

Вместе с тем нельзя сказать, что контрэлиты в России не существует. Она формируется на наших глазах, и для этого есть реальные основания. В России после 20 лет трансформации политической системы появилось новое поколение россиян, или «новый народ», со своим представлением и отношением к традиционным ценностям, в том числе и политическим, которые сосуществуют с прежним народом, имеющим другие представления о социальной и политической норме. В связи с этим назрел вопрос не только о новом широкомасштабном проекте развития страны, но и о совмещении традиций и новаций в системе ценностей этих двух «народов». От его решения зависит либо развал российского сообщества и страны в целом, либо их обновление (известно, что

¹ http://magru.net/pubs/4043/Predvybornaya_programma_Navalnogo#18 (Дата обращения: 4 июля 2013 г.)

когда новации достигают более 50% в соотношении с традициями, происходит распад прежних сообществ).

20-летний путь России к капитализму под лозунгами демократизации принес немало разочарований. «Народного капитализма» не получилось. По данным опроса, проведенного Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук, 55% респондентов в возрасте от 30 до 60 лет и 43% в возрасте от 20 до 30 лет считают Россию недемократическим государством¹. Проводимые социально-экономические реформы, названные самой властью «непопулярными», привели к поляризации, росту социального неравенства и расколу общества. Сейчас около 200 российских семей владеют 80% богатств страны. Недовольны властью и появившийся при В.В. Путине новый средний класс, и творческая интеллигенция, испытывающие эффект депривации, когда ожидания перемен значительно превышают итоги деятельности власти. На этом фоне растут националистические и сепаратистские настроения. Часто звучат лозунги: «Хватит кормить Кавказ!».

Новая контрэлита разнородна. Это конгломерат, состоящий из части нового среднего класса, «рассерженных горожан» (или, как их еще называют, «сытых, но недовольных»), части российской художественной интеллигенции, внепарламентских радикалов коммунистического, либерально-демократического и националистического спектров, новых гражданских организаций и традиционных партий, имеющих места в Думе, но которые играют весьма умеренную роль в этих протестах.

Некоторые наблюдатели под контрэлитой понимают субэлиту, которая всегда идет за элитой, но не получает тех вожделенных прав и привилегий, которые имеет она. Хотя элита (высшие чиновники, силовики, верхушка парламента, крупные капиталисты разных волн приватизации), смыкающая свои ряды вокруг тандема, тоже далеко не спокойна, но все же находит компромиссы, а вот субэлита неспокойна и мечтает о большем. По мнению Т. Гуровой, субэлита делится на три группы².

Первая группа – встроенные, или приспособившиеся к политической системе по принципу «живи и дай жить другим», сотрудничай с элитой по мере необходимости (новое поколение

¹ Акопов П. Точка возврата// Политический журнал. – 2004. – № 7 (10).

² См.: Гурова Т. Либеральная оппозиция пробивает дорогу для фундаменталистов // Эксперт. – 2012. – № 10 (793). – 12 марта.

региональных чиновников высокого ранга, а также не приближенный к элите крупный, средний и малый бизнес, средний слой партийцев и лидеры крупных гражданских организаций, появившиеся за последние два года). У встроенных нет своего политического представительства на выборах, голосовали они за все партии, на президентских выборах поддерживали В. Путина и М. Прохорова.

Вторая группа – обиженные, или невстроенные. Это мощная страта, состоящая в основном из служащих и интеллектуалов второго-третьего ранга по влиянию, не допущенных к власти, представленных в основном Лигой избирателей и политико-сетевым проектом. Это люди типа Алексея Навального, считающие себя наследниками ультралибералов 90-х и желающие занять более заметное место в правлении страной.

Третья группа – агрессивные, за которыми стоят организации – «масс-юзера», немногочисленные, но активные, апеллирующие к разным базовым ценностям: Сергей Удальцов во главе «Левого фронта» и Илья Пономарёв («Справедливая Россия») – к социальной справедливости; Илья Яшин («Солидарность») – к индивидуальной свободе; Владимир Тор (Русское общественное движение) – к возрождению русского национализма.

Согласно нашим характеристикам к контрэлите ближе всего стоят вторая и третья группы. Парадокс заключается в том, что, выступая от имени всего народа, субэлита не очень артикулирует его насущные интересы, а требует ухода Путина и его окружения, т.е. смены элиты. Общей программы развития страны у нее нет. Вместе с тем нельзя отказать организаторам протестов в том, что все они сумели оседлать общую волну общественного недовольства предвыборной рокировкой, произведенной Путиным и Медведевым в 2012 г., и начали именно с морального протesta, поддержанного многими гражданами, доведя его ныне до политического. Однако с течением времени, продолжая игнорировать рациональное, реальные настроения масс и весьма предсказуемые и вполне реальные итоги голосования за Путина, протестанты стали постепенно терять сторонников. Кроме того, политический протест контрэлиты не совпадает с социальным протестом. Более того, начатые против лидеров Болотной Ильи Пономарёва, Сергея Удальцова, Алексея Навального и других судебные процессы также не позволили им остаться моральными лидерами.

Вывод. Таким образом, мы можем говорить о начале вегетативного процесса контрэлиты в России. Ее сила состоит в том, что она независима от власти:

- не является сторонницей патерналистской политики;
- в состоянии сама решать свои проблемы;
- способна к самоорганизации для помощи кому-то;
- отстаивает принципы честных выборов, независимого суда, развития реального, а не мнимого местного самоуправления, т.е. претендует на моральный авторитет в обществе;
- у нее есть ресурс привлечения сторонников – сегодня расстет интерес общества к политике.

К слабым сторонам контрэлиты относится то, что:

- ее политический протест не синхронизирован с социальным протестом;
- остальная Россия воспринимает ее как участницу «норковой революции», как «сытых и недовольных»;
- как «пятую колонну» и не патриотов и т.д.

Очевидно, что Россия сегодня находится в поиске своей новой субъектности, новой элиты, или элиты развития. И здесь немаловажную роль играет формирование этоса новой контрэлиты, которая может породить великий смысл существования российского общества. Русский, российский этос изначально складывался не на основе личного успеха человека (личного спасения), а на основе всеединства, спасения всего мира. По мнению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, даже молитва в православных храмах возносится за всех людей, и в этом состоит главная тайна русского православного мироцентризма – «тайна церковной соборности, когда каждый молится и просит за всех, как за себя».

Именно на эту почву легли идеалы коммунизма, как строительства «царства Божьего на земле». Однако после краха коммунистического проекта началась ломка и советского этоса. На первое место у «нового народа» стал выходить личный, а не коллективный успех. Задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы объединить «два в одном»: коллективизм и индивидуализм. Это путь к социал-демократии или к социальному либерализму. В любом случае это поворот влево. Сможет ли новая контрэлита сформулировать этот новый проект с учетом ошибок прошлого и настоящего? Ответ впереди.

*«Элитология России: Современное состояние и перспективы развития»,
Ростов н/Д., 2013 г., т. 1, с. 293–304.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

БАШКИРИЯ.

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИСЛАМСКИЙ ПУТЬ

До проникновения ислама на территорию расселения башкир (Х в.) – автохтонного населения Южного Урала – их духовно-религиозная жизнь отличалась большим разнообразием; здесь доминировали такие культурно-идеологические системы, как древнеиранский традиционный маздаизм и древнетюркские верования. Взаимодействие разных культурных традиций неизбежно порождало синcretизм, характерный для всего доисламского культурного слоя.

Основную роль в обращении башкир в ислам на раннем этапе сыграли суфийские миссионеры таких братств, как Ясавийя и Накшбандийя, проникавшие на Южный Урал из городских центров Центральной Азии, прежде всего из Бухары. Это и предопределило преобладающее влияние среди башкир собственной формы «локального ислама», в котором органично соединились элементы суннитского ислама ханафитского толка¹ и суфийских представлений.

В начале XIV в., во времена правления хана Узбека (1312–1342), ислам стал государственной религией Золотой Орды. Среди башкирских племен, вошедших в состав монгольского государства

¹ В суннитском исламе имеется четыре религиозно-правовые школы – мазхабы (толка), которые считаются одинаково правоверными: ханафитский, шафиитский, маликитский, ханбалитский. Во всемирно известном мусульманском образовательном центре – университете Аль-Азхар (Каир) преподается мусульманское право согласно всем четырем мазхабам, а в Каабе (Мекка) построены четыре макама (или мусалла) – специальные возвышения для имамов всех четырех направлений в суннизме. Наиболее либеральным из четырех считается ханафитский мазхаб.

на правах вассалитета, ислам также утвердился в качестве господствующей идеологии, о чем свидетельствует преобладающий на территории региона с этого периода мусульманский погребальный обряд, особенности которого удалось установить археологам.

С присоединением башкир к Русскому православному государству (вторая половина XVI в.) актуализируется внешняя, догматическая сторона мусульманского культа – в значительной степени как реакция на политику российских властей, которые стремились контролировать духовные процессы в башкирском обществе. К тому времени башкиры уже считали себя мусульманами-суннитами, т.е. имели сформировавшуюся религиозную идентичность. В то же время присущий им религиозный синкрезизм так и не был преодолен: элементы народных верований и культов, прикрытые исламской риторикой и обрядами, сохранились в их общественном сознании. Такая устойчивость элементов древних верований и культов объяснялась тем обстоятельством, что башкиры как народ сформировались в доисламский период, когда в их духовной культуре преобладало мифологическое мышление.

После разгрома Казанского ханства и присоединения Башкирии к Русскому государству на территорию края начали мигрировать отдельные группы служилых мишар и татарских крестьян, исповедующих мусульманскую религию. В отличие от башкир татары сформировались как народ гораздо позже, в период существования Казанского ханства (1437–1552), на основе объединения различных тюрко- и угроязычных этнических групп. Ислам как государственная религия Казанского ханства стал решающим фактором консолидации татар, исполняя роль «постулирующей основы», доминанты татарской культуры; этому способствовала, в частности, и жесткая религиозная политика русского правительства. Результаты политики насилиственной христианизации татар нашли отражение в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В Уфимской губернии, согласно данным этой переписи, доля православных среди татар была довольно значительной (более 21%), в то время как среди мишар (0,41%) и башкир (1,51%) – на порядок меньше¹.

Среди башкир роль ислама как фактора этнической консолидации возросла в период русской (дворянской, горнозаводской,

¹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XLV. – Уфимская губерния. – 1904. – Тетрадь 2. – С. VIII.

крестьянской) колонизации башкирских вотчинных земель¹ (XVII–XVIII вв.). В результате многочисленных не прекращавшихся на протяжении двух веков войн-восстаний башкиры сумели не только отстоять свои социально-экономические льготы и правовой статус, но и сохранить свою этническую и религиозную идентичность, их практически не затронула политика насильственной христианизации. Одновременно социально-экономическое угнетение способствовало популярности среди башкир суфийского восприятия ислама, усилив привлекательность таких его черт, как аскетизм, безразличие к богатству и высокому социальному статусу в обществе, фатализм и др.

Суфийская форма бытования ислама хорошо ложилась на ментальность башкир: с их свободолюбивым, независимым характером хорошо сочеталась традиция суфийских братств, базировавшаяся на идее духовной автономии от господствовавшей идеологии и от официальной власти. Контрастность суфизма (идеология «смирения», «упования» на Бога и одновременно идеология повстанческих движений) также не вызывала отторжения у башкир. С одной стороны, им был присущ философско-созерцательный тип мышления, а с другой – воинственность.

Одним из основных достижений повстанческого движения башкир стала либерализация «мусульманской» политики русского правительства, которая была нацелена на снижение уровня идеологического противостояния православия и ислама. Благодаря законотворчеству Екатерины II в российской религиозной политике появилось понятие «веротерпимость». По закону 1773 г. ислам в границах империи постулировался как «терпимая» религия. Такой

¹ При вхождении в состав Русского государства башкиры, получив от царского правительства подтверждение своих вотчинных прав на принадлежащие им родовые земли, образовали самостоятельную сословную группу с регламентированным размером податей в пользу государства – ясаком. С отменой уплаты ясака в 1754 г. башкиры вошли в состав неподатного военно-служилого сословия. Военно-казачье состояние окончательно закрепилось за ними с введением в 1798 г. кантонной системы управления и образованием Башкиро-мещерякского войска, подчиненного ведомству военного управления иррегулярных войск при оренбургском военном губернаторе. После упразднения войска и отмены кантонной системы управления (1865) правительство уравняло башкир в гражданских правах с «прочими свободными сельскими обывателями», подчилило общим гражданским властям. При этом, согласно «Положению о башкирах» (14 мая 1863 г.), за ними было сохранено вотчинное право на принадлежавшие им ранее земли. Таким образом, башкиры имели особый юридический и экономический статус внутри крестьянского сословия.

статус предоставлял определенные льготы: мусульмане получили возможность открыто исповедовать свою веру, строить новые каменные мечети в городах и др. По указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. было создано государственно-религиозное учреждение для мусульман – Уфимское духовное магометанское собрание (с 1796 г. – Оренбургское), с 1846 по 1917 г. – Оренбургское магометанское духовное собрание. Открыто оно было 4 декабря 1789 г. в Уфе (в 1796–1802 гг. – находилось в Оренбурге). По примеру православной иерархической структуры было создано государственно-религиозное учреждение, призванное контролировать умонастроения местных приверженцев ислама. Глава ОМДС (муфтий) и его члены, назначаемые правительством, как правило, из казанских татар, становились государственными служащими. То есть вслед за православием началось огосударствление ислама. Так было положено начало процессу интеграции мусульманского населения края в российскую государственно-правовую систему.

Долгосрочным результатом религиозных реформ Петра I и Екатерины II стало уменьшение роли религии в государстве и обществе. Появились и стали распространяться альтернативные идеологии: либерализм, социализм, национализм. Консервативное царское правительство сделало свой выбор в пользу национализма с сохранением элементов православия. К концу XIX в. подъем русского национализма вызвал среди российских мусульман (прежде всего урало-поволжских татар) реформаторскую и традиционалистскую реакции. Традиционалистская реакция (кадимизм) выразилась в призыве консервативных мулл замкнуться в религиозной общине и игнорировать процессы российской модернизации. Реформаторское движение джадидистов началось среди тонкой прослойки национальной интеллигенции и прогрессивных мулл, которые стремились сохранить ислам как мировоззренческую систему: они пытались морально осовременить мусульманскую общину путем модернизации ее экономики, секуляризации культуры и организации общественно-политической жизни.

Одновременно российская модернизация усилила процессы маргинализации башкирского общества и пауперизации значительной части населения. Именно в этом сегменте общества был востребован ишанизм – деградировавший суфизм, потерявший философскую и этическую основы, но сохранивший наиболее профанные обряды и формы социальных взаимоотношений. «Ишанизм» был представлен в регионе традицией братства Накшбандийя-Муджаддидийя, отличительными особенностями которой

было особое пристрастие к обрядности и ритуалу, преклонение перед догматами. Многие его шейхи кроме религиозной и преподавательской деятельности занимались предпринимательством, политикой, становились крупными землевладельцами. Из суфизма фактически была выхолощена суть – система нравственного самосовершенствования; осталась лишь обрядовая форма, превратившая ишанов в местных князьков.

Российская модернизация была нацелена, прежде всего, на создание унифицированной системы образования и государственных средств массовой информации и коммуникации, т.е. на всеобщее распространение русской «высокой» культуры (по Э. Геллнеру). Однако одной из особенностей российской действительности рубежа XIX–XX вв. было то, что в «глубинке» сохранялись «высокие» культуры нерусских народов, в частности тюрко-исламская «высокая» культура на базе традиционной национально-религиозной системы образования и воспитания (медресе, мектебе) и литературного языка «туркӣ». Джадидистующая татарская интеллигенция видела в этой культуре основу для будущей единой тюркской политической нации, государствообразующей формой которой должна была стать национально-культурная автономия всех тюрко-мусульманских народов России. Этой объединительной тенденции противостоял этнонационализм отдельных тюркских народов, в частности башкир, который проявлялся в стремлении к собственной национальной «высокой» культуре (складывание литературного языка, создание этнических школ, издание национальных газет и журналов) и «своей» государственности в форме этнотERRиториальной автономии¹.

После Февральской революции 1917 г. процесс дифференциации среди российских тюрко-мусульман неуклонно прогрессировал. На Первом Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г., Москва) сторонники этнотERRиториальной автономии выступили с лозунгом «Федеративная народная республика», который большинством голосов делегатов съезда был одобрен. На этом же съезде Оренбургское магометанское духовное собрание было переименовано в Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири.

¹ Подробнее см.: Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа, 2002. – С. 222–235.

В июле–декабре 1917 г. в Оренбурге прошли три всебашкирских съезда, которые были посвящены в основном проблеме башкирской автономии. На третьем съезде (курултае) был принят Закон «О религии Башкурдистана», который, в частности, предусматривал создание независимого Башкирского духовного управления мусульман (БДУМ)¹. Формальной причиной создания нового муфтиата была объявлена политическая ангажированность Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ), однако в действительности образование БДУМ инициировали башкирские общественные деятели, недовольные «татарским засильем» в Уфимском муфтиате².

Межнациональные противоречия стали причиной отказа лидеров башкирского национального движения (1917–1920) участвовать в работе Национального собрания тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири (Миллят меджлиси), которое начало свою работу в Уфе 22 ноября 1917 г. Национальное собрание приняло проект «Основ культурно-национальной автономии» (конституцию) и сформировало правительство – Национальное управление тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири (Милли идарэ), состоящее из трех министерств: финансов, образования и религии. После разгона большевистским правительством Милли идарэ в январе 1918 г. его религиозное ведомство продолжало функционировать как ЦДУМ.

Первое десятилетие существования Советской России, а затем Советского Союза не сопровождалось серьезными притеснениями мусульман. За этот период прошли три Всероссийских съезда мусульманского духовенства (1920, 1923, 1926). Однако с 1927 г. началась борьба светского государства с мусульманской религией: повсеместно были закрыты медресе, коренным образом изменены школьные программы (в их основу был положен принцип атеистического воспитания детей), разрушению подверглись мечети как рассадники «религиозных пережитков прошлого». К 1930 г. были закрыты 87% мухтасибатов, более 70% мечетей, от 90 до 97% мулл и муэдзинов лишены возможности осуществлять

¹ На «духовном съезде представителей населения Башкирии» (июнь 1923 г.) было переименовано в Центральное духовное управление мусульман БАССР (ЦДУМ БАССР), в 1936 г. было ликвидировано по решению советских органов.

² См.: Силантьев Р.А. Новейшая история исламского сообщества России (1989–2004 гг.). – М., 2006. – С. 19.

свою деятельность¹. Советское государство предложило собственные формы вхождения национальных меньшинств в новую социальную общность – советский народ. Но полного вытеснения ислама атеизмом не произошло. Этому способствовал, с одной стороны, хотя и формальный, но конституционно закрепленный принцип «свободы совести», с другой – усиление значимости этнического фактора вследствие политики формирования союзного Советского государства на этнонациональной основе. Поэтому стало возможным сохранение ислама как элемента этнической идентификации.

На новом этапе российского нациестроительства, начавшемся в 1990-е годы, появились новые методы и формы интеграции мусульман в современное общество на основе сохранения их религиозной идентичности. Интернациональная массовая культура советского периода не только не привила башкирам и татарам региона идеи космополитизма, но, напротив, стимулировала национально-патриотические и культурооберегающие идеалы и ценности, усилив процессы этнической мобилизации. Характерной особенностью этнической мобилизации тюркоязычных народов республики стало так называемое «исламское возрождение» постсоветского периода.

Реисламизация стала возможна в силу сохранения в советский период истории экстенсивной модели развития российского общества. Согласно теоретическому конструкту известного культуролога И.Г. Яковенко, понятия экстенсивного и интенсивного выходят за рамки сферы технологии и экономических отношений. Экстенсивная или интенсивная модель развития общества «характеризуется определенным отношением к миру и порождает базовый тип личности. Эти типы различаются ментальностью – структурой переживания себя-в-мире, типом осмысления встающих перед человеком проблем и характером решений этих проблем»². Ислам как одна из консервативных идеологий экстенсивно ориентированного типа обществ был необходим для «экстенсивного типа личности», потерявшей ориентиры в период идеологического хаоса конца 1980-х – 1990-х годов. Возврат к религии предков

¹ См.: Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. – С. 15.

² Яковенко И.Г. Познание России: Цивилизационный анализ. – М., 2008. – С. 275.

позволил довольно значительной части башкир и татар республики сохранить ценностные ориентиры и свою модель мира.

Реисламизация выразилась, прежде всего, в возрождении внешней стороны мусульманской религиозности: это восстановление и постройка культовых зданий, легальное отправление обрядности, возможность получения духовного образования в России¹ и за рубежом, создание собственных средств массовой информации – печатных, радиоэлектронных и сетевых.

В начале 1990-х годов на волне борьбы за широкую автономию в национальных республиках России из состава ДУМЕС² начали отпочковываться региональные муфтииаты, созданные на базе республиканских и областных мухтасибатов. В частности, в августе 1992 г. на съезде делегатов от Уфимского, Стерлитамакского, Октябрьского и Сибайского мухтасибатов (250 человек, представлявших 120 мусульманских общин) было объявлено о создании Духовного управления мусульман Республики Башкортостан³. На начало 2006 г. в составе ДУМ РБ было зарегистрировано 259 мечетей, а 211 мечетей относились к ЦДУМ России, в юрисдикции которого находились также свыше 20 муфтиев и духовных лиде-

¹ Крупным прорывом в восстановлении системы религиозного образования мусульман в России стало открытие в январе 1989 г. на основании постановления Совета по делам религий Кабинета Министров СССР в Уфе при ДУМЕС (с марта 1994 г. – Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ) первого высшего мусульманского образовательного учреждения – двухгодичного медресе по подготовке имамов и священнослужителей, которое в 1996–2003 гг. функционировало как Российский исламский институт ЦДУМ. В 2003 г. институт был преобразован в Российский исламский университет им. Ризаэтдина ибн Фахретдина. РИУ официально зарегистрирован в МЮ РФ и имеет государственную лицензию Минобразования РФ. Ежегодно в университете обучаются более 700 человек. Среди них региональный компонент студентов из РБ составляет около 65%. Ежегодно на ФПК повышают квалификацию более 200 имам-хатыбов из Республики Башкортостан и субъектов РФ.

² Образованное в 1918 г. ЦДУМ РСФСР на IV Всероссийском съезде мусульманского духовенства (25 октября 1948 г., Уфа) было переименовано в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). На VI чрезвычайном съезде мусульман Европейской части СНГ и Сибири, проходившем в Уфе 8–10 ноября 1992 г., был принят новый устав учреждения, согласно которому ДУМЕС переименовывалось в Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ). Однако официально это название вступило в силу только 6 марта 1994 г., когда новый устав ДУМЕС прошел регистрацию в Министерстве юстиции РФ.

³ См.: Силантьев Р.А. Указ. соч. – С. 41–42.

ров России и стран СНГ¹. Численное соотношение между общинами ДУМ РБ и общинами ЦДУМ² в республике составляет приблизительно 3 : 2. Позиции ЦДУМ наиболее сильны в северных, северо-западных и центральных районах Башкортостана, в то время как на ДУМ РБ ориентируются преимущественно общины южных и восточных районов. По количеству контролируемых общин ДУМ РБ занимает третье место среди российских региональных муфтиев, уступая только ДУМ Республики Татарстан и ДУМ Дагестана. Подготовкой кадров для ДУМ РБ занимаются находящиеся в Уфе два исламских института и средние образовательные учреждения – медресе: два в г. Агидель, Аскаровское, Баймакское, Белорецкое, Октябрьское и Юмагузинское³. В 2012 г. открыто медресе в г. Сибай.

Среди причин противостояния между ЦДУМ (верховный муфтий России Талгат Таджуддин) и ДУМ РБ (муфтий Нурмухамет Нигматуллин), которое продолжается на протяжении последних 20 лет, можно назвать как субъективные (личностные) разногласия, так и объективные, прежде всего этнонациональный фактор. Как считает один из исследователей новейшей истории исламского сообщества в России Р.А. Силантьев, создание ДУМ РБ инициировали башкирские имамы, недовольные «татарским засильем» в ДУМЕС. Действительно, по состоянию на 10 декабря 1988 г. из 128 имамов ДУМЕС лишь трое были башкирами (менее 3%), в то время как общее соотношение башкир и татар в России составляло 1 : 4⁴. Основную поддержку ДУМ РБ оказали именно башкирские общины, в то время как большинство татарских осталось в юрисдикции ДУМЕС⁵. В целом сложившаяся в исламском сообществе Башкортостана ситуация характеризуется развитием

¹ См.: Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – М., 2007. – С. 56.

² В составе ЦДУМ в 1994 г. было создано Региональное духовное управление мусульман Республики Башкортостан (РДУМ РБ), которое прекратило свое существование в 1997 г. Однако в начале июня 2003 г. РДУМ РБ было восстановлено, под его началом были объединены около 160 мусульманских общин Башкортостана. Главное учебное заведение – филиал Российского исламского университета в г. Октябрьский. Главная мечеть – «Лияля-Тюльпан» в Уфе. На территории Татарстана практически не осталось мусульманских приходов, подконтрольных ЦДУМ, все они подчинены ДУМ РТ.

³ См.: Силантьев Р.А. Указ. соч. – С. 181–182.

⁴ Численность башкир на территории РСФСР по переписи 1989 г. – 1345 тыс. человек, численность татар – 5522 тыс. человек.

⁵ См.: Силантьев Р.А. Указ. соч. – С. 474.

этнократических политических тенденций, что в перспективе предполагает дальнейшее подчинение религиозного фактора национальному.

Несмотря на стремление мусульманского духовенства обосновать важность религии через этническую принадлежность, реисламизация в постсоветских обществах не означает возврата к досоветской модели. Для этого отсутствуют объективные возможности. Если населениеmonoэтничных сел и деревень еще можно рассматривать как потенциальную мусульманскую общину, то в городах локально-поселенческая структура исламоориентированных групп населения оторвана от традиционной «слободской» организации, которая была распространена в дореволюционной России. В досоветский период мусульмане, как правило, селились обособленно в городских слободах, «образуя махаля и строя в них мечети и медресе». Существовал четкий список членов махалей, которые поддерживали свои религиозные институты финансами. В современной России возникшие мусульманские приходы в городах образуются в основном при мечетях, где, как правило, отсутствуют устойчивые коллективы прихожан. Мечети действуют как ритуальные учреждения, обеспечивающие проведение обрядов по заявкам всех обращающихся¹. Согласно полевым исследованиям уфимского социолога Р. Галлямова, современные мусульманские общины Волго-Уральского региона находятся в плачевном финансовом состоянии. Многие молодые выпускники медресе не работают по избранной специальности, поскольку она не обеспечивает им достаточных для жизни средств. Если дореволюционные общины верующих сами содержали мечети и имамов, отмечает исследователь, то современные этого делать не в состоянии из-за малочисленности верующих².

Однако дело, как представляется, не в отсутствии верующих. Как будет показано далее, относительно много верующих проживает, в частности, на территории Республики Башкортостан. Дело в той общей тенденции индивидуализации религии, которой подчинены не только постсоветские общества, но и весь мир. Вера

¹ См.: Мухаряров Н. Ислам в Поволжье: Политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход: Сб. статей. – М., 2007. – С. 24.

² См.: Галлямов Р. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: Сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход: Сб. статей. – М., 2007. – С. 97.

ныне относится, подчеркивают французские исламоведы С. Пейруз и М. Ларуэль, к личному убеждению, а не к социальной заданности; ислам секуляризовался, он теперь личное дело каждого, а не общее кредо. Атеизм советского периода был лишь одной из возможных версий секуляризации, развивающейся во всем мире¹. В социально-экономических и общественно-политических реалиях постсоветской России можно говорить лишь об активизации процесса секуляризации.

Вместе с тем на современном этапе развития российского общества, несомненно, сохраняется такая константа, как религиозная, в том числе мусульманская, идентичность. О наличии у современных мусульман Башкортостана исламской идентичности можно судить по уровню их религиозной культуры, при определении которого в регионах базовым концептом является положение об асимметрии репрезентативности культур светского и религиозного типов в социальном пространстве. В современном обществе асимметрия выражена в преобладании светской культуры, которая присутствует в сознании человека как первичное всеобъемлющее выражение социального знания. Современный человек остается светским по своему социокультурному базису. В свою очередь, религиозная культура выступает в качестве «социокультурной переменной» и формируется вследствие осознанного волевого личностного выбора в более или менее зрелом возрасте.

Определить точное количество мусульман в современном Башкортостане невозможно вследствие отсутствия данных о религиозности населения в последних Всероссийских переписях (2002, 2010). Однако в переписных материалах нашел полное отражение этнический состав населения страны. Исходя из того что религиозным предпочтением башкир и татар республики является ислам, можно определить верхнюю планку количества приверженцев мусульманской веры на территории Башкортостана. Так, согласно материалам переписи 2010 г., здесь проживали 1 172 287 башкир (29,5% от всей численности населения республики) и 1 120 702 татар (25,4% от всего населения республики)², т.е. к этническим

¹ См.: Пейруз С., Ларуэль М. Введение. Глобальные процессы трансформации идентичности и религиозности: Постсоветский ислам // Казанский федералист. 2005. № 1 (13). Спец. вып. – Казань, 2005. – С. 17.

² См.: Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: Статистический бюллетень. – Уфа, 2012. – С. 30.

мусульманами (так принято называть тех, кто относится к преимущественно «мусульманскому» народу) можно отнести 54,9% населения РБ.

Другим источником определения религиозной картины в республике могут служить опросы населения. Так, в сентябре-октябре 2011 г. сотрудниками Института социально-политических и правовых исследований РБ было проведено анкетирование городского и сельского населения семи социально-экономических подрайонов РБ (объем выборки – 1026 человек). Из числа опрошенных 52,2% назвали себя мусульманами, 39,5 – православными, остальные 8,3% не определились с религиозной идентичностью. Мусульман и православных примерно равное количество в Уфе (44,5 и 43,4%), других городах РБ (45,7 и 46,8%), но мусульман вдвое больше среди жителей села – 63,4% против 30,1% – православных.

Вместе с тем не все башкиры и татары республики приверженцы ислама. Согласно данным социологического опроса (ИСПиПИ РБ, 2011), считают своей религией ислам 92,4% опрошенных башкир и 86,7% опрошенных татар. Среди относящих себя к мусульманам: 46,8% – жители села, 21,9 – жители Уфы, жители других городов РБ – 31,3%. Среди исламоориентированных респондентов женщины составили 53%, мужчины – 51%; имеют высшее образование 16,2%, незаконченное высшее – 9,7%. Большинство имеют диплом о среднем специальном образовании – 52,2%, 21,9% – со средним образованием и ниже. По возрастным группам респонденты-мусульмане распределены довольно равномерно: в диапазоне от 23,5% в возрастной группе от 45 до 54 лет и до 8,7% в возрастной группе от 65 лет и старше.

Отражением особенностей процесса реисламизации в регионе можно считать некоторое численное преобладание респондентов-мусульман. Считают себя верующими и стараются соблюдать мусульманские обычаи и обряды 31,5% декларировавших свою исламскую религиозность (в том числе 32,0% башкир и 29,5% татар). Относят себя к верующим, но не соблюдают обычаи и обряды 58,8% опрошенных потенциальных мусульман (в том числе 58,0% башкир и 61,0% татар). Таким образом, число верующих, согласно опросу 2011 г., составило 90,3% тех, кто был причислен к представителям мусульманской традиции. То есть субъективный индикатор религиозности (исламская самоидентификация) очень высок и примерно одинаков среди мусульман-башкир и мусульман-татар.

Как известно, истинным мусульманином считается лишь тот, кто не испытывает никаких сомнений в существовании Аллаха. По данным исследования ИСПиПИ РБ (2011), лишь 44,6% опрошенных мусульман не испытывают никаких сомнений в том, что Аллах существует, в том числе 47,2% башкир и 39,5% татар. Результаты опроса показали, что убежденность в существовании Аллаха практически не зависит от уровня образования. Истинно верующих больше среди людей пенсионного возраста, среди женщин по сравнению с мужчинами (49,3 и 38,8%), среди горожан по сравнению с жителями села (Уфа – 46,9%, другие города РБ – 47,9, село – 41,2%).

Вместе с тем среди жителей городов присутствуют как коренные их обитатели, так и горожане в первом поколении – выходцы из села. Эта маргинализированная группа (горожане – выходцы из села) сохраняет многие ментальные ценности и мировоззренческие установки, характерные для традиционного сознания сельских жителей. Хотя выходцы из села живут в городе, они не потеряли связи с деревней (где, как правило, остались родственники, родители, помогающие им материально). Особенно это характерно для возрастной группы до 20 лет, в которой большинство составляет учащаяся молодежь. В этой возрастной когорте родившихся в городе мусульман – 42,5%, а проживающих в нем – 81,7% (среди башкир до 20 лет соответственно 32,4 и 82,4%)¹.

Приехавшая в город для получения образования сельская молодежь из этнических мусульман, несомненно, испытывает психологический стресс в атомизированной городской среде, которая отличается от привычного, насыщенного социальными связями мира деревни. Психологический дискомфорт связан прежде всего с понижением их статуса, поскольку их язык, манеры, а иногда и одежда на фоне городских жителей выглядят «непrestижно». Русские жители городов воспринимают этнических мусульман из села как «отсталых от цивилизации», что замедляет интеграцию последних в городскую среду. В результате выходцы из села пытаются найти в городе собственную нишу, опираясь на свою этническую и религиозную идентичность. В частности, из этого маргинализированного слоя, согласно полевым материалам

¹ По данным опроса, который был проведен в 2007–2008 гг. среди жителей четырех городов (в том числе Уфы) и девяти районов республики в рамках гранта РГНФ, рук. проекта Л.А. Ямаева. См.: Аминев З.Г., Ямаева Л.А. Региональные особенности ислама у башкир. – Уфа, 2009. – С. 151, 153.

Р. Галлямова, рекрутируется мусульманское духовенство низшего звена. Большинство молодых имамов (подчиненных как ЦДУМ, так и ДУМ РБ), отмечает исследователь, имеет невысокий общеобразовательный уровень и не может похвастаться широкой эрудицией в светских вопросах. Многие из них завершили свое светское образование в профессионально-технических училищах или даже в неполной общеобразовательной школе. Это наблюдение, подчеркивает Р. Галлямов, справедливо и по отношению к некоторым из тех, кто затем получил духовное образование в ведущих исламских учебных заведениях дальнего зарубежья – в Египте, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии¹.

Определенная часть молодежи из этой маргинализированной страты для удовлетворения нереализованных амбиций переходит на позиции «радикального ислама». Положение вещей усугубляется, судя по результатам исследований, проведенных в Институте социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (ИСЭИ УНЦ РАН), относительно низким уровнем жизни этнических мусульман, прежде всего башкир. В ходе проведенного исследования выявлено, что преобладающее большинство муниципальных образований с преимущественно башкирским населением относится к отсталым или депрессивным в своем развитии территориям. Кроме того, для социально-профессиональной структуры башкирского населения характерна преимущественная занятость в сельском хозяйстве. Как показывает статистика, на селе низкий уровень оплаты труда соседствует с высоким уровнем бедности. В результате в среде башкир, проживающих в сельской местности, обостряются такие негативные социальные явления, как безработица, недоступность образования, алкоголизм, рост самоубийств.

Основным источником увеличения численности башкирского населения в городах является миграция из села. Стартовые условия и степень вертикальной социальной мобильности у горожан-башкир хуже, чем у представителей более урбанизированных этносов (по республике среди горожан преобладают русские – 76,7%, затем татары – 68,3 и только потом башкиры – 47,5%). Большинство городских башкир – выходцев из сельской местности, имея низкий уровень социальных и финансовых возможностей, автоматически пополняют бедные слои современных городов. Среди факторов, обусловивших низкий уровень жизни

¹ См.: Галлямов Р. Указ. соч. – С. 81, 82.

башкир, социологи ИСЭИ УНЦ РАН называют также их ментальные особенности, в частности заниженные представления о богатстве и бедности, низкую мотивацию в социально-экономической сфере, безразличие к существующей экономической дифференциации в обществе¹. Последнее обстоятельство, несомненно, является показателем сохранения в среде башкир особенностей их религиозной самобытности, а именно – суфийской составляющей «локального ислама».

Низкий уровень жизни становится для молодых башкир в отдельных случаях причиной их вовлечения в нетрадиционные для России религиозные движения исламского происхождения (ваххабизма / салафизма, нурсизма, секты ахмадийя, «исламских джамаатов», партии «Хизб ут-Тахрир» и др.). Вместе с тем трудно согласиться с голословными заявлениями некоторых уфимских исследователей, которые утверждают, что значительная часть башкир-мусульман являются салафитами². Подобные заявления, не подкрепленные данными статистики или социологических исследований, без ссылки на авторитеты и печатные издания могут дезориентировать читателей, плохо знающих доктрины ислама, его обряды и, наконец, историю³.

¹ См.: Каримов А.Г. Современные социально-экономические аспекты уровня жизни народов Башкортостана // Ватандаш. – 2011. – № 1. – С. 148, 149, 151, 152.

² См.: Юсупов Ю.М. Традиционные исламские течения в общественной жизни современного Башкортостана // Перспективы модернизации традиционного общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2011. – С. 429.

³ История салафизма началась в XVIII в., когда ханбалитский проповедник Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (отсюда «ваххабизм») провозгласил, что мусульманское вероучение после смерти Пророка Мухаммеда было извращено, и поэтому необходимо вернуться к истокам «чистого» ислама (отсюда «салафизм» – от выражения «ас-салиф ас-салих» («праведные предки»), т.е. его сторонники должны во всех своих действиях, нормах и правилах следовать доктам первоначального ислама). Главной чертой нового течения стало буквалистское и примитивное толкование Корана, породившее отрицание значительной части мусульманской вероучительной литературы, а также целого ряда доктамов и обрядов, определенных как «бода» – запрещенные нововведения. Ваххабиты объявили целый ряд направлений ислама еретическим, приравняв их последователей к язычникам. Отдельные приверженцы салафизма пытаются позиционировать его как безмазхабный ислам. Однако появление и развитие этого течения в исламе связано с ханбалитским мазхабом суннизма, наиболее консервативным из всех четырех. Особое неприятие у ваххабитов вызывали шииты и суфии, практиковавшие почитание святых мест, полумистические формы богослужения (зикр и др.) и аскезу.

После распада СССР на территории России появились эмиссары исламских благотворительных фондов, которые ставили своей целью возрождение мусульманской уммы в России. Особое внимание зарубежные фонды уделяли образовательным программам, призванным воспитывать новую генерацию духовных лидеров и служителей культа. Молодые мусульмане из республик Северного Кавказа и Урало-Поволжья сотнями отправлялись на учебу в зарубежные медресе в рамках арабских и турецких программ содействия реисламизации российских мусульман. В итоге большинство молодых людей попало в центры идеологической, а в некоторых случаях и комплексной подготовки «бойцов джихада». Многие из них согласились на роль миссионеров «чистого» ислама. К середине 1990-х годов сотни образованных и амбициозных радикалов стали возвращаться в Россию, формируя костяк салафитского движения¹. Вместе с тем число получивших зарубежное религиозное образование среди мусульман Башкортостана существенно ниже, чем среди мусульман Татарстана и республик Северного Кавказа. Так, в 2006 г. в религиозных образовательных учреждениях Египта, Сирии, Саудовской Аравии и Турции обучалось всего 30 человек – выходцев из Башкортостана (19 человек от ЦДУМ, 11 человек от ДУМ РБ). На тот же период число заграничных шакирдов из Татарстана составляло 100 человек. Только в одном всемирно известном мусульманском университете «Аль-Азхар» (Каир) в 2004 г. обучалось свыше 200 выходцев из России².

«Группой риска», которая подпитывает салафитское движение в республике, являются молодые мусульмане, подверженные «комплексу геронтофобии». Характеризуя эту группу, один из духовных лидеров мусульман современного Татарстана Валиулла Якупов отмечает, что формируется она, как правило, из молодежи –

тизм. В 1925 г. ваххабизм был признан официальной религией в Королевстве Саудовская Аравия. К началу XXI в. это направление ислама в той или иной форме распространилось по всему миру и стало доминировать в Объединенных Арабских Эмиратах, Кувейте, Катаре, Судане и Афганистане. Новые реалии жизни привели к формированию политической доктрины салафизма. Ее отличительными особенностями стали непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к замене его исламским, устроенным по законам шариата, недопустимость раздельного существования религии и государства, противопоставление исламского мира остальным цивилизационным моделям, отрицание всех неисламских законов.

¹ См.: Сильтантьев Р.А. Указ. соч. – С. 530, 531.

² См.: Галлямов Р. Указ. соч. – С. 99, 100.

выходцев из социально неблагополучных семей. Конфликты с собственными родителями переходят в идеологическую плоскость. По наблюдениям В. Якупова, юноши начинают считать родителей грешниками, потому что те не читают намаз, ведут неправедный образ жизни. Несогласие с образом жизни семьи подвигает их к поиску иных стандартов поведения. Эту непростую психологическую ситуацию часто используют, подчеркивает В. Якупов, проповедники «чистого» ислама. Они умело переносят стереотип недоброжелательства и неуважения, возникший у молодого человека к своим старшим родственникам, на все старшее поколение. Проповедники салафизма внедряют молодежи мысль о том, что «бабаи» (представители традиционного, или «примечетного», ислама) – главная помеха на пути возрождения религии, вербую таким образом в свои ряды новое пополнение¹. Судя по полевым материалам автора и отдельным публикациям в периодической печати, похожим образом складывается ситуация и в Башкортостане.

При этом в целом среди мусульман республики доминируют те элементы религиозной культуры, которые характерны для традиционного в регионе «локального» ислама. Особенности этого регионального варианта сохраняются в ритуальной практике современных мусульман, в частности в погребальной обрядности. Так, 90,2% респондентов-мусульман, по данным опроса 2007–2008 гг. (грант РГНФ), ответили утвердительно на вопрос: «Приято ли в вашей местности собирать меджлис на 3, 7, 40-й день после смерти усопшего?»; 94,5% опрошенных не сомневаются в правильности, с точки зрения исламской доктрины, чтения Корана у могилы усопшего². Проведение поминок (меджлиса) и чтение Корана на кладбище салафиты относят к проявлениям язычества. Кроме того, только в ханафитском мазхабе суннитского ислама, традиционного для башкир и татар, разрешено посещение мечети женщинами³. По данным опроса ИСПиПИ РБ (2011), 17% респон-

¹ См.: Якупов В. Роль традиционного ислама в религиозном возрождении // Казанский федералист. 2005. № 1 (13). Спец. вып. С. 37.

² См.: Аминев З.Г., Ямаева Л.А. Указ. соч. – С. 155, 156.

³ В советский период ДУМЕС издало фетву, в которой говорилось, что «женщина-мусульманка не только имеет право, но и обязана участвовать в богослужениях в мечети». В то же время Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), которому подчинялись в основном сунниты шафииитского толка, строго придерживалось правила, что «женщины-мусульманки не должны вообще посещать мечеть» (см.: Аширов Н. Эволюция ислама в СССР. – М., 1972. – С. 20).

дентов-мусульманок регулярно посещают мечеть. В том числе 6,4% не менее одного раза в неделю, а 9,9% – один-два раза в неделю. Женщин, которые посещают мечеть несколько раз в год, гораздо больше – 37,6% утвердительных ответов, и 24,1% опрошенных женщин посещали мечеть в течение последнего года по семейным событиям (свадьба, похороны).

О том, что основная масса современных мусульман республики относит себя к национально-традиционному исламу, свидетельствуют ответы на вопрос анкеты (ИСПиПИ РБ, 2011): «Насколько Вы доверяете мусульманским организациям (ДУМ, мечетям, имамам)?»; 26,8% респондентов, считающих себя мусульманами, полностью доверяют, а 49,3% – скорее доверяют; в том числе мусульманскому духовенству полностью доверяют 27,5% башкир и 26,8% татар, скорее доверяют – 50,2% башкир и 46,9% татар. Салафиты же, не признающие в принципе светского государства (тем более с преобладающим христианским населением), резко отрицательно относятся к служителям исламского культа в России, которые пользуются поддержкой государства¹.

Результаты опроса 2007–2008 гг. (грант РГНФ) позволяют утверждать, что в религиозной практике современных мусульман региона сохранилось влияние суфийской формы бытования ислама. Об этом можно судить, в частности, по следующим ответам: 25,9% респондентов-мусульман (в том числе 27,9% башкир и 22,2% татар) празднуют Маулюд – день рождения Пророка Мухаммеда. Салафиты относят этот праздник к области «быва» – запрещенных нововведений. Довольно значительная часть опрошенных (25,0%, в том числе 25,8% башкир и 24,2% татар) знакома с важной характеристикой суфийской мистической практики – зикром. 26,3% респондентов, в том числе 37,1% опрошенных башкир, знают о могилах мусульманских святых (эулиэ кэбере), а 16,4% респондентов-башкир и 6,2% респондентов-татар сами посещали могилы святых. Этот ритуал особенно популярен среди зауральских башкир. Как правило, могилы святых расположены на

¹ О государственной поддержке российского ислама говорят следующие факты: дни главных мусульманских праздников (Ураза-байрам и Курбан-байрам) в Республике Башкортостан являются нерабочими; на главном республиканском телеканале (БСТ) имеется ряд программ, которые посвящены исламской тематике. Кроме того, мечеть «Ляля-Тюльпан» в Уфе была построена практически полностью на средства из республиканского бюджета, строительство новой Уфимской соборной мечети на проспекте Салавата Юлаева также финансируется Правительством РБ.

территории районов с преимущественно башкирским населением (Баймакский, Хайбуллинский, Учалинский, Зианчуринский, Кугарчинский, Ишимбайский, Салаватский, Абзелиловский, Бурзянский районы РБ)¹. Вместе с тем на территории Башкортостана больше не практикуют суфийские шейхи, ишаны, не встречаются дервиши, которых можно было увидеть еще в 1950–1960-х годах. Только один из 38 опрошенных уфимским социологом Р. Галлямовым в 2003–2004 гг. служителей исламского культа на территории республики заявил о себе как о приверженце суфийского учения, сообщив, что периодически выезжает к своему *остоза* (учителю) в Дагестан. Но 57,9% респондентов-имамов отметили свое положительное отношение к суфизму, подчеркнув, однако, что суфииев среди мусульман Башкортостана очень мало и они не определяют религиозный климат².

Приведенные ниже данные позволяют подвергнуть сомнению тезис, кочующий из одной публикации по исламской тематике в другую, о том, что «башкиры – плохие мусульмане». Согласно данным, полученным в ходе социологического исследования (ИСПиПИ РБ, 2011), значительная часть башкир соблюдает обязательные для мусульман религиозные нормы и предписания, причем среди башкир таких даже несколько больше, чем среди татар. Так, 32,7% опрошенных башкир и 26,3% опрошенных татар соблюдают пост (*уразу*); 6,3% респондентов из башкир и 7,6% респондентов из татар совершают ежедневно пятикратный намаз; 82,9% башкир и 75,1% татар подают милостыню (*хаер*); 28,9% башкир и 28,7% татар не употребляют алкоголь; 24,9% башкир и 19,6% татар соблюдают исламские предписания в питании; 26,0% башкир и 15,3% татар совершили обряд обрезания (*суннат*) своим сыновьям; 33,1% башкир и 23,8% татар стараются соблюдать мусульманские предписания в одежде; 7,4% башкир и 8,6% татар признались в своем стремлении накопить деньги для совершения хаджа. Вместе с тем, по данным секретариата ЦДУМ России, ежегодно совершают хадж от 30 до 60 жителей Башкортостана. Даже в годы наивысшего подъема паломничества это число не превышало 100 человек. Это более чем скромные показатели даже по сравнению с Республикой Татарстан, не говоря уже о Северо-

¹ См.: Аминев З.Г., Ямаева Л.А. Указ. соч. – С. 156, 157.

² См.: Галлямов Р. Указ. соч. – С. 105.

Кавказском регионе, до 10 тыс. жителей которого ежегодно отправляются в паломничество в Мекку¹.

Религиозные обряды придают сакральность основным событиям в жизни человека: рождению, вступлению в брак, смерти. Большинство называвших себя мусульманами считают необходимым соблюдать соответствующие обряды. Так, 90,7% опрошенных башкир и 82,9% опрошенных татар, по данным ИСПиПИ РБ (2011), считают необходимым совершение обряда имянаречения (*исем кушу*) своим детям; 91,0% башкир и 85,2% татар подчеркнули необходимость проведения религиозного бракосочетания (*никхах*); 92,2% башкир и 80,5% татар согласны, что при погребении усопшего необходимо чтение специальной молитвы (*йыназа уку*).

Судя по приведенным выше данным, уровень объективной религиозности (соблюдение обрядов, ритуалов и норм) выше у современных башкир, чем у современных татар региона. Такой результат отражает, на наш взгляд, степень урбанизированности обоих народов. Более половины башкир являются жителями деревень, где легче сохранить свою религиозную идентичность в силу доминирования традиционного образа жизни. Полиэтничная, атомизированная городская среда, которая более близка татарам региона, не способствует сохранению в их рядах коллективистского духа мусульманской общины (уммы).

Процесс реисламизации в регионе, судя по результатам опроса ИСПиПИ РБ (2011), имеет в последнее время тенденцию не только к расширению, но и углублению. В частности, довольно значительная часть респондентов (48,7% башкир и 41,4% татар) периодически читают молитвы (молятся), 12,3% башкир и 11,4% татар делают это ежедневно. Кроме того, 4,8% башкир и 2,4% татар посещают занятия по основам исламского вероучения; 18,7% башкир и 15,9% татар читают религиозную литературу; 35,3% башкир и 31,4% татар читают суры из Корана.

Эти данные свидетельствуют, кроме прочего, и о росте значимости духовных ценностей для современного человека, что находит подтверждение в распределении ответов на вопрос: «Какое значение имеет религия лично для Вас?» (анкета ИСПиПИ РБ (2011)). 83,8% респондентов-мусульман (в том числе 84,0% башкир и 84,2% татар) считают, что религия помогает моральному очищению, делает более нравственными. Религия, по мнению 80,5% опрошенных мусульман (в том числе 81,3% башкир и 80,0%

¹ См.: Галлямов Р. Указ. соч. – С. 100.

татар), делает нас более терпимыми к людям, их особенностям, их вере. Кроме того, 73,5% позиционирующих себя как приверженцы ислама (в том числе 74,4% башкир и 71,4% татар) убеждены, что вера в Аллаха помогает заботиться о бедных, нуждающихся в помощи. Чуть меньше тех, кто считает, что ислам помогает переносить трудности, способствует успеху в делах – 72,5% (в том числе 72,5% башкир и 71,8% татар). Ответы тех, кто считает, что религия не имеет никакого значения, составляют небольшую долю – 10,2% (в том числе 10,4% башкир и 10,5% татар). Отрицательный ответ на поставленный вопрос отражает точку зрения тех респондентов-мусульман, которые полагают, что религия разъединяет, – 18,1% (в том числе 14,8% башкир и 22,0% татар).

Говоря о положительном значении религии для морально-нравственного самочувствия, большинство респондентов-мусульман имели в виду не столько ислам, сколько религию в широком смысле слова: как одну из форм общественного сознания. Среди перечисленных в анкете (2011) традиционных религий и конфессий (православие, ислам, иудаизм, буддизм, католицизм, протестантизм, язычество) самой почитаемой опрошенные мусульмане назвали свою религию. Положительно к исламу относятся 60,8% башкир и 70,8% татар; скорее положительно – 29,1% башкир и 24,4% татар. Высоко оценивают опрошенные мусульмане и роль православия. Положительно к православию относятся 36,8% башкир и 44,3% татар, скорее положительно – 46,8% башкир и 44,8% татар. Из отрицательных ответов можно выделить лишь отношение к язычеству. 15,6% башкир и 13,8% татар относятся негативно к этому виду религиозного сознания, а 16,4% башкир и 13,3% татар – скорее негативно.

Уровень терпимости мусульман региона к представителям других верований, в частности к православным, нашел отражение в ответах на вопрос анкеты (2011): «Насколько Вы доверяете православным?» Полностью доверяют 20,1% башкир и 27,6% татар, скорее доверяют 55,0% башкир и 59,0% татар. Достоверность приведенных данных можно перепроверить, сопоставляя с ответами на сходный по смыслу вопрос: «Насколько близко Вы чувствуете себя с православными?» Среди опрошенных мусульман близость с православными чувствуют 60,4% башкир и 60,0% татар, а ответ «очень близко» дали 11,1% башкир и 11,4% татар.

О высоком уровне близости и доверия мусульман региона к православным можно судить по параллельным показателям доверия и близости к единоверцам. Высоко оценили свою близость к

представителям исламской традиции 59,0% респондентов-башкир и 61,2% респондентов-татар, а 19,0% башкир и 18,2% татар ответили: «Очень близко». Высокий порог терпимости опрошенных мусульман к людям православной веры подтверждают и ответы на вопрос анкеты: «Ваша реакция, если бы кто-то из Ваших родных или близких людей перешел / собрался перейти из ислама в православие?» Более половины респондентов (55,8% башкир и 64,4% татар) считают, что «это его личное дело»; 23,0% башкир и 11,1% татар охарактеризовали подобный шаг как «плохой поступок», но не стали бы препятствовать смене веры, а 15,2% башкир и 13,0% татар попытались бы разобраться в причинах поступка. Более того, 29,5% назвавших себя мусульманами (в том числе 23,4% башкир и 36,4% татар) отмечают христианские праздники – Пасху и Рождество; 2,5% из них (в том числе 2,2% башкир и 2,9% татар) соблюдают православные посты; а некоторые – 2,1% респондентов-мусульман (в том числе 1,9% башкир и 2,4% татар) даже крестили своих детей.

Приведенные выше результаты социологического опроса иллюстрируют не только высокий уровень терпимости мусульман республики к людям другой религиозной культуры, но и отражают процесс секуляризации, который подчинил своим законам не только внешнюю сторону жизни индивида, но и его мировоззренческие установки. Так, по данным опроса (2011), менее половины респондентов-мусульман (в том числе 44,9% башкир и 45,5% татар) ощущают единство с людьми своего вероисповедания.

О присущей современному человеку асимметрии репрезентативности культур светского и религиозного типа в пользу первого свидетельствует и опубликованная в периодической печати информация Министерства образования РБ. Как известно, 1 сентября 2012 г. для всех школьников четвертых классов страны вводится учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики». По сути, это шесть самостоятельных предметов: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддистской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской этики». По заявлению замминистра образования РБ В. Аристархова, проведенный опрос родителей третьеклассников показал, что подавляющее большинство (72,4%) выбрали для своих детей «общий предмет» – «Основы светской этики». «Историю мировых религий» в 2012/13 уч. г. будут изучать 22,2% четвероклассников, «Ос-

новы исламской культуры» – 3,6%, «Основы православной культуры» – 1,8% («МК» в Башкортостане, 20–27 июня 2012 г.).

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют выявить определенные тенденции.

Во-первых, основная масса мусульман республики не является истинно верующей, но относится, несомненно, к миру исламской культуры и сохраняет элементы ее ментальности. На современном этапе социально-политической жизни мусульман Башкортостана присутствие ислама имеет более символический характер: для этнического самосознания башкир ислам важен не как мировоззренческая система, а как часть исторической памяти народа.

Во-вторых, хотя современный российский ислам институционализирован через духовные управления, пользуется государственной поддержкой в рамках отдельной «мусульманской» республики, он тем не менее остается миноритарным, так как не может не учитывать федеральный контекст. Охват исламом всех сфер жизни, к чему стремятся салафиты, немыслим в современном российском обществе. Современные этнические мусульмане, и более всего татары и башкиры, интегрированы в российский социум и в цивилизационные структуры: поведенческие, социокультурные, социально-лингвистические, коммуникативные, индустриально-технологические. Огромную роль в этом играют и традиции межэтнической и межконфессиональной толерантности, развитые в Урало-Поволжье.

Учитывая эти обстоятельства, а также неизжитое противоречие между татарами и башкирами, объединение местных мусульман в единую политическую силу вряд ли возможно.

«Гражданская, этническая и региональная идентичность: Вчера, сегодня, завтра»
(рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева),
М., 2013 г., с. 173–193.

М. Гаджиев,

кандидат политических наук (ДГУ, г. Махачкала)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ДАГЕСТАНА

В последние десятилетия в России четко проявились две противоположные тенденции развития политической активности – с одной стороны, мы наблюдаем роль политических элит в жизни

нашей страны, их влияние на развитие политических явлений и процессов, с другой – проявляется значительное сокращение политической активности и участия основных социальных слоев и групп в общественно-политической жизни. При рассмотрении социальной природы основных групп современной зарубежной или российской политической элиты мы сталкиваемся с табуированием данной темы, которая носит не столько методологический характер, а скорее психологический.

Основатели марксизма акцентировали внимание на наущной необходимости участия широких масс народа в политической жизни общества и предостерегали от положения, при котором возможна монополизация власти узким кругом людей. Своей задачей они ставили ликвидацию такой монополии, чтобы стереть различие между политической элитой и остальным обществом¹. Элитистские концепции, выработав аксиологический (ценностный) и альтиметрический подходы, выделяют политическую элиту в самостоятельную социальную группу. В настоящее время альтиметрический подход к трактовке термина «элита» является преобладающим, поскольку надежных и проверяемых критериев при надлежности к политической элите сторонниками ценностного подхода не выработано.

В начале 90-х годов прошлого века Россия оказалась перед выбором политического и государственного устройства. Трудности поиска новых форм государственности, политическая нестабильность привели к острой борьбе различных общественно-политических сил и группировок с разными политическими взглядами и платформами. В современной России в результате социально-экономических и политических трансформаций появились новые социальные слои и прослойки, за последние десятилетия выросла целая плеяда новых политических лидеров и элит.

При этом необходимо помнить, что процесс формирования зрелой политической элиты в российском обществе займет довольно немало времени. Здесь надо иметь в виду, что в современной России гражданское общество находится еще в «зачаточном состоянии» и сильно зависит от «инициатив» государства. За время кардинальных экономических преобразований не решена проблема создания развитого среднего класса. Имеется незначи-

¹ Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., изд. 5-е. Т. 6. С. 3; Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е. Т. 8. С. 208.

тельное количество собственников, независимых от государств. К сожалению, создав многопартийную систему, мы имеем слабые политические партии, и, соответственно, их политические элиты и лидеры малоавторитетны.

Необходимо отметить, что в условиях «слабости» российского гражданского общества, когда оно практически не в состоянии контролировать политическую власть и политические процессы и явления, роль политических элит и лидеров могла бы стать определяющей, но и этого не произошло. Российская политическая элита по своему составу и происхождению является, с одной стороны, социальным продолжением предшествующей партийной элиты социалистической формации, с другой стороны, под влиянием новых социальных условий и трансформаций последних десятилетий она, политическая элита, меняется и пополняется представителями слоев, возникших как в ходе экономических реформ, так и политических преобразований.

Отметим, что особенности становления политической элиты в Дагестане наряду с общероссийскими процессами в элитаристской области имеют ряд специфических черт и особенностей. К ним можно, по нашему мнению, отнести такие особенности, как своеобразие политической культуры, традиций дагестанского общества, многонациональность республики, высокий уровень религиозности и поликонфессиональность населения. Происходящие социально-политические трансформации российского общества в целом были усугублены рядом объективных причин, характерных только для Дагестана, среди которых можно выделить геополитическое положение региона и «этапные» особенности современного этнорегионального развития. Немаловажным фактором является также включенность Республики Дагестана в систему трансрегиональных этнополитических отношений.

Иными словами, в национальных окраинах российского общества, особенно в Дагестане, распад СССР спровоцировал стремительную активизацию процессов, которые ранее находились в тени советской модернизации. Произошло разрушение политических и социальных структур советского типа и выдвижение на первое место неформальных отношений традиционных институтов¹. Как отмечает эксперт Центра «Вектор-Юг» В. Крупнов, клановые и клиентельные отношения начали складываться вокруг эт-

¹ Дорожкин Ю., Быстриковский А. Теневые политики-элитные группы в постсоветской России // Власть. – 2011. – № 6.

нического основания и корреспондировать с теми элементами этнических культур, которые, несмотря на период социалистического модернизма, не изжили себя¹.

Республика Дагестан – уникальный регион Российской Федерации по своей истории, самобытной культуре, полиэтничности, природно-климатическим условиям, демографическому потенциалу и т.д. В Дагестане нет «титульной национальности», к числу «коренных» относятся: аварцы – 29,4% населения республики, даргинцы – 16,5, кумыки – 14,2, лезгины – 13,1, лакцы – 5,4, табасаранцы – 4,3, ногайцы – 1,5, рутульцы – 0,9, цахуры – 0,3%. Кроме того, в Дагестане живут русские – 4,7%, азербайджанцы – 4,3, чеченцы – 3,4, таты – 0,1, татары – 0,2, прочие – 0,4%².

Этнополитическая особенность РД заключается в том, что дагестанские этносы являются «субъектами права». В предыдущей Конституции РД был закреплен правовой статус этносов на представительство в органах власти³. С приведением Конституции РД в соответствие с федеральным законодательством это положение было исключено. Однако в Законе «О выборах депутатов Народного собрания Республики Дагестан»⁴ предусмотрено представительство народов через региональные группы.

Этничность выступает как важный политический фактор в процессе становления дагестанской политической элиты. Для Дагестана является характерным «этнический баланс» среди руководителей министерств, крупных предприятий, федеральных органов исполнительной власти. Данная система назначений противоречит нормам российского законодательства, но позволяет сохранять хрупкий гражданский мир в Дагестане.

Система этнического квотирования опасна тем, что укрепляет националистические тенденции у политической элиты в дагестанском обществе. И как показывают недавние события, этничность используется представителями элиты как беспроигрышная карта в отстаивании своих интересов. В начале 90-х годов лидеры национальных общественно-политических движений («Народный фронт

¹ Крупнов В. Инвестиции, дотации и «этничизация» Северного Кавказа // <http://skfonews.info/article/28>

² Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Под ред. акад. Г.Г. Матишова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – С. 27.

³ Конституция Республики Дагестан. – Махачкала, 1994.

⁴ Закон «О выборах депутатов Народного собрания Республики Дагестан» // Дагестанская правда. 04.11.2006.

имени Шамиля», «Садвал», «Тенглик», «Бирлик») выступали за разделение Дагестана на самостоятельные государства. Проблема суверенитета привела к росту национального самосознания, так как национальные движения отстаивали территориальное разделение и этническую независимость.

В условиях Дагестана эти процессы получили стремительное развитие в силу сложной этнополитической картины. В рассматриваемый период руководству республики пришлось столкнуться с развивающимися снизу процессами роста национального самосознания и обострения межнациональных отношений, которые нашли свое выражение в деятельности политических элит, преследующих различные политические цели и имеющие разное представление о будущем нашей республики¹. Необходимо также отметить зависимость политической элиты Дагестана от клановых интересов в общественно-политической жизни республики, которые пришли на постперестроечный период и, соответственно, обуславливаются трансформацией советской государственной системы. В условиях реформ российского общества федеральный центр продолжал активно инициировать сверху радикальные экономические и политические преобразования, в то же время идя на уступки суверенизации национальных автономий страны².

В результате к числу особенностей политической ситуации в Дагестане, когда создавалась и формировалась современная политическая элита, прибавилась тенденция существенной политизации межэтнических отношений и, как результат, этнической политики³. Это обстоятельство способствовало усилению теневых процессов, где этнический фактор становился каналом для обретения, удержания и пользования властными ресурсами со стороны клановых группировок. В результате именно этническая принадлежность становилась необходимым атрибутом для реализации более узких групповых интересов.

Иными словами, через этнический фактор клановые группы смогли включиться в борьбу за власть в Дагестане. Мы считаем,

¹ Абдуллаев М.-З.Н. Межнациональный вопрос в Республике Дагестан: Политико-правовой аспект. – Махачкала, 2004. – С. 68.

² Гельман В., Рыженков С. Политическая регионалистика России: История и современное развитие // Политическая наука. – М.: ИНИОН, 1999. – № 3. – С. 172, 255.

³ Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX в.: Тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). – Владикавказ, 2004. – С. 25.

что в этот период создавался такой общественно-политический климат, который позволил также теневым группам активно включиться в политico-экономическую жизнь Дагестана. Особенностью дагестанской политической элиты является то, что советская партийно-нomenklaturnaya элита сумела удержаться в новых условиях и благополучно интегрироваться в новых реалиях.

В этих условиях партийно-нomenklaturnaya элита Дагестана использовала в большей степени имеющиеся государственные ресурсы в борьбе за власть с формальными и неформальными авторитетами из числа негосударственных деятелей, крупных бизнесменов и лидеров различных национальных движений, которые, в свою очередь, стали апеллировать к земляческой и этнической солидарности, а также к поддержке финансовых структур¹.

Мы полагаем, что борьба за власть между этими группами предопределила характер политической системы Дагестана и наложила отпечаток на дальнейшее развитие республики, что, по сути, придало ей современную форму. В частности, проф. Э. Кисриев отмечал, что «политическая система, которая сложилась в Дагестане после развала коммунистического режима, явилась результатом жестких противостояний и сложных компромиссов различных политических сил, быстро сложившихся здесь на месте единой системы компартийной иерархии... на основе “сдержек и противовесов”, своеобразного баланса сил»².

Мы же полагаем, что результатом этих процессов явилось становление такой модели, в которой клановость и этничность приобрели доминирующее значение в общественно-политических и социально-экономических процессах республики. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что на протяжении всего постсоветского периода за представителями трех самых крупных этносов республики – аварцев, даргинцев, кумыков – закреплены все три высшие должности в республике – Президента, Председателя Народного собрания и Председателя Правительства Республики Дагестан. Не лишены оснований утверждения тех, кто считает, что наиболее престижные и доходные места в нижестоящих эше-

¹ Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизации процессов. Июнь. 2011 // http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf

² Кисриев Э. Сопротивление системы политических институтов Дагестана процессу создания «единого правового пространства» России // Федерализм в России. – Казань, 2001. – С. 21.

лонах власти распределяются, прежде всего, среди представителей именно этих этноклановых группировок¹.

Мы считаем, что, говоря о политической эlite Дагестана, мы подразумеваем, что она состоит в основном из представителей левашинских и хунзахских кланов, где каждый клан стремится достичь стабильного положения и контролировать свою внешнюю среду, создать благоприятные для себя социально-экономические и политические условия деятельности. Для них же характерны захват ценных активов, продвижение своих людей в федеральные или местные законодательные органы власти, получение важных правительственные постов и устранение конкурентов и бывших деловых партнеров.

Рассматривая ситуацию с проблемой политических элит на всем пространстве Северного Кавказа, мы проследим тенденцию попыток российского руководства использовать региональные особенности политической элиты для стабилизации обстановки в этом непростом регионе. Федеральный центр полагает, что необходимо учитывать специфику Северного Кавказа, где якобы традиционно власть передавалась от отца к сыну. Мы считаем, что это ошибочное мнение.

Каждый самостоятельный субъект СКФО имеет свои характерные особенности. Например, объемная работа, проведенная федеральным центром в Чечне за последние годы, дает основания для некоторого оптимизма с точки зрения стабилизации этнополитической ситуации в регионе. Избрание в 2007 г. президентом Чечни Р. Кадырова, сына Ахмата Кадырова, – это попытка российского руководства использовать региональные особенности элиты для стабилизации обстановки в этой непростой республике. Далеко не все тейпы этой республики единогласно восприняли избрание нового президента. Это стало возможным благодаря работе тейпа Кадырова с представителями других тейпов в процессе долгих и кропотливых переговоров.

В Ингушетии традиционно руководящими тейпами были Оздоевы, Евлоевы, Аушевы. При избрании президентом Ю. Евкурова большие тейпы оказались не у дел, так как Евкуров относится к небольшому тейпу, но к периоду избрания он был генерал-майором и Героем России.

¹ Ламажаа Ч.К. Клановость в политике регионов России. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 33.

В Дагестане ситуация несколько иная, там рекрутование руководящих политэлит идет в основном из числа двух ведущих народов – аварцев и даргинцев, которые практически поочередно сменяют друг друга. Вначале у власти был даргинец М. Магомедов, его сменил аварец М. Алиев. Затем, опять же в соответствии с «дагестанскими традициями», был избран сын М. Магомедова – Магомед-салам Магомедов¹. Мы считаем, что в сложившейся ситуации в современном Дагестане с обострением многих факторов, что касается перераспределения властных и экономических ресурсов, то здесь ситуация имеет не столь однозначный характер. Эти противостояния зачастую переходят границы правовых рамок и становятся причиной общего системного кризиса в республике. Противостояние внутри политической элиты Дагестана проявляется в воздействии на политический процесс в республике через имеющиеся подконтрольные государственные и неофициальные структуры, с одной стороны, и через своих агентов влияния в Федеральном центре – с другой².

Закономерен вопрос: что делать? История свидетельствует о предпочтительности коллегиальности политической элиты, состоящей из представителей различных этносов. Начиная с середины 90-х годов, на страницах печати шли острые дискуссии по вопросу о том, нужен ли Дагестану президент. Обсуждение проблемы изменения формы государственного устройства Дагестана в 1999 г. было инициировано оппозиционно настроенными к руководящей элите политико-религиозными деятелями как внутри Дагестана, так и за его пределами.

7 марта 1999 г. был проведен третий по счету референдум РД по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым введение в Республике Дагестан поста Президента Республики Дагестан (главы государства), избираемого гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании?» Число действительных бюллетеней для голосования на референдуме, по которым можно установить волеизъявление граждан, составило 814 740, число недействительных бюллетеней – 40 364. Из них го-

¹ Абдурашидов М., Шахбанов М. Даргинские лидеры // Новое дело. – 2010. – Вып. № 47 (983).

² Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизации процессов. Июнь. 2011 // http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf

лосов участников референдума, поданных за позицию «да» – 201 730, или 23,59%, за позицию «нет» – 613 010, или 71,68%¹.

Таким образом, большинство жителей республики тогда отвергли идею президентского правления в РД, считая наиболее приемлемым Государственный совет Республики Дагестан. Государственный совет Республики Дагестан, говорится в ст. 88 Конституции РД, состоит из 14 человек и формируется Конституционным собранием Республики Дагестан. В состав Государственного совета не может входить более одного представителя одной и той же национальности.

Таким образом, обобщая вышеобозначенные факты, можно сделать вывод, что политическая элита в республике находится под огромным влиянием определенных этнических кланов. Не будет преувеличением сказать, что этот феномен «поразил» все сферы жизнедеятельности республики. Процесс формирования современных наиболее влиятельных элитных кланов начался с конца 80-х годов прошлого века и на сегодня в той или иной степени считается завершенным.

«Элитология России: Современное состояние
и перспективы развития»,
Ростов н/Д., 2013 г., т. 2, с. 474–480.

С. Жемчураева,

кандидат социологических наук

(Комплексный НИИ РАН им. Х.И. Ибрагимова,
г. Грозный)

**РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ
КАК ЗНАЧИМЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ**
(по материалам социологического исследования)

Чеченская культура формировалась как часть кавказской культуры. В этой связи возможно рассмотрение феномена так называемой «кавказской идентичности». Особенно актуальным ее изучение становится в набирающем силу процессе глобализации. Этническая идентичность, по мнению многих ученых, – особая характеристика субъективности, состоящая в ощущении, пережи-

¹ Эмиров Э.Д. Политическая культура дагестанского общества как индикатор зрелости гражданского общества. – <http://www.superinf.ru>

вании индивидом своей принадлежности к определенной группе или общности людей через осознание себя частью общей материальной и духовной культуры, языка, ценностей, традиций, обычаев, исторического прошлого, территории расселения, этнонима и религии.

Чеченская идентичность, являясь частью кавказской идентичности, имеет свои особенности, которые формировались столетиями. Данная идентичность не является раз и навсегда данным и неизменным социальным феноменом. В условиях социальных трансформаций она претерпевает заметное изменение, в силу чего актуализируются одни его содержательные компоненты, а другие остаются социально нейтральными.

Особую роль в культуре чеченцев играет религия (суннитский ислам суфийского течения), которая как специфическая форма сознания имеет свои законы, в исламе верующий должен «стремиться к уникальности собственной личности»¹, к само-совершенствованию. У мусульман есть и другие морально-этические обязанности: уважение жизни человека; верность и порядочность; доброта и преданная благодарность родителям; помочь сородичам, соплеменникам и единоверцам в их нуждах; великодушие к зависимым от тебя². Для простого верующего не важно, откуда и как религия пришла в его среду и к нему лично – важно, что вышеперечисленные нормы отвечают его нуждам и чаяниям, отражают его мировоззрение, мироощущение и миропонимание.

Основателем суфийского братства зикристов, общепризнанным во всем исламском мире чеченским святым-суфием XIX в. является шейх Кунта-Хаджи Кишиев, родившийся в горном ауле Исти-Су (Мелча-Хи). Кунта-Хаджи пришел в наиболее драматический час своего народа и действительно спас его дух не только от существовавших, но и от ожидавших его позже невероятных бед³. По мнению В.Х. Акаева, «суфийский тарикат способствовал распространению и укреплению ислама на Северном Кавказе в XIX в., когда многие представители официального ислама пере-

¹ Бухараев Р. Дорога Бог знает куда (Великий джихад). – СПб., 1999. – С. 249–250.

² Татунц С.А. Уроки М.М. Ковалевского и Российский Кавказ. Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – № 2. – С. 47.

³ Магомедов Р. Великий чеченец – эвлия Кунта-Хаджи Кишиев // Журнал Нана. – 2004. – № 6–7. – С. 4–9.

стали соблюдать нормы Корана и шариата, стали попирать права бедных в угоду местным эксплуататорам и царским чиновникам... Зикризм, будучи социальным движением и формой религиозной мысли, возник в конце Кавказской войны... Кунта-Хаджи появился на политической арене Чечни, когда уставший от непрерывной войны с царизмом народ нуждался в мирной передышке. Проповеди Кунта-Хаджи о мире, братстве, поддержке обездоленных, сирот соответствовали общему настроению, душевному состоянию народа. Главными в его проповедях были идеи непротивления злу насилием, отказа от военных действий против царизма, значительно превосходившего горцев по своей военной мощи, а также призывы к смирению»¹.

В одной из проповедей Кунта-Хаджи Кишиев, по утверждению его мюридов, произнес: «Братья! Нас из-за восстаний становится все меньше и меньше. Дальнейшее сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви, идите, ибо они только строения, а мы в душе – мусульмане. Если вас заставят носить кресты, так это только железки, – носите их, оставаясь в душе магометанами. Но если ваших женщин будут унижать и насиловать, запрещать язык, культуру и обычай, подымайтесь и бейтесь до смерти, до последнего! Свобода и честь народа – это его язык, обычай и культура, прощение друг другу обид и оскорблений, помочь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куска хлеба»². Эта глубоко осмысленная речь Кунта-Хаджи выражала моральное, духовное состояние и социальное положение чеченцев, потерпевших поражение в Кавказской войне в 1859 г. В проповеди шейха просматривается обеспокоенность судьбой своего народа. Кунта-Хаджи предлагает смириться с поражением, выполнять требования царской власти. Но он одновременно полагает предел смирению³.

В 2012 г. сотрудниками Комплексного научно-исследовательского института РАН им. Х.И. Ибрагимова (Грозный) было проведено социологическое исследование, направленное на изучение многоуровневой идентичности современной чеченской молодежи. Методом стандартизированного интервью опрошено

¹ <http://www.chechnya.ru> (Дата обращения 14.05.2013.)

² Акаев В.Х. Нравственно-религиозное учение чеченского суфия Кунта-Хаджи Кишиева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1995. – № 2. – С. 27.

³ Акаев В.Х. Указ. соч. – С. 29.

750 респондентов – студентов трех государственных вузов Чеченской Республики (Грозненский государственный нефтяной технический университет, Чеченский государственный университет, Чеченский государственный педагогический институт). Выборка квотная, с вероятностным отбором респондентов, репрезентирующая социально-возрастную группу по полу (мужской / женский), возрасту (16–25 / 26–30 / 31–35), образованию (гуманитарный / технический / естественнонаучный профиль) и курсам обучения (1 / 2 / 3 / 4 / 5). Ошибка выборки составляет 2%. Анкета включала в себя 25 вопросов, из которых четыре открытых.

Наряду с другими вопросами, сформулированными в анкете, для получения развернутой картины социокультурных идентичностей студенческой молодежи ЧР респондентам был предложен вопрос: «Укажите, пожалуйста, степень важности перечисленных ниже определений». В качестве вариантов ответа были предложены наиболее значимые социокультурные идентичности вариантами ответов: это очень важно для меня, это важно для меня, это мало важно для меня, это совсем не важно для меня, затрудняюсь ответить. Распределение ответов на этот вопрос выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

**Значимость основных социокультурных идентичностей
для студентов чеченских вузов**
(в % от числа опрошенных по каждому виду идентичности)

Я – гражданин России	5,3
Я – житель Северного Кавказа	9,1
Я – представитель своей республики	13,2
Я – представитель своего этноса	16,8
Я – представитель своей религии	21,4
Я – представитель своего тайпа	12,8
Я – член своей семьи	21,4
Итого	100,0

Практически равными по степени значимости для респондентов оказались конфессиональная и семейная идентичности (21,4 и 21,3% соответственно). Существенной для студентов является и национальная (этническая) идентичность: как важную ее определили 16,8% респондентов. Второстепенное значение для

студентов чеченских вузов имеют такие идентичности, как «житель своей республики» (13,2%), «представитель своего тайпа» (12,8%), «житель Северного Кавказа» (9,1%), и на последнем месте по степени значимости – «гражданин России» (5,3%). Результаты исследования, бесспорно, свидетельствуют о преемственности поколений и роли семьи в конструировании религиозной идентичности студенческой молодежи ЧР. Этническая идентичность находится в тесном взаимодействии с конфессиональной идентичностью, которая превращается в «одну из многочисленных и часто противоречащих друг другу идентичностей, легко уживающихся – именно в силу своей виртуальности – в отдельно взятом человеке»¹.

В качестве перекрестного вопроса для подтверждения названных наиболее существенных идентичностей студентам было предложено указать, в каком статусе им легче себя чувствовать и осознавать (см. табл. 2).

Таблица 2

**Наиболее комфортный статус
(в % от числа опрошенных)**

Человек	0,5
Россиянин	0,9
Европеец	1,2
Представитель своего тайпа	1,9
Гражданин мира	3,8
Чеченец	18,2
Мусульманин	73,5

Несомненно, конфессиональная принадлежность молодых людей является важнейшим компонентом, ядром их идентичности (этот вариант ответа выбрали 73,5% респондентов). 18,2% опрошенных наиболее комфортным для себя считают отождествление себя с чеченским этносом. Статус космополита – гражданина мира является привлекательным для 3,8% студентов. Только 14 молодым людям легче осознавать себя представителем своего тайпа. Европейцами себя чувствуют девять человек, россиянами – семь

¹ Байдаров Е. Оставаясь источником духовности и нравственности для многих людей, религия является инструментом регуляции глобальных тенденций мирового развития // <http://www.inform.kz/eng/article/2464478> (Дата обращения 25.06.2013.)

студентов, и четыре респондента отметили, что статус «человек» является для них более подходящим.

Ценностная шкала молодых чеченцев, согласно данным опроса, представляет собой следующую иерархическую структуру: 1) религия (15,3%); 2) семья (15,0%); 3) честь и достоинство (10,6%); 4) здоровье (10,3%); 5) доброта, терпение (10,2%); 6) дружба (8,5%); 7) интеллект, образование (6,4%); 8) Родина (5,6%); 9) скромность, совесть (5,5%); 10) самостоятельность, независимость (4,0%); 11) деньги (2,2%); 12) красота (1,9%); 13) власть (1,0%); 14) умение жить красиво (роскошно) (1,4%); 15) свобода, раскрепощенность (1,3%); 16) природа (0,8%).

Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что этничность и религиозность для чеченцев являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности. Чеченская идентичность сегодня немыслима вне контекста исламской традиции. Обращение к фундаментальным духовным ценностям чеченского народа, сложившимся столетиями, может способствовать укреплению межнационального единства и сохранению этноконфессиональной идентичности чеченцев. Даже в условиях глобального мира можно сохранять национальную самобытность. Чеченцы должны стремиться к взаимообогащающему культурному сосуществованию с представителями других этносов и конфессий.

«Социология и религия в обществе позднего модерна: Памяти Ю.Ю. Синелиной», Белгород, 2013 г., с. 245–250.

И. Добаев,

доктор философских наук

А. Понеделков,

доктор политических наук

(Южно-Российский институт,

г. Ростов-на-Дону)

**ТЕНДЕНЦИИ В ЭВОЛЮЦИИ ТЕРРОРИЗМА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

На Северном Кавказе ислам не является монолитным, а разобщен в рамках существующих направлений (суннизм и шиизм), толков (ханифитский и шафиитский) и идейных течений (традиционизм, фундаментализм, модернизм). При этом самое значимое расслоение на поле идейных течений в исламе наблюдается,

прежде всего, по линии традиционализм – фундаментализм. Каждое из этих течений борется за усиление своего влияния на верующих. Традиционный ислам представляет собой, прежде всего, институционализированное мусульманское духовенство – административно-управленческий аппарат религиозных организаций: духовные управления мусульман (ДУМ), а также подведомственные им структуры (мечети, исламские образовательные учреждения и др.). Эти исламские институты принято считать «официальным исламом», или, что характерно для восточной части региона, «мечетным исламом». На Северо-Восточном Кавказе имеется также и другая институционализированная группа традиционалистов – сторонники «немечетного ислама», представленные многочисленными вирдовыми, или мюридскими, братствами трех суфийских тарикатов (накшбандийа, кадирийа, шазилийа) во главе со своими руководителями – шейхами и устазами.

Отсюда следует, что традиционный ислам в регионе («мечетный» и «немечетный») калейдоскопичен, полон противоречий, что не может не отражаться на настроениях и взглядах простых верующих, большинство которых также можно отнести к традиционалистам. Северокавказский традиционный ислам в основном пребывает вне поля модернизационных процессов, фиксируемых в других «мусульманских» регионах России, прежде всего в Поволжье.

Главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века ислама» (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью Пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе, хотя в первой половине 90-х годов ХХ в. власти отмежевывались от поддержки какой-либо из сторон, считая это внутренним делом исламских организаций и их лидеров, якобы занимающихся теологическими спорами. Однако начиная с середины 1990-х годов, во многом благодаря усилиям Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), где исключительным влиянием пользуются последователи местных ответвлений суфийских орденов накшбандийа, кадирийа и шазилийа, в межконфессиональное противостояние начинают вовлекаться представители федеральных и региональных властных структур, которые взяли

курс на борьбу с «ваххабизмом». С принятием в 1999 г. в Дагестане «антиваххабитского» закона светские власти этой, а затем и других северокавказских республик окончательно оформили союзнический альянс с представителями «официального ислама».

Процесс политизации и радикализации ислама на Северном Кавказе последовательно прошел ряд стадий.

1. 70-е – начало 90-х годов XX в. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмыслиения их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает Магомед Кизильтортовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х годов – 1994 г. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют так называемый «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как тафир (обвинение в неверии) и джихад (священная война за веру), в их специфической ваххабитской интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», осуществляются ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательством «Сантлада» в с. Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд российской мусульманской молодежи за рубеж для получения исламского образования. В первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х годов. Этап характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождались концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные ислами-

сты со своим лидером Магомедом Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 г. – 2007 г. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается центром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования так называемой ЧРИ – Чеченской Республики Ичкерия. В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры джихада (сخроны блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами Северо-Кавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер. Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-х годах XX в. северокавказские ваххабиты были представлены умеренно-радикальной и ультрарадикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультрарадикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – конец «нулевых». Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер Доку Умаров объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается но-

вое государство – Имарат Кавказ, управление которым осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в имарат на правах провинций входят так называемые вилайеты – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе – и другие регионы России. В свою очередь, указанные вилайеты состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – джамааты, представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого – начало второго десятилетия XXI в. Наблюдается распространение влияния имарата и его лидеров на другие «мусульманские» территории – Поволжье, Урал и Западную Сибирь, и прежде всего на Татарстан.

7. Последние год-два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах» в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расплывании метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы. Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды. В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях, вплоть до Татарстана и даже Бурятии. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания

Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа. По территориальному устройству Имарат Кавказ состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карабаха. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен в состав вилайета Галгайче. Имарат Кавказ имеет представительный орган – Маджлис уль-Шура, а также разнообразные функциональные структуры, среди которых военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от «центрального аппарата» имарата находятся сетевым образом оформленные салафитские вилайеты со своими амирами, которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры так называемых секторов, а те – конкретные бандгруппы, которые салафиты именуют джамаатами.

Таким образом, на Северном Кавказе появился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. Следует отметить, что «сегодня в регионе <...> сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице так называемых “амиров” различных уровней, от “джамаата” – до “Имарата”», а живучесть этой системе придает срашивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями. Не удивительно поэтому, что России в Северо-Кавказском регионе с большим трудом удается вырабатывать адекватные меры противодействия религиозно-политическому экстремизму, противопоставляя террористам мощь государственной машины. Однако обуздить терроризм пока не удается.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Иолдыз» заключила договор о со-действии образовательному процессу с «благотворительной»

организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к некоторым подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Иолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне. В начале 2000-х годов аналогичные структуры молодых радикалов были обнаружены в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе и в других населенных пунктах Татарстана.

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003–2005 гг. в сельских районах. Затем в республике появились свои «лесные» боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского». Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А. Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республике Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, этнонационалистами и представителями криминального мира.

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов – амир Имарата Кавказ заявил о появлении вилайета Идель-Урал, который охватил территорию современного Поволжья и Урала. Вслед за этим появляется бандподполье со своим амиром вилаайта. Следствием длительного процесса институционализации подполья стал рост числа салафитов, их структурное оформление. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около 3 тыс. салафитов и салафитствующих. Однако их число неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправились еще 20 человек. Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 г. в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрыв-

чатки и «поясов шахида», а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10–15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 г. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама».

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания» фундаментализма по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения. Самым известным из них стала организация «Матери Дагестана». Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что якобы неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби». Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизую на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему “гонений на ислам” в России в федеральном масштабе».

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Впрочем, такие «анклавы» уже давно сложились в некоторых европейских госу-

дарствах, например во Франции, а потому их опыт может оказаться полезным и для России. Европейские реалии свидетельствуют о том, что этнически и религиозно однородные общины мигрантов активно и достаточно успешно формируют «анклавную» среду обитания, которая тяготеет к тому, чтобы локализоваться в соответствующих территориальных границах, а центром их сосредоточения, как правило, выступают мечети или молельные помещения.

Одновременно одними из последствий появления подобных «анклавов» становятся криминализация и религиозно-политическая радикализация некоторой части мигрантов, что неизбежно приводит к появлению латентных очагов социально-политической конфликтности в достаточно продолжительной перспективе, к их неизбежной конфронтации с местным населением. По нашему мнению, говорить в данном случае о толерантном «евроисламе» не приходится, скорее речь идет об исламизации Европы, причем в самых опасных формах. События первых лет нового тысячелетия в Испании, Великобритании, Франции и других европейских странах рельефно подтверждают этот тезис. Как следствие, в последние годы европейские политики в унисон заговорили о провале идеологии и практики мультикультурализма в Европе, о несовместимости исламизма и западно-либеральных ценностей.

Аналогичные «анклавы» появились и в российских городах, и результаты этого не замедлили проявиться. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 г. представителями силовых структур Санкт-Петербурга операции в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, были задержаны 2711 человек, 90% из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе операции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату».

Таким образом, в постсоветский период вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации под сильным внешним воздействием наблюдались неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских групп-

пировок, появление и институционализация на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедшие институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

«Власть», М., 2013 г., № 10, с. 17–22.

М. Джанталеева,

ассистент (АГУ, г. Астрахань)

**РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАБИЛЬНОСТИ
В ПРИКАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

Интересы России и Казахстана, двух соседей, имеющих общую историю, культурные и межрегиональные связи, общие вызовы и угрозы безопасности, тесно взаимосвязаны. И потому нельзя не затронуть тему развития взаимоотношений России и Казахстана и влияния их роли на политическую стабильность в Прикаспийском регионе. Как для России, так и для Казахстана важно не только продолжение добрососедских отношений, но и превращение их в фактор стабильности на стратегически важных направлениях, вдоль своих границ. Необходимо отметить, что для двух государств район Каспийского моря важен не столько с ресурсных позиций, сколько как зона геостратегической значимости с точки зрения национальной безопасности [1, с. 5]. Изучение российско-казахстанского сотрудничества в Прикаспийском регионе может способствовать пониманию истоков возникновения и развития рассматриваемой проблемы. Этим и определяется актуальность темы данной статьи.

Современные российско-казахстанские отношения представляют наиболее успешную, эффективную модель двустороннего сотрудничества на всем постсоветском пространстве. За последние годы между Россией и Казахстаном наработан положительный опыт сотрудничества в нефтегазовой сфере. Перспективы взаимодействия в сфере топливно-энергетического комплекса, т.е. в области транспортировки нефти и газа, совместного освоения углеводородных ресурсов Северного Каспия не только могут позитивно влиять на экономическую ситуацию в сопредельных странах, но и способствовать росту либо стабильности, либо конфронтации в регионе.

В развитии отношений между Россией и Казахстаном в Каспийском регионе необходимо отметить две составляющие, определяющие общее их состояние. В geopolитическом плане следует отметить зависимость Казахстана от России в вопросе транспортировки казахстанской нефти на мировой рынок. Транзит каспийской нефти на экспорт осуществляется в основном по территории России, поскольку раньше это была единая система магистральных нефтепроводов СССР. Другим моментом, который уже положительно отразился на двусторонних отношениях, является урегулирование вопроса о статусе Каспийского моря. Казахстан, Россия, а также Азербайджан занимают одинаковые позиции по этому вопросу. «Стороны заключили ряд соглашений, регламентирующих их взаимодействие по данному вопросу. В частности, Россия и Казахстан подписали соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г.» [2, с. 71]. Аналогичное соглашение было подписано между Россией и Азербайджаном в сентябре 2002 г. Согласно соглашениям «достижение консенсуса предстоит найти на условиях справедливого раздела дна Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды». На сегодняшний день соглашение о разграничении морского дна подписано тремя государствами – Россией, Казахстаном и Азербайджаном (разделено 64% акватории моря). В соответствии с этими соглашениями Казахстан получил контроль над 27% дна, Россия контролирует 19%, а Азербайджан – 18%. Ирану предлагается 14% шельфа, однако он претендует на 20% и настаивает на переносе границы на 80 км севернее от линии, по которой прежде проходила морская граница СССР [2, с. 78]. Эта позиция Тегерана получила поддержку со сто-

роны Туркмении. По соглашению, дно моря с его минеральными ресурсами делится по договоренности между сопредельными и противолежащими государствами, и каждое государство на своем участке дна обладает суверенными правами на недропользование, но не территориальной юрисдикцией.

Большая часть водного пространства с его биологическими ресурсами остается в общем владении и совместном пользовании без границ по воде (за исключением двух прибрежных зон согласованной ширины, одна из которых была бы аналогом территориального моря, а вторая являлась бы рыболовной зоной, которая предусмотрена советско-иранским договором 1940 г.).

При этом делимитация дна должна осуществляться (как в 80% известных мировой практике случаев) по принципу срединной линии. Россия и Казахстан договорились, что они будут проводить разграничение своих участков дна по модифицированной срединной линии (с учетом островов, геологических структур, других особых обстоятельств и уже понесенных геологических затрат). Однако, несмотря на сближение позиций, государствам первоначально не удавалось до конца решить данный вопрос в силу существования определенных спорных моментов. Большой прогресс был достигнут 13 мая 2002 г., когда Казахстан и Россия подписали «Протокол к соглашению между Россией и Казахстаном о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 года». Российская сторона планирует ратифицировать данное соглашение в ближайшем будущем. В данном соглашении стороны установили координаты срединной линии, которая делит море между двумя странами, и определили правила разработки месторождений. Таким образом, Россия и Казахстан стали первыми прикаспийскими государствами, которые полностью урегулировали вопросы разделения морского дна. Урегулирование данного вопроса между двумя крупными нефтедобывающими государствами, возможно, обеспечивает еще большую стабильность и инвестиционную привлекательность нефтяных проектов в регионе.

Нужно учитывать, что повышение инвестиционной привлекательности Каспия повлекло за собой активизацию действий крупнейших нефтегазовых компаний мира в данном регионе. Это стало как позитивным фактором в развитии экономики каспийских государств, так и негативным – по причине обострения внешнеполитических связей.

В последнее время в борьбу за влияние в Каспийском регионе активно включились мировые державы. Это, в первую очередь, связано с богатейшими природными ресурсами данного региона – нефтью и газом. По данным Г. Старченкова, нефтегазовый потенциал прикаспийских месторождений России (в Астраханской области, Калмыкии, Дагестане, Чечне) превышает 8 млрд т, остальные ресурсы – около 2 млрд т – приходятся на прикаспийские районы Туркменистана и Ирана [3, с. 70].

С каждым годом для прикаспийских государств возрастает роль месторождений Каспия в решении текущих экономических проблем. На фоне продолжающейся милитаризации региона это может повлечь за собой обострение отношений между прикаспийскими государствами.

По мнению некоторых экспертов, к 2015 г. Каспийский регион может стать одним из самых нестабильных регионов мира. На это есть все объективные и субъективные причины. Об этом в ходе второй конференции «Парадигмы международного сотрудничества на Каспии», которая прошла 12–13 сентября 2012 г. в казахстанском городе Актау, заявил эксперт центра военно-стратегических исследований Министерства обороны Казахстана Рафик Таиров, выступивший с докладом о вызовах и угрозах военной безопасности [4, с. 14].

В настоящее время все чаще и чаще звучат мнения о том, что войны будущего будут вестись за энергетические ресурсы. «Арабская весна», народные революции в Северной Африке и на Ближнем Востоке, неспадающая напряженность в Кавказском регионе, нарастание борьбы за богатства шельфа Северного Ледовитого океана все чаще рассматриваются аналитиками и военными экспертами как предпосылки возникновения будущих энергетических войн [4, с. 16].

К примеру, по данным исследований, 95% доступных источников нефти в мире будут исчерпаны в ближайшие 56 лет, оставшиеся 5% иссякнут через 88 лет. Поэтому вполне очевидно, что стремление отдельных сильных государств иметь доступ к жизненно важным ресурсам будет только увеличивать число конфликтных зон.

Каспий не является исключением. Это регион, где уже сегодня присутствуют политические, военно-стратегические и экономические интересы многих стран мира, причем не только прикаспийских государств – России, Ирана, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, но и наиболее влиятельных мировых держав. Ре-

гион становится зоной повышенного внимания одновременно Севера и Юга, Востока и Запада, имеющих свои геополитические интересы. За этими географическими названиями стоят такие страны или группы стран: с севера – страны Евросоюза, с юга – Индия и Пакистан, страны Ближнего и Среднего Востока, с востока – КНР и Япония, с запада – США и Канада.

Здесь можно выделить следующие группы интересов в данном регионе.

Во-первых, прикаспийские страны (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Россия, Иран) пытаются решить внутренние проблемы за счет поставок энергосырья на мировой рынок.

Во-вторых, страны зон транзита (Россия, Иран, Китай, Турция, Грузия, Армения, Украина, Румыния, Болгария и др.) стремятся извлечь дивиденды из транспортировки энергосырья по их территории.

В-третьих, субрегиональные лидеры (Россия, Иран, Китай, Турция) намерены максимально укрепить стратегические позиции в регионе.

В-четвертых, крупные мировые игроки (США, ЕС, Россия, Китай) рассматривают Каспий как элемент геополитической борьбы за контроль над стратегически важными регионами мира.

Отличительной чертой Прикаспийского региона является то, что он приобретает статус не только сырьевого, но и транзитного региона, который позволяет соединить пути не только между Востоком и Западом (воссоздание «Великого шёлкового» пути), но и между Севером и Югом («водный путь»: Санкт-Петербург – Москва – по Волге до Астрахани – далее через Каспийское море до Ирана). По этой причине Прикаспийский регион нередко называют Транскаспийским [5, с. 28].

Особую трудность представляет проблема будущей транспортировки нефти и газа из Прикаспийского региона. Причем экономическая целесообразность и эффективность при обсуждении новых экспортных линий отходят на второй план, так как приобретают ярко выраженный политический характер. И здесь возникают серьезные разногласия между государствами и компаниями и проявляются различия их позиций, прежде всего, на межгосударственном уровне относительно предлагаемых маршрутов.

В сложившейся ситуации России необходимо искать союзников в продвижении своих интересов, во-первых, в самом Каспийском регионе, во-вторых, среди региональных государств, имеющих влияние на Прикаспийский регион. По мнению некоторо-

рых исследователей, такими союзниками могут стать Казахстан и Туркменистан, для этого необходимо продолжать развивать благоприятные отношения с данными странами. Оба государства являются важными субъектами прикаспийской политики, фактически даже более значимыми, чем Азербайджан, так как их нефтегазовые ресурсы значительно превосходят азербайджанские.

Как показывают события последних лет, разведка и добыча топливно-энергетических ресурсов являются только частью программы совместного сотрудничества в освоении месторождений прикаспийских государств. Сегодня нефтегазовые ресурсы стали одним из основных факторов мировой политики. Глобальные процессы современного развития прямо или косвенно связаны с энергоресурсами, надежный доступ к которым входит в число основных приоритетов любого государства. Поэтому любые крупные проекты по освоению запасов нефти и газа и их транспортировке могут быть как примером широкого международного сотрудничества, так и примером раздора и конфронтации. Практически все нефтедобывающие и газодобывающие страны мира имеют в своем арсенале энергетическую дипломатию, в рамках которой государство защищает и лоббирует интересы топливно-энергетического комплекса на мировых рынках.

США, Турция, Иран, Япония, Китай и другие страны проявляют повышенный интерес к созданию энергетических транспортных коридоров в Прикаспийском регионе и стремятся получить контроль над ними (путем коммерческого участия своих компаний, предоставления кредитов, политического давления). Однако Грузия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан являются наиболее заинтересованными странами в создании этого и других возможных маршрутов, которые пролягут по их территории [7, с. 125].

По мнению некоторых экспертов, западные страны заинтересованы в том, чтобы установить контроль над энергетическими ресурсами новых прикаспийских государств и уменьшить влияние России в регионе [8, с. 12]. При этом их не останавливает экономическая нерентабельность ряда прикаспийских месторождений и отказ от участия в разведке и добыче углеводородного сырья некоторых зарубежных компаний.

Каспийский регион не сможет в ближайшее десятилетие служить источником дополнительных объемов нефти и газа, поступающих на внешний рынок. Причина очевидна – запасы углеводородного сырья переоценены. Это подтверждают и данные

об уровне добычи углеводородного сырья, достигнутом прикаспийскими странами в последние годы, а также прогнозные оценки на ближайшее десятилетие. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан, чьи ресурсы рассматриваются в качестве основных источников для наполнения новых трубопроводов, не могут предложить необходимых объемов нефти и газа.

Важным обстоятельством, однако, следует считать размеры нефтяных запасов в Прикаспийском регионе. Оценки специалистов по вопросу о нефтяных богатствах Каспия сильно разнятся; одни считают, что Каспий обладает богатейшими углеводородными ресурсами, которые могут конкурировать с нефтяными запасами Персидского залива, другие полагают, что эти данные по запасам нефти в Каспии сильно преувеличены и являются собой попытки международных энергетических компаний привлечь дополнительные капиталы для инвестиций. Стало уже привычным, что при первых же обострениях межгосударственных споров вокруг тех или иных территорий или акваторий СМИ почти всегда обязательно добавляют к названию соответствующего участка слова «богатый нефтью» (oil-rich), не дожидаясь геологических оценок. Так случилось и в период аргентинско-британского конфликта вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов, и применительно к спору Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии относительно участков Южно-Китайского моря, и в отношении Южных Курил, и применительно к ряду споров и конфликтов в Африке.

По этой причине Статистическое агентство Департамента энергетики США (EIA) оценивает доказанные запасы нефти в Каспийском регионе в весьма широком диапазоне – от 17 до 33 млрд баррелей. С уверенностью можно утверждать лишь то, что Каспийский шельф является одним из богатейших нефтеносных районов в мире. Как было показано выше, нефтяной фактор – один из основных, влияющих на международные отношения. Поэтому энергоресурсы Каспийского региона уже сегодня существенно влияют на расстановку сил на мировом энергетическом рынке [10, с. 210].

Казахстан с полным правом может претендовать на роль перекрестка транспортных путей благодаря своему геополитическому положению и нахождению в центре Евразии.

Азербайджан не только обладает огромными топливно-энергетическими ресурсами, но и, находясь на стыке Европы и Азии, имеет транзитные возможности.

Несомненно, что сотрудничество разных стран в этих и других совместных проектах и программах является необходимым условием включения новых независимых государств в мировые хозяйствственные связи, создает предпосылки для стабильного и устойчивого развития их экономик, благотворно влияет на решение межгосударственных и внутренних проблем.

России и Казахстану необходимо учитывать ряд факторов, которые будут определять ситуацию в Каспийском регионе в ближайшее десятилетие. Прежде всего, следует ожидать обострения борьбы за маршруты транспортировки пока еще не добытых ресурсов. По крайней мере, многие страны стремятся диверсифицировать источники получения ресурсов, что уже привело к росту соперничества вокруг новых проектов строительства трубопроводов. С учетом того что вероятность строительства новых маршрутов транспортировки ресурсов из Каспийского региона остается весьма высокой, Россия может столкнуться с конкуренцией со стороны других прикаспийских государств, заинтересованных увеличить поставки добываемых нефти и газа [12, с. 16].

Нельзя исключать усиление роли Ирана, который в перспективе может стать одним из главных конкурентов России и Казахстана в Прикаспийском регионе. Это может произойти, если прогнозы относительно роста потребления углеводородного сырья европейской экономикой оправдаются. В этом случае могут сместиться акценты в строительстве новых экспортных маршрутов. Роль Казахстана и Туркменистана, которые в настоящее время рассматриваются европейскими странами в качестве главных источников ресурсов для новых трубопроводов, может снизиться.

В итоге транспортировка каспийских углеводородов представляет собой центральную и экономическую, и геополитическую проблему для стран Прикаспийского региона, где перекрестились противоречивые интересы разных стран. В ближайшей перспективе может возникнуть проблема обеспечения безопасности выбранных маршрутов, поскольку транспортировка стратегического сырья может стать детонатором вспышек сепаратизма. Из этого следует, что в Каспийском регионе существует целый ряд неразрешенных проблем, к которым следует добавить экологические угрозы и опасность энергетического терроризма, т.е. терактов в отношении объектов добычи, трубопроводов и иной инфраструктуры. Только решение всех проблем в совокупности может укрепить энергобезопасность и для региона, и для стран – импортеров каспийской нефти. Россия и Казахстан – наиболее авторитетные

государства в данном регионе, которые пользуются серьезным экономическим и политическим влиянием в целом ряде региональных и международных организаций, к голосу которых прислушиваются народы и руководители стран данного региона [13].

Литература

1. Катаев Е.Г., Рубан Л.С. Каспий – море возможностей. – М: Academia, 2008. – 280 с.
2. Бутаев А.М. Каспий: Зачем он Западу? – М., 2004. – 435 с.
3. Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика политика / Под ред. А.В. Малыгина, М.М. Наринского. Вып 2. – М.: Навона, 2005. – 456 с.
4. Р. Таиров. К 2015 г. Каспий станет одним из самых нестабильных регионов мира. 18.09.2012. Источник: www.flnka.ru
5. Вародомский Л.Б. Центральная Азия и Закавказье в глобальном и региональном контекстах политико-экономического развития. – 231 с.
6. Левицкий Л. Каспий: Удастся ли России охранить влияние на «русском море». 29.06.2008.
7. Бутаев А.М. Каспий: Зачем он Западу? – М., 2004. – 395 с.
8. Ибрагимов И. Нефть и geopolитика в современном мире (на примере Каспийского региона). Научно-политический журнал. – № 08 (71). – Август 2012.
9. Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: Энергетика и политика / Под ред. А.В. Малыгина, М.М. Наринского. Вып. 2. – М.: Навона, 2005. – 456 с.
10. Средиземноморье – Черноморье – Каспий: Между Большой Европой и Большим Ближним Востоком // Под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.А. Языковой. – М.: Изд. дом «Граница», 2006. – 216 с.
11. Дружевский С.Б. К вопросу об альтернативной стратегии Российской Федерации в сфере энергетической политики.
12. Усманов Р.Х. Роль трубопроводных проектов и этнополитических конфликтов в формировании geopolитической картины Кавказского – Каспийского региона: Материалы круглого стола / Усманов Р.Х. – Власть, 2011. – № 10.
13. Чуфрин Г., Жайлин Д. Национальное информационное агентство «Казинформ» www.inform.kz источник: lenta.ru
14. Кудряшова Е.В. Институты регионального влияния на федеральном уровне // Социально-гуманитарные знания. – М., 2011. – № 7.

«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2013 г., № 4, с. 333–339.

Д. Александров,
начальник сектора

центральноазиатских исследований

И. Ипполитов,
научный сотрудник (РИСИ)

Д. Попов,

руководитель Уральского регионального ИАЦ РИСИ

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ

АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

ТУРКМЕНИЯ

Возможность усилить свое влияние на Туркмению привлекает США заманчивыми перспективами по закреплению в Центральной Азии, продвижению инфраструктурных проектов в ущерб российским, китайским и иранским интересам; улучшению путей доступа к Афганистану¹; наращиванию угрозы для Ирана. С целью сбора информации о положении в стране и по мере возможности влияния на ее элиты и население в Туркмении задействованы механизмы американской «мягкой силы». На различные программы по укреплению своего влияния в Туркмении с 1992 по 2010 г. США официально затратили более 300 млн долл. В 2011 г. эти траты составили 11 млн, на 2012 г. Госдепартамент запросил у Конгресса 9,9 млн, на 2013 г. – 6,7 млн долл.²

В конце первого срока президентства Бердымухамедова в американо-туркменских отношениях стало наблюдаться постепенное потепление, пришедшее на смену периоду охлаждения, тянувшемуся с последних лет правления С. Ниязова. С января 2011 г. началась серия визитов в Ашхабад высокопоставленных представителей Госдепартамента и Министерства обороны США. Так, в феврале и декабре 2011 г. Ашхабад посетил помощник госсекретаря Р. Блэйк, выразивший поддержку США как участию Туркмении в проектах Транскаспийского газопровода и ТАPI, так

¹ Stewart D. Activism and Policy: Prospects for Change in Turkmenistan. Carnegie New Leaders Program (CNL) / D. Stewart // Carnegie Council: website. 2010. 21 июня. URL: <http://www.carnegiecouncil.org/resources/transcripts/0302.html> (Дата обращения: 08.04.2012.)

² Nichol J. Turkmenistan. Recent Developments and U.S. Interests / Jim Nichol // Foreign Press Centers – U.S. Department of State: website. 2011. May 26. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/130256.pdf> (Дата обращения: 21.04.2012); см.: Бюджет на 2011, 2012, 2013 гг. на интернет-сайте Госдепартамента США.

и, судя по всему, переизбранию Бердымухамедова. В мае 2011 г. после пятилетнего перерыва в Ашхабад был прислан посол США Р. Паттерсон, а затем впервые была проведена бизнес-выставка более 60 американских компаний. Летом 2010 и осенью 2011 г. в Туркмении состоялись двусторонние бизнес-консультации, ряд переговоров Бердымухамедова с американскими коммерсантами. В январе 2011 и марте 2012 г. Ашхабад посетил главнокомандующий Центрального командования (CENTCOM) генерал Дж. Мэттис. На его встречах с президентом Бердымухамедовым, по неофициальным данным, обсуждались вопросы использования туркменских наземных транспортных путей и аэродрома Мары в интересах международной коалиции в Афганистане¹.

На нынешнем этапе политические отношения двух стран представляются неоднозначными. Поддержка со стороны США проектов Транскаспийского газопровода и TAPI даже на уровне риторики выгодна для Ашхабада, поскольку дает ему дополнительные аргументы для торга с покупателями газа. Туркменские власти заинтересованы и в развитии экономического сотрудничества с США (закупках высокотехнологичной продукции), а те, со своей стороны, пытаются привлечь Туркмению к максимально тесному политическому сотрудничеству, расширить ее участие в работе Северной сети поставок грузов в Афганистан, ослабить связи с Россией, Китаем и Ираном. Американская дипломатия здесь действует осторожно, избегая резкого нажима на туркменские власти, но в то же время пользуясь малейшей возможностью укрепить свои позиции.

Главным полем деятельности американских НПО в Туркмении является сфера образования в широком смысле: от организации простейших учебных курсов в сельской местности до заграничных научных стажировок. Наиболее крупной американской организацией, осуществляющей в Туркмении гуманитарную деятельность в рамках концепции «мягкой силы», является USAID, работающая здесь с 1992 г. По официальным данным посольства США в Ашхабаде, на программы USAID в Туркмении за годы работы в стране было выделено около 90 млн долл.; в 2011 г. расходы составили здесь примерно 6 млн долл., т.е. около 55% всех средств, официально выделенных для республики по запросу Гос-

¹ Верхотуров Д. Активизация Туркменистана на афганском направлении / Д. Верхотуров // Новое восточное обозрение: Интернет-сайт. 2011. 19 февраля. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/4559> (Дата обращения: 25.04.2012.)

департамента¹. Деятельность USAID в Туркмении осуществляется на основе грантов, направляемых развернутой в стране сети НПО, преимущественно американского происхождения. Они действуют по трем основным направлениям: содействие экономическому развитию, помочь в области образования и здравоохранения, развитие демократических процессов и институтов в стране.

1. *Содействие экономическому развитию.* Программа повышения конкурентоспособности (EREC) осуществляется с 2009 г. консалтинговой компанией Deloitte Consulting LLP совместно с Академией наук Туркмении. Она направлена на совершенствование законодательства и нормативно-правовой базы в области финансов и банковского дела. В рамках EREC группа преподавателей экономических и финансовых дисциплин туркменских вузов прошла тренинг по интерактивным методам обучения. При участии сотрудников программы руководство Туркмении летом 2011 г. приняло решение о переходе на международные стандарты финансовой отчетности (МСФО)². Известно, что в 2010 г. по программе EREC прошли обучение около 30 туркменских госслужащих, в основном из финансовых структур, причем ее спонсором помимо USAID выступило туркменское подразделение американской нефтегазовой корпорации Chevron³.

Программа «Достижения молодых» (Junior Achievement) действовала с 2009 по 2012 г. Официально направлена на развитие у молодых людей навыков ведения бизнеса, повышение уровня экономического образования учеников и учителей средних школ. Осуществляется одноименной международной общественной организацией. Учебные центры программы открыты во всех велаятах страны. Курс обучения разработан специально для граждан Туркмении. Бюджет программы составляет 726 тыс. долл., из которых 520 тыс. также оплачивает Chevron⁴.

¹ Посольство США в Ашхабаде: Интернет-сайт. 2012. 24 апреля. URL: http://turkmenistan.usembassy.gov/usaid_factsheet.html (Дата обращения: 25.04.2012.)

² Модеров С. Туркмения договорилась о введении международных стандартов финансовой отчетности / С. Модеров // Международный аудит в России: Интернет-сайт. 2011. 9 сентября. URL: <http://ifrs-audit.ru/?p=194> (Дата обращения: 04.03.2012.)

³ USAID и компания CHEVRON поддерживают финансовые реформы в Туркменистане // Время Востока: Интернет-сайт. 2010. 30 июня. URL: <http://www.easttime.ru/news/l/2/2440.html> (Дата обращения: 15.11.2012.)

⁴ Посольство США в Ашхабаде: Интернет-сайт. 2012. 24 апреля. URL: http://turkmenistan.usembassy.gov/usaid_overview.html (Дата обращения: 15.11.2012.)

Программа «Региональная энергетическая безопасность» (Regional Energy Security, Efficiency and Trade, RESET) рассчитана на 2010–2013 гг. и направлена на развитие местного рынка электроэнергии, обучение специалистов-энергетиков. Проводится американской НПО Tetra Tech, действует во всех постсоветских странах Азии и в Афганистане, а ее бюджет оценивается в 16,5 млн долл.¹

Программа «Улучшение технологий сельского хозяйства» представляет собой четырехлетний учебный курс (2010–2013) для сельских жителей. Обучение проводит американская компания Wiedemann Associates, непосредственно в Туркмении работают четверо ее сотрудников – местных уроженцев².

2. Помощь в области образования и здравоохранения. Программа защиты здоровья «Диалог» (2010–2014) включает тренинги, меры помощи гражданам, находящимся в группе риска по ВИЧ и туберкулезу, обучение социальных работников. Выполняется американской НПО Population Service International (PSI). Программа работает во всех странах Центральной Азии. В Туркмении она начала работу осенью 2011 г. в городах Ашхабад и Дашогуз³.

Программа «Молодежные центры» (Youth Centers, 2009–2012) направлена на создание молодежных центров USAID в городах Ашхабад (открыт осенью 2011 г.) и Мары с потенциальными аудиториями в 25 и 26 тыс. человек в возрасте 15–25 лет. В них будут проводиться занятия по изучению английского языка, компьютеров, курсы по профилактике ВИЧ, «репродуктивному здоровью». Проект реализует американская НПО John Snow Inc. Research Institute (JSI)⁴. Качественная медико-санитарная помощь (2010–2015) – программа по расширению возможностей системы здравоохранения в странах Центральной Азии, оказанию им технической поддержки и обучению специалистов. Выполняется аме-

¹ USAID в Центральной Азии: Интернет-сайт. 2012. 16 июня. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/node/298> (Дата обращения: 18.11.2012.)

² Wiedemann Associates Inc.: website. 2012. April 24. URL: http://www.wiedemanns-soc.com/aboutus.aspx#Bio_AA (Дата обращения: 03.05.2012.)

³ Dialogue Project: website. 2011. September 30. URL: <http://www.dialogue-project.org/eng/countries/turkmenistan/>; Ibid. URL: http://www.dialogueproject.org/download/Year%20Two%20Perfomance%20Report_Executive%20Summary.pdf (Дата обращения: 03.05.2012.)

⁴ Посольство США в Ашхабаде: Интернет-сайт. 2012. 24 апреля. URL: http://turkmenistan.usembassy.gov/usaid_overview.html (Дата обращения: 24.04.2012.)

риканскими НПО Abt Associates и Project HOPE. Работу в Туркмении программа начала в июле 2011 г., согласно ее отчету, обучение прошли 1250 медицинских работников¹. Продвижение информационных технологий (Promotion of Information and Communication Technology, PICTT, 2009–2012). На базе интернет-центра в столичном Институте им. Махтумкули проводятся занятия по изучению информационных технологий, осуществляются программы дистанционного образования. Исполнитель – НПО IREX².

3. Развитие демократических процессов и институтов.
Правовая поддержка гражданского общества (2009–2012) направлена на укрепление правового сознания граждан и развитие общественных организаций. Выполняется американской НПО «Международный центр некоммерческого права» (International Center for Non-profit Law, ICNL) во всех странах Центральной Азии и располагает бюджетом в 6,2 млн долл.³

Программа повышения эффективности управления (2010–2014) заявлена как средство для обеспечения правительства Туркмении экспертизами по вопросам управления и работы с гражданами. Выполняется НПО QED Group LLC⁴.

Местные инициативы развития (2009–2012) – программа предназначена для повышения эффективности работы местных органов власти с помощью тренингов, экспертных консультаций, информационной поддержки. Во всех странах региона ее осуществляет НПО Cardno Emerging Markets, располагающая для этого бюджетом в 13,8 млн долл.⁵

НПО «Международный совет по научным исследованиям и обменам» (IREX) работает в Туркмении с 1993 г. Кроме реализа-

¹ USAID поддерживает кампанию «Растим здоровых детей!» в Туркменистане // Quality Health Care: Интернет-сайт. 2011. 20 декабря. URL: <http://www.qhcr.net/ru/2011/12/usaid-supports-keeping-children-healthy-campaigns-in-turkmenistan> (Дата обращения: 25.12.2011.)

² Promotion of Information and Communication Technology in Turkmenistan (PICTT) Factsheets // IREX: website. April 24. URL: <http://www.irex.org/resource/promotion-information-and-communication-technology-turkmenistan-picttfact-sheets/> (Дата обращения: 24.04.2012.)

³ USAID в Центральной Азии: Интернет-сайт. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/kazakhstan/420> (Дата обращения: 12.06.2012.)

⁴ Там же. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/turkmenistan/413> (Дата обращения: 12.06.2012.)

⁵ Там же. URL: <http://centralasia.usaid.gov/ru/kazakhstan/422> (Дата обращения: 12.06.2012.)

ции программы USAID PICTT она курирует бесплатные (за счет правительства США) программы обучения и обмена по линии Отдела по образованию и культурным связям Госдепартамента США. Участники программы стипендий Э. Маски (Muskie) проходят очное обучение в магистратуре ряда вузов США сроком до двух лет по специальностям: экономика, международные отношения, журналистика, юриспруденция, информационные технологии, государственное управление и т.п.

В программу студенческого обмена (Global UGRAD) набор производится через открытый конкурс, она включает годичный курс обучения в вузах США по широкому спектру специальностей. IREX также проводит значительное число мероприятий по работе с выпускниками своих программ, оказанию им помощи в реализации полученных знаний, выплате грантов на суммы до 3 тыс. долл.¹

Также с 1993 г. в Туркмении действует американское федеральное агентство «Корпус мира». Ежегодно группы из 40–50 волонтеров приезжают в республику и работают там около двух лет. На территории страны Корпус осуществляет две программы: «Обучение английскому языку и совершенствование навыков учителей» (Teaching English as a Foreign Language, TEFL) – в начальной и средней школе, вузах, бизнес-центрах, учреждениях здравоохранения; «Охрана общественного здоровья», включающая преподавание сельским жителям простейших медицинских навыков. Эти два направления являются самыми крупными в деятельности Корпуса (40 и 20% всех его проектов)².

Неоднократно сообщалось о подозрениях туркменских правоохранительных органов по поводу участия сотрудников Корпуса в разведывательной деятельности. В 2009 г. туркменские власти запретили въезд в страну очередной группе волонтеров, разрешив его лишь на следующий год. Однако в сентябре 2011 г. въезд для новой группы вновь был запрещен. В качестве компромисса власти республики согласились продлить визы работающим в стране волонтерам еще на год. Официальных заявлений по этому поводу американское правительство и руководство Корпуса не

¹ IREX: website. URL: <http://www.irex.org> (Дата обращения: 24.04.2012.)

² The Peace Corps Performance and Accountability Report 2011 // Peace Corps. Coverdell World Wise Schools: website. 2011. November 15. P. 5. URL: <http://multimedia.peacecorps.gov/multimedia/pdf/policies/annrept2011.pdf> (Дата обращения: 24.04.2012.)

делали. По данным на середину 2012 г., во всех пяти велаятах Туркмении работали 18 волонтеров Корпуса, а за все годы его деятельности в этой стране их побывало более 750¹. К концу 2012 г. Корпус планировал окончательно свернуть свою деятельность в Туркмении, что вызвано постоянным давлением на него властей страны².

Согласно отчету NED в 2010 г. эта организация выделила 350 тыс. долл. на реализацию в Туркмении пяти гуманитарных проектов. Среди них проекты по проведению в областных центрах семинаров по развитию гражданского правосознания, бесплатных консультаций и информирования о правах человека, поддержке молодежной и экологической деятельности³. Известно о сотрудничестве с NED деятеля туркменской оппозиции в изгнании Ф. Тухбатулина, ныне проживающего в Австрии и возглавляющего интернет-ресурс «Хроники Туркменистана»⁴.

Зарегистрированная в Вашингтоне НПО «Американские советы по международному образованию» осуществляет в Туркмении около десяти правительственные образовательно-просветительских программ, из которых наиболее известны: FLEX – годичная программа обучения по обмену для старшеклассников, проводимая в восьми школах во всех велаятах и столице страны; JFDP – программа пятимесячных стажировок в вузах США; «Американские уголки» (American Corners) – действующие в городах Дашогуз, Туркменабад и Мары культурно-информационные центры, где регулярно проводятся учебные и развлекательные мероприятия. «Уголки» освещают свою деятельность на интернет-сайте и служат важными точками соприкосновения местных жителей с широким спектром американских гуманитарных программ⁵.

¹ Триллинг Д. Туркменистан: Корпус мира США ущемляют, но не выговаривают / Дэвид Триллинг // Eurasia.net: Интернет-сайт. 2012. 4 апреля. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59273> (Дата обращения: 24.04.2012.)

² Туркменистан: Американский Корпус мира уходит из страны // Eurasia.net: Интернет-сайт. 2012. 4 сентября. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/59570> (Дата обращения: 06.09.2012.)

³ National Endowment for Democracy: website. URL: <http://www.ned.org/where-we-work/eurasia/turkmenistan> (Дата обращения: 24.04.2012.)

⁴ Центр общественной информации: URL: Интернет-сайт. <http://newcpi.wmtest.ru/2010/02/25/7740> (Дата обращения: 24.04.2012.)

⁵ American Corners: website. URL: <http://americancornerstm.org/site/> (Дата обращения: 24.04.2012.)

Активную гуманитарную деятельность проводит и Посольство США в Ашхабаде. Оно предлагает большой выбор правительственные программ обучения по обмену, таких как полугодовая TEA и 6-недельная SUSI. По информации посольства, значительный интерес граждан вызывает работа информационно-ресурсного центра посольства, где установлены девять рабочих станций с доступом в Глобальную сеть и проводятся семинары по освоению интернет-ресурсов, работают женские интернет-курсы. Сайт посольства сам по себе служит рекламой и путеводителем для ознакомления с американской гуманитарной деятельностью в Туркмении.

В Ашхабаде действует Консультационный центр, финансируемый Отделом образования и культуры Госдепартамента. Через него гражданам передается информация об американских образовательных программах, оказывается помощь в присоединении к ним. По американским данным, Центр ежемесячно посещают более 1 тыс. человек¹.

Туркменское руководство давно сознает опасность чрезмерного развития иностранных, в первую очередь американских, НПО и гуманитарных программ, которое началось еще в первые годы независимости Туркмении. Эта опасность стала особенно отчетливой с началом череды «цветных революций» на постсоветском пространстве, к тому же на элиту страны произвели сильное впечатление неудавшееся покушение на С. Ниязова в ноябре 2002 г. и последовавшие за ним политические репрессии.

Осенью 2003 г. в Туркмении был принят Закон «Об общественных объединениях», активное применение которого привело к сокращению числа иностранных НПО с 400 до 99 (в начале 2012 г.)². Согласно ст. 17 этого закона деятельность незарегистрированных общественных объединений была запрещена. Одновременно Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях был дополнен ст. 204, устанавливающей ответственность за участие в работе незарегистрированного общественного объединения и уклонение его учредителей от регистрации. Эта же статья предусматривает конфискацию всех финансовых и материальных средств, полученных объединением от физических и юридических

¹ Посольство США в Ашхабаде: Интернет-сайт. URL: <http://turkmenistan.usembassy.gov/eac.html> (Дата обращения: 24.04.2012.)

² NGO Law Monitor: Turkmenistan: website. 2012. April 5. URL: <http://www.icnl.org/research/monitor/turkmenistan.html> (Дата обращения: 12.04.2012.)

лиц иностранных государств, минуя установленный порядок регистрации этой помощи. В случае повторного нарушения законодательства к членам общественных объединений может быть применена статья Уголовного кодекса, предусматривающая в качестве меры наказания до одного года лишения свободы.

Периодически правительство использовало представлявшиеся поводы для запрещения деятельности НПО или закрытия отдельных проектов. Так, в 2009 г. свернула свою работу в республике американская НПО Counterpart Consortium, не раз получавшая предупреждения от властей по поводу антигосударственной деятельности. Тогда же власти отказались выпускать туркменских студентов на учебу в Американский университет Центральной Азии в Бишкеке, где они обучались по ранее весьма популярной в стране программе «Американских советов» TASp. Неоднократно становилось известно о мерах давления со стороны руководства учебных заведений на школьников и студентов, участвующих или готовящихся участвовать в различных американских учебных программах. Сообщалось и о практике урезания зарплат учителям с зарубежными дипломами. В 2004 г. специальным указом президента С. Ниязова было отменено признание в Туркмении дипломов, полученных за рубежом. Лишь в 2011 г. формально это ограничение было снято¹. Тем не менее есть сведения, что обладатели зарубежных дипломов в республике нередко сталкиваются с различными затруднениями.

Полный запрет на американскую гуманитарную деятельность в Туркмении считается «непозволительной роскошью», поскольку неминуемо приведет к опасному обострению отношений с США и деформации проводимой руководством страны многовекторной политики. Кроме того, туркменские власти явно ценят американскую финансовую и консультационную помощь. Однако в долгосрочной перспективе гуманитарная активность США может привести к заметному росту проамериканских настроений в туркменской элите.

Несмотря на кажущееся изобилие и активность американских НПО в Туркмении, в их деятельности определенно присутствуют значительные недостатки. Работа НПО сосредоточена в основном в крупных городах, хотя не менее 45% населения про-

¹ В Туркменистане будут признаваться дипломы зарубежных вузов // Turkmenistan.ru: Интернет-сайт. 2011. 2 мая. URL: <http://www.turkmenistan.ru/tu/articles/35920.html> (Дата обращения: 05.05.2012.)

живают в сельской местности. Подавляющее большинство из сохранившихся в стране НПО являются субподрядчиками USAID, работают на выдаваемые ею гранты и «прикрываются» ее авторитетом. Известно, что в сфере деятельности западных НПО в Туркмении, как и в прочих странах Центральной Азии, широко распространены коррупция, кумовство, «распил» бюджетных средств и фиктивная отчетность. С высокой вероятностью можно утверждать, что руководителями многих НПО-грантополучателей являются лица, тесно связанные с Госдепартаментом и USAID, «выбывающими» средства у Конгресса. Все это вкупе со спецификой общественно-политического устройства Туркмении, ее известной закрытостью от внешнего мира и сильным государственным контролем над обществом делает «успехи» американских НПО наиболее скромными по сравнению с другими странами региона. Видимо, поэтому в последние три года бюджетные средства, выделяемые на деятельность НПО в Туркмении Конгрессом, значительно урезаются: с 16,5 млн долл. в 2010 г. до 6,7 млн в 2013 г., в большей степени, чем расходы на деятельность в других центральноазиатских республиках¹.

Другие сферы действия «мягкой силы» в Туркмении по уровню своего развития уступают сектору НПО. Сколько-нибудь «свободная» журналистика в стране отсутствует, здесь выпускается лишь одна частная газета, принадлежащая фавориту президента, крупному предпринимателю А. Дадаеву. Иностранный пресса в ограниченном количестве поступает в библиотеки крупных вузов. В едином стиле, комплиментарном руководству страны, работает государственное телевидение. Информационное разнообразие обеспечивается главным образом спутниковым телевидением, получившим в Туркмении большое распространение.

По уровню развития Интернета Туркмения значительно отстает от прочих стран Центральной Азии. По данным Internet World Stats, в 2011 г. здесь насчитывалось 110 тыс. интернет-пользователей (2,2% населения), т.е. в 5 раз меньше, чем в Таджикистане, и почти в 17 раз меньше, чем в Киргизии². Также отмечаются низкие скорости трафика и исключительно высокие цены. Абонентская плата за высокоскоростной безлимитный Интернет

¹ См.: Бюджет на 2011, 2012, 2013 гг. на интернет-сайте Госдепартамента США.

² Internet World Stats: website. 2012. February 24. URL: <http://www.intemet-worldstats.com/stats3.htm> (Дата обращения: 24.02.2012.)

может приближаться к 6,5 тыс. долл.¹ Также известно, что многие популярные интернет-сервисы (YouTube – с 2009 г., Gmail.com – с 2012 и др.) в стране заблокированы или периодически блокируются (Facebook, Twitter, Livejournal). Неизменно блокируются интернет-ресурсы туркменской оппозиции в изгнании: chrono-tm.org, gundogar.org и пр. Единственным интернет-провайдером в стране сейчас является государственная компания «Туркментелеком». Принудительный уход с туркменского рынка в конце 2010 г. российской телекоммуникационной компании МТС, предоставившей среди прочего услуги мобильного Интернета, так или иначе совпадает с очевидной тенденцией к ограничению информационного поля со стороны государственной власти.

Несмотря на то что в Туркмении западные технологии «мягкой силы» сейчас встречаются, пожалуй, с наибольшими препятствиями из всех центральноазиатских стран, недооценка их потенциала весьма опасна. В случае существенных социально-политических или экономических потрясений и ослабления государственной власти через американскую сеть НПО могут быть мобилизованы значительные силы из числа недовольных существующим режимом: участники западных образовательных программ (их количество может составлять несколько тысяч человек), представители клановых структур, ныне оттесненных от власти.

«Центральная Азия: Проблемы и перспективы: Взгляд из России и Китая», М., 2013 г., с. 56–67.

Б. Эргашев,
координатор исследований, Центр
экономических исследований (Ташкент)
**ПОЛИТИКА УЗБЕКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ
АФГАНИСТАНА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

1. Угрозы безопасности и стабильному развитию стран Центральной Азии: распространение терроризма, религиозного

¹ Самый дорогой Интернет – в Туркменистане // Radio France international: Интернет-сайт. 2011. 7 февраля. URL: <http://www.russian.rfi.fr/node/46358> (Дата обращения: 18.02.2012.)

фундаментализма, наркотиков, исходящие из нестабильного Афганистана, носят долговременный характер. Степень влияния этих угроз неодинакова для стран региона (как минимум в силу географического фактора), что обуславливает несколько разные взгляды стран региона на ситуацию в Афганистане, и, соответственно, афганская проблематика (как в целом, так и отдельные ее аспекты) занимает различные места в иерархии политических приоритетов правительств.

2. В силу географических, geopolитических и геоэкономических факторов Узбекистан является одним из ключевых игроков среди стран – соседей Афганистана в процессе урегулирования в Афганистане. И без учета роли данного фактора проекты афганского урегулирования не могут быть реализованы в полной мере. Исходя из этого, Узбекистан в течение двух последних десятилетий активно участвовал в выработке политических и экономических решений, направленных на разрешение конфликта в Афганистане.

3. В июле 2012 г. в Олий Мажлисе Узбекистана была рассмотрена и одобрена предложенная президентом страны Концепция внешней политики Республики Узбекистан, которая определяет внешнеполитическую стратегию на средне- и долгосрочную перспективу. Как отмечено в документе, главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана является регион Центральной Азии, с которым связаны его жизненно важные интересы. Согласно Концепции, проблемы Центральной Азии должны решаться самими государствами региона без вмешательства внешних сил.

4. Разработка и принятие Концепции внешней политики Узбекистана представляет собой квинтэссенцию прежних подходов, накопленного опыта (как позитивного, так и негативного) в решении проблем безопасности в регионе. Документ является логическим продолжением политики Узбекистана в вопросах афганского урегулирования. Содействие урегулированию ситуации в Афганистане, обеспечение мира и стабильности в регионе заявлены в Концепции в качестве важнейших направлений.

5. Подчеркивается, что внешнеполитическая деятельность Узбекистана, в том числе в вопросах содействия урегулированию ситуации в Афганистане, базируется на следующих принципах:

– проведение открытой, доброжелательной и прагматичной политики в отношении своих ближайших соседей;

– содействие урегулированию ситуации в Афганистане на принципах взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела;

– принятие политических, экономических и иных мер по предотвращению своего вовлечения в вооруженные конфликты и очаги напряженности в сопредельных государствах, а также не допускать на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов;

– никакая интеграция не должна быть навязана извне, она неприемлема, если ущемляет свободу, независимость и территориальную целостность страны или продиктована идеологическими обязательствами;

– Узбекистан оставляет за собой право заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь высшими интересами государства, народа, его благосостояния и безопасности.

6. Позиция Узбекистана относительно разрешения афганского конфликта изначально базировалась на двух основных постулатах: а) признание того факта, что исключительно военными действиями урегулирование невозможно; б) повышение роли и значения экономической составляющей в программе урегулирования конфликта и восстановления Афганистана. Узбекистан последовательно действует в двух взаимосвязанных направлениях – через участие в реализации экономических проектов и параллельную дипломатическую деятельность в целях объединения усилий, как стран – соседей Афганистана, так и США / НАТО, КНР и РФ.

7. На дипломатическом уровне подходы Узбекистана в 1990-е годы базировались на признании того, что развитие ситуации в Афганистане показало необходимость скоординированного международного сотрудничества для налаживания диалога между враждующими группировками. В 1997 г. по инициативе Узбекистана под эгидой ООН начал действовать формат «6+2», т.е. шесть стран-соседей – Пакистан, Иран, Китай, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, и страны-гаранты – США и РФ. Цель этого формата состояла, прежде всего, в урегулировании афганского конфликта посредством примирения Северного альянса и движения «Талибан». Благодаря деятельности Контактной группы 21 июля 1999 г. была подписана «Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного разрешения конфликта в Афганистане» в присутствии противоборствующих сторон.

8. В развитие данной идеи в 2008 г. Узбекистаном было предложено сформировать Контактную группу «6+3». В состав

Контактной группы вместе со странами, граничащими с Афганистаном: Пакистаном, Ираном, Китаем, Туркменистаном, Таджикистаном, Узбекистаном, – предлагалось включить с учетом сложившихся реалий на современном этапе Россию, США и НАТО. Целью данного формата было объединение усилий для поиска оптимального и мирного решения проблемы по достижению мира и стабильности в Афганистане, так как превалирование военных методов без решения социально-экономических вопросов только обостряет ситуацию. Кураторство и координацию деятельности Контактной группы предлагалось возложить на Специального представителя Генерального Секретаря ООН по Афганистану. От формата 6+2 ее также отличало то, что ни представители властных структур, ни враждующие группы Афганистана к переговорному процессу в рамках новой группы не были бы привлечены. Однако данная инициатива Узбекистана не получила поддержки.

9. Ключевой идеей Узбекистана в отношении афганского урегулирования всегда было стремление снизить уровень военной составляющей и уделить больше внимания вопросам восстановления экономики, так как только это позволит снизить уровень конфликтогенного потенциала внутри Афганистана. Приоритетом должно стать оказание целенаправленной экономической помощи Афганистану. И здесь у Узбекистана есть что предложить. За последние годы Узбекистаном накоплен значительный опыт участия в реализации совместных проектов восстановления Афганистана, в частности, в сфере дорожного строительства и ремонта дорог, электроэнергетики, строительства железных дорог, горнодобывающей промышленности, образования, обмена специалистами. Значительно расширилась за последние годы взаимная торговля между Узбекистаном и Афганистаном.

10. Узбекистан уже с 2002 г. начал активное сотрудничество с Кабулом в экономической сфере. Так, Узбекистаном в рамках реализации программы реконструкции Афганистана было сооружено 11 мостов на участке «Мазари-Шариф–Кабул». Кроме того, завершается строительство высоковольтной линии 220 кВт протяженностью около 442 км от Кабула в сторону государственной границы с Узбекистаном. Данная линия электропередачи пройдет по территории пяти провинций Афганистана, и планируется, что она будет связана с электроэнергетической системой Узбекистана через строительство линии электропередачи от подстанции «Сурхан» (Узбекистан) до подстанции «Хайратон» (Афганистан) про-

тяженностю 43 км. Через эту высоковольтную линию предполагается передача от узбекской энергосистемы на первом этапе 150 МВт, а в перспективе – до 300 МВт мощности. Стоимость проекта составляет свыше 198 млн долл. США.

11. Акционерная компания «Узбектелеком» и «Afgan Telecom Сорг» имеют межоператорское соглашение, предусматривающее сотрудничество в предоставлении международных услуг по строящейся в Афганистане волоконно-оптической линии связи (ВОЛС), которая соединит два государства; запуск магистрали в 2009 г. с пропускной способностью 2,5 Гбит/с, которая обеспечила возможность организации прямой связи между Афганистаном и Узбекистаном для предоставления услуг международной телефонной связи, доступа к сети Интернет и выхода через Узбекистан в страны СНГ и дальнего зарубежья.

12. Одной из главных проблем, тормозящих рост экономики Афганистана и, в частности, рост производства внутри страны, является отсутствие инфраструктуры – транспортных коммуникаций, сетей водо- и энергоснабжения и др. В этом направлении важное значение может иметь реализация проекта прокладки железной дороги через территорию Афганистана. В 2009–2010 гг. государственная железнодорожная компания Узбекистана (ГАЖК «Узбекистон темир йуллари») реализовала проект строительства участка железной дороги «Хайратон–Мазари-Шариф» протяженностью 75 км и стоимостью 129 млн долл. США. По расчетам, на первом этапе эксплуатации объем грузоперевозок по железной дороге может составить 7 млн т ежегодно, с последующим увеличением до 20 млн т в год. В перспективе планируется проложить железную дорогу общей протяженностью 2 тыс. км по маршруту «Мазари-Шариф–Кабул–Кандагар–Герат» и обратно, закольцевав ее на Мазари-Шариф. Общая стоимость этого проекта, который позволит создать железнодорожный аналог Трансафганского автотранспортного коридора из Европы с выходом в Индию, Китай, Иран и Пакистан, составит около 3 млрд долл. США.

13. После 2001 г., когда в результате операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане был свергнут режим талибов и начался процесс постоянного военного присутствия стран Западной коалиции, а также было сформировано новое правительство во главе с Х. Карзаем, начата реализация программы реконструкции Афганистана при поддержке стран-доноров и международных финансовых институтов.

14. На сегодняшний день все страны, так или иначе участвующие в афганском урегулировании, понимают бесперспективность дальнейшего хода антитеррористической кампании в рамках существующих подходов. Несмотря на предпринимаемые международным сообществом и США действия по обеспечению безопасности, стабильности и развитию Афганистана, ситуация не улучшается.

15. На сегодняшний день можно констатировать, что Афганистану не удалось разрешить вопросы обеспечения безопасности, формирования дееспособного правительства. Не созданы условия для устойчивого экономического развития страны. Предполагаемый постепенный вывод войск западной коалиции из Афганистана в этих условиях может стать катализатором процессов дестабилизации как в самом Афганистане, так и в регионе Центральной Азии.

16. Исходя из сложившейся ситуации с урегулированием ситуации в Афганистане, внешняя политика Узбекистана в этом вопросе будет ориентирована на:

- активизацию усилий по налаживанию политического диалога с Афганистаном (со всеми политическими силами внутри Афганистана), странами-соседями и ведущими центрами сил, заинтересованными в сохранении единой афганской государственности;

- опору не на многосторонние форматы, к сожалению оказавшиеся неэффективными в решении афганского конфликта, а на двусторонние форматы;

- оказание всемерного содействия в разрешении социально-экономических проблем Афганистана, поддержку проектов, направленных на формирование жизнеспособной и развивающейся экономики Афганистана. Узбекистан накопил серьезный опыт в реализации проектов по реконструкции в Афганистане, и вполне естественно, что он может инициировать реализацию проектов, важных для социально-экономического развития Афганистана.

*«Вызовы безопасности в Центральной Азии»,
М., 2013 г., с. 96–99.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Умнов,

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник (ИМЭМО РАН)

АФГАНИСТАН: ЧТО ДАЛЬШЕ

2014 год, возможно, будет решающим для судьбы Афганистана. Планируемый вывод, если не всего, то основной части, иностранного военного контингента властно ставит вопрос о судьбе правительства Карзая, которое постоянно сталкивается с вызовом сохраняющих немалое влияние талибов. Сможет ли оно, опираясь главным образом на собственные силы, успешно противостоять их давлению, удастся ли ему достичь какой-либо компромисс с ними и на каких условиях – от этого зависит очень многое и отнюдь не только в Афганистане. Прежде всего, это Центральная и Южная Азия, частично Кавказ. Ведь местные, апеллирующие к исламу экстремистские силы, включая международных террористов, выступают в Афганистане союзниками талибов. Сохранится ли этот союз в случае победы талибов? Не станут ли талибы, взяв власть или разделив ее с Карзаем или его преемником, продолжать помогать своим прежним союзникам?

В прошлом территории современных Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана и частично Казахстана входили в состав Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Этнической базой первого служили надэтнические связи между различными кланами узбеков и таджиков, второго – узбеков и туркмен, третьего – узбеков и киргизов. Идеологической силой, санкционирующей каждый из этих союзов, выступал ислам. Завоевание этих государственных образований Российской империей привело к ликвидации третьего и серьезному изменению границ первого и второго. Но сама санкционированная исламом основа местной государственности сохранилась. Смертельный удар по ней был нанесен в годы СССР. Территории, обладавшие прежде социально-политическим единством, разделили границы создан-

ных на базе этнических групп новых государственных образований. Естественно, эти образования санкционировал не ислам, отражавший традиции местного общества, а марксистско-ленинская теория, в целом ему глубоко чуждая. Этническая определяющая, по замыслу коммунистических стратегов, была призвана для привязки Центральной Азии к единому тоталитарному государству и оказания революционного влияния на многонациональный Средний Восток. Особое место в этой стратегии отводилось Афганистану, где национальные меньшинства (прежде всего таджики) составляли чуть ли не половину его населения. Экспансия талибов через бывшую советско-афганскую границу (даже чисто идеологическая) неизбежно активизирует в соседних с Афганистаном странах заложенную при их создании этническую определяющую в южном направлении. Поэтому стремление талибов к мирному сосуществованию со странами ШОС может быть искренним.

Естественно, что утверждение опирающихся главным образом на афганских пуштунов талибов в Кабуле или раздел ими в какой-либо форме власти с Карзаем или его преемником неизбежно осложнит положение Исламабада. Ведь движение талибов уже давно развивается по обе стороны не признаваемой Афганистаном афгано-пакистанской границы. Таким образом, Пакистан, возможно, будет главным проигравшим в результате какой-либо формы прихода к власти талибов. Поэтому он, несмотря на свою поддержку талибов, жизненно заинтересован в такой структуре власти в Афганистане, при которой формально пуштунская власть в Центре либо останется таковой, либо будет уравновешиваться сильными непуштунскими автономиями, объективно препятствующими занятию Кабулом жесткой позиции по пуштунскому вопросу. Ведь подобная позиция объективно снижала бы статус афганских непуштунов.

Именно такие соображения стоят за поддержкой Карзая со стороны прежних противников в «холодной войне» – США, Запада в целом и России. Свое содействие ему оказывают такие разные страны, как Индия, Саудовская Аравия и Пакистан. Особенно это касается центральноазиатских Таджикистана и Узбекистана и южноазиатского Пакистана. Ведь таджики и узбеки (особенно первые) образуют влиятельные нацменьшинства в Афганистане, а пуштуны – относительное большинство в этой стране, – влиятельное меньшинство в Пакистане. Пуштун Карзай в своей борьбе за власть наряду с иностранным военным контингентом опирается главным образом на таджиков и узбеков, талибы – на пуштунов. Правда, в Таджикистане местные исламистские силы (не без влия-

ния России, Узбекистана и Ирана) вступили на путь национального примирения со светским режимом. Однако утверждение талибов в Кабуле может создать здесь немало сложностей. Ведь само по себе провозглашение в Афганистане исламского эмирата (а это именно то, к чему стремятся талибы) будет иметь немалую силу примера. Правда, и сегодня страна носит название Исламская Республика Афганистан. Однако режим Карзая имеет, безусловно, светский характер. С еще большей определенностью, чем в Таджикистане, смена светского режима на религиозно-политический в Афганистане проявится в Узбекистане, где правящий режим прямо противопоставляет себя религиозным экстремистам.

Конечно, может статься, что, став государственной силой в Афганистане, талибы порвут со своими прежними союзниками. В конце концов лидер талибов мулла Омар неоднократно предлагал странам ШОС не вмешиваться в их внутренние дела в обмен на не-вмешательство в дела Афганистана. Возможно, это лишь тактический ход, призванный скрыть истинные цели талибов. Однако полностью игнорировать подобные заявления вряд ли целесообразно.

Однако если государственное перерождение талибов в отношении Центральной Азии, как, впрочем, и Кавказа, еще можно себе представить, то в отношении Пакистана оно практически невозможно. Дело в так называемой «пуштунской проблеме». Как известно, весьма протяженная афгано-пакистанская граница – преемница того рубежа, который еще во времена Британской Индии разделил пуштунский этнос на две примерно равные части. После ухода англичан с южноазиатского субконтинента и возникновения Пакистана ни одно афганское правительство не признавало законность афгано-пакистанской границы. Для Кабула это был способ утверждения своего пуштунского характера в глазах афганских пуштунов – наряду с местными таджиками одной из двух основных этнических групп Афганистана.

В свою очередь пакистанские пуштуны использовали поддержку Афганистана, требуя широкой автономии. Причем отказ центральных властей пойти навстречу этим требованиям не раз приводил к всплескам борьбы за «независимый Пуштунистан».

Таким образом, 2014 год может быть решающим не только для Афганистана, но и для некоторых сопредельных государств.

*Статья, опубликованная на интернет-портале
Афганистан.Ru 21.02.2014 (http://afghanistan.ru/doc/72096.html?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter),
предоставлена автором для публикации в бюллетене.*

**Д. Нечитайло,
востоковед (ИВ РАН)
«АЛЬ-КАИДА» В КИТАЕ**

Появление на политической карте новых государств Центральной Азии в 90-е годы послужило для уйгурских националистических движений сигналом для активизации усилий по реализации идеи независимости. Движение сопротивления в Синьцзяне длительный период времени не имело религиозной направленности, а сами уйгуры были вполне веротерпимыми.

Однако важность ислама, как оппозиционной силы, начала постепенно возрастать. Это объясняется причинами как внутреннего, так и внешнего характера. В целом возвращение к исламским ценностям для уйголов стало средством символического сопротивления против подавления мусульман на национальном и глобальном уровнях и альтернативной культурной экспансии Китая.

С началом 90-х годов как показатель глобальной исламской солидарности все чаще стали слышны среди молодежи антиамериканские и антиизраильские лозунги. После вторжения США в Ирак и Афганистан многие уйгуры стали высказывать недовольство политикой Запада в отношении мусульманских стран. Осознание того, что мусульмане в Ираке, Афганистане, Палестине угнетаются, способствовало восприятию ислама в качестве символа антикитайского и антиколониального сопротивления. Для реализации идеи независимости уйгурские группировки обращались за помощью к зарубежным исламистским организациям, в том числе и «Аль-Каиде», получали от них оружие, финансы, готовили на их базах боевиков.

Постепенно регион стал объектом деятельности радикальных исламистских группировок, осуществляющих подрывные действия в отношении сопредельных стран, в том числе и Китая.

Среди наиболее влиятельных уйгурских экстремистских организаций можно выделить «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), на базе которого в конце прошлого года возникла новая группировка «Аль-Каида в Китае», ее лидером стал Абдул Хак Туркистани. Главной ее целью является создание независимого исламского государства в Синьцзяне. ИДВТ впервые привлекло к себе внимание в 2008 г., когда взяло на себя ответственность за серию взрывов в Шанхае и Юннане. Террористы выступили с угрозами применения химического и бактериологического оружия в период проведения Олимпийских игр.

Во время правления режима талибов в Афганистане боевики ИДВТ численностью до 300 человек проходили подготовку в военно-тренировочных лагерях в Хосте, Баграме, Кабуле и Герате. Первоначально уйгурские моджахеды являлись составной частью радикальной организации «Исламское движение Узбекистана», возглавляемого Дж. Намангани. «Исламское движение Восточного Туркестана», подобно другим исламистским организациям Афганистана, Аравийского полуострова, Северной Африки, входящим в структуру «Аль-Каиды», издает свой арабоязычный журнал «Мусульманский Туркестан», распространяемый на радикальных сайтах. В нем содержатся материалы как политического, так и религиозного характера. Аналогично другим изданиям – «Голосу джихада», издаваемому «Аль-Каидой в Саудовской Аравии», «Эху битв» – исламистами Йемена, в каждом номере прослеживается стремление придать борьбе за «освобождение мусульман Синьцзяна от коммунистического китайского режима» вселенский характер, поставить этот давний конфликт в один ряд с событиями, происходящими в Ираке, Афганистане и Палестине. Именно таким образом, посредством формирования единого идеологического пространства, а также включения в свою структуру, «Аль-Каида» старается достичь единства между своими последователями и отдельными группировками, сформировавшимися по национальному принципу, объединить их под одним знаменем на основе общих принципов и целей.

Процессы, происходящие в Синьцзяне, имеют некоторые аналогии с теми, которые имели место на Северном Кавказе. В СССР длительное время велась активная работа против религии, в данном случае ислама, претендовавшего на роль регулятора социальных отношений, источника ценностных ориентиров. Коммунизм как идеология претендовал на столь же абсолютную роль и уже в силу этого не мог терпеть присутствия такого могущественного конкурента, который обладает вековыми традициями влияния на человека и общество. «Культурная революция» в Китае сопровождалась разрушением мечетей, уничтожением исторических памятников, внедрением маоистских идеалов, также не способствовала развитию исламской мысли. Свертывалась система религиозного образования, возник идейно-религиозный вакуум, ослабли механизмы, сдерживающие восприятие идей так называемого «чистого ислама». Это в свою очередь привело в 90-х годах к разгулу радикальных сил в исламском камуфляже.

Очень быстро, во многом благодаря средствам массовой информации, чеченский конфликт со стороны мирового исламизма был позиционирован как священная война. Чечня, наряду с Афганистаном, Боснией, Кашмиром, Филиппинами, стала одним из очагов вселенского джихада.

«Идеология и практика современного радикального исламизма», М., 2013 г., с. 340–342.

А. Зубкова,
политолог (РУДН)

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Важные изменения, произошедшие во внешней политике Турции, связаны, прежде всего, с распадом Советского Союза, вызвавшем всплеск интереса Турции к регионам Кавказа, Средней Азии, что положило начало переосмыслению роли Турции в мировой политике и международных отношениях.

Так, в 1990-е годы в турецких научных и политических кругах возобновилась дискуссия о целесообразности включения пантюркистского идеологического компонента во внешнюю политику, проводимую республикой. В реальном выражении идея создания Турана – единого тюркского сообщества, простирающегося от Западного Китая до Восточного Средиземноморья, – вылилась в создание в 1992 г. в Стамбуле международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ), странами-учредителями и постоянными членами которой стали Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Турция и Узбекистан. В перспективе планировалось создание единого политico-экономического союза тюркских государств, ввиду чего Турция начала проводить регулярные саммиты тюркоязычных государств.

Но ограниченность возможностей Турции, различия во внешнеполитических приоритетах тюркских государств, а также географическая разобщенность тюркских народов Кавказа и Центральной Азии не позволили Анкаре реализовать свои планы. Однако полностью тюркская интеграция не была снята с повестки дня, о чем говорят, например, результаты саммита, проведенного ТЮРКСОЙ в Нахичевани в 2009 г., по итогам которого было принято решение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных

государств, целью деятельности которого было объявлено укрепление экономических и культурно-гуманитарных связей.

Приход к власти Партии справедливости и развития ознаменовал новую веху во внешней политике Турции. Так, интерес Анкары к постсоветскому пространству остался неизменно высоким, однако изменилось его идеологическое обоснование, заключающееся в апелляции к «глубоким историческим и культурным корням Турции на Балканах, Ближнем Востоке, на Кавказе и в Центральной Азии» [8. с. 67]. Данный тезис наглядно демонстрирует определенную степень диверсификации турецкой внешней политики, векторы которой теперь устремляются к развитию отношений и усилению влияния не только в этнически близких, тюркских государствах. Помимо этого, очевидно стремление Турции к изменению своей роли в мировой политике государства – хранителя южных рубежей НАТО, проводящего в целом прозападный внешнеполитический курс, в сторону большей независимости с претензией на роль регионального лидера.

Идеологически свои внешнеполитические притязания Турция аргументирует отсылкой к временам Османской империи, преподносящихся в качестве эпохи подлинного величия, «золотого века». Показательны в этой связи всплеск интереса к истории Османской империи, вхождение в моду османского стиля во всевозможных проявлениях: от возвращения к элементам османского языка в противовес тюркистскому новоязу до появления широкого ряда художественных и документальных фильмов, научно-популярных телепередач на османскую тематику. Османизм проник даже в молодежную субкультуру, появилась мода на футболки с соответствующей символикой и надписями вроде «Империя наносит ответный удар» [4]. Показательной в этом смысле является церемония похорон наследника османского престола Эртугрула Османоглу в 2009 г., получившая статус официального мероприятия, чем объясняется присутствие на ней первых лиц государства [27].

Монографию главного архитектора современной внешней политики Турции, министра иностранных дел республики Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина», увидевшую свет в 2001 г. и с тех пор неоднократно переиздававшуюся, принято считать изложением основ теории неоосманизма. Основным постулатом данного труда является утверждение о несбалансированности внешней политики Турции, выражаящейся в крене в сторону отношений с Западной Европой и США в ущерб интересам Турции в других

регионах мира, особенно на Ближнем Востоке. В этой связи, учитывая почти полное отсутствие – начиная с 1923 г. – внимания Турции к странам, являвшимся некогда провинциями Османской империи, А. Давутоглу указывает на необходимость определения для Турции принципиально новой роли.

Таким образом, для неоосманизма характерно позиционирование Турции как региональной (а впоследствии – и глобальной) супердержавы, наследницы – как в географическом, так и в культурном смысле – Византийской и Османской империй, что сопровождается акцентированием внимания на чувстве величия и уверенности на внешнеполитической арене. При этом наименование современной внешней политики Турции неоосманизмом также принадлежит самому Ахмету Давутоглу, заявившему в 2009 г.: «Есть наследие, которое оставила нам Османская империя. Нас называют “новыми османами”. Да, мы “новые османы”! Мы вынуждены заниматься соседними странами и идем даже в Африку» [21].

Говоря о концепции внешней политики, предложенной А. Давутоглу в работе «Стратегическая глубина», следует остановиться на шести ее основных принципах.

Первый из них заключается в необходимости определения баланса между свободой и безопасностью, в том смысле, что обеспечение первой не следует проводить в ущерб второй, а равно и наоборот. Иными словами, диктуется необходимость определения верного соотношения между свободой и безопасностью, что, следует отметить, весьма актуально для современной Турции.

Второй принцип предполагает включение всех региональных сил в мирный переговорный процесс путем реализации политики «ноль проблем с соседями».

Третий принцип, вытекающий из предыдущего, диктует необходимость проведения эффективной дипломатической работы в отношении соседних стран и регионов, интенсификации сотрудничества с соседними государствами, с обеспечением безопасности, политического диалога, экономической взаимозависимости, культурной гармонии и взаимоуважения.

Четвертый принцип заключается в координации действий с основными глобальными политическими акторами.

Пятый – в эффективном использовании международных форумов и иных переговорных площадок и форматов. Проведение данного принципа в жизнь иллюстрируется нарастающим стремлением Турции к усилению своего влияния в таких организациях,

как ООН, НАТО, ОИК; повышением внимания Анкары к ШОС и иным организациям и структурам.

Наконец, шестой принцип представляет собой конечную цель данных действий как создание нового образа Турции [28].

Таким образом, данные принципы, воплощающие в себе суть внешнеполитической доктрины современной Турции, направлены на наиболее полное использование географического положения и историко-культурного наследия Турции, с целью обеспечения ее становления в качестве регионального лидера. Иными словами, неоосманизм как основа внешней политики может быть охарактеризован как некая попытка возврата к прошлому с учетом современных политико-экономический реалий.

Особое место в этой связи уделяется решению проблем с соседними государствами, урегулированию конфликтов и укреплению стабильности в регионе, ввиду чего Турция претендует на роль посредника в решении данных проблем. Это стремление Анкары, впрочем, продиктовано не только желанием решения того или иного конфликта, но и попытками обретения нового статуса доминирующей политической силы в регионе, в первую очередь – на Кавказе и Ближнем Востоке. Так, Анкара активно участвовала в налаживании отношений между Израилем, Сирией и Палестиной, пытаясь выступить примиряющей силой во время конфликта в Южной Осетии в 2008 г., в 2010 и 2011 гг. прошли две трехсторонние балканские встречи в верхах с участием президентов Турции, Сербии, Боснии и Герцеговины [31].

Продолжается также историческое сотрудничество с гагаузами и крымскими татарами. Так, Турция развивает тесное экономическое и гуманитарное сотрудничество с Гагаузией, где имеется широкая сеть турецких учебных заведений, действуют программы по обучению гагаузских студентов в Турции. Через Гагаузию в 2010 г. Анкара предложила Молдавии свои услуги в качестве посредника в урегулировании приднестровского конфликта. При этом следует отметить, что православное вероисповедание гагаузов не являлось проблемой ни для пантюркистов, мысливших в категориях этнического родства, ни для неоосманов, для которых наличие связей с православным тюркским народом представляет особую важность, ярко демонстрируя надконфессиональный, цивилизационный характер всей турецкой внешней политики.

С целью решения вышеизложенных внешнеполитических задач правительство Турции ведет активную политику по поддержанию связей со своими соотечественниками, проживающими за

рубежом. Начиная с 1970-х годов Анкара реализует ряд проектов в культурной и образовательной сферах, финансирует строительство мечетей, открытие школ, где преподавание ведется на турецком языке.

Турция пошла навстречу своим соотечественникам, внеся поправки в Закон о гражданстве. Турецкий закон предусматривает в случае запрета двойного гражданства в принимающей стране возможность выдачи «голубой карты», позволяющей турецким мигрантам иметь равные права с гражданами Турции (ограничения касаются лишь приема на государственную службу). С 2010 г. при аппарате премьер-министра Турции работает специальное агентство по работе с турецкой диаспорой – Управление по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных народов.

ПСР делает успехи в налаживании связей со своими соотечественниками через различные объединения и ассоциации, культурно-образовательные центры, в которых туркам предоставляется возможность выучить турецкий язык, историю Турции и основы религии. Так, культурный центр Юнуса Эмре является частью более широкой сети культурных центров – проводников турецкой мягкой силы – и имеет представительства в таких странах, как Албания, Иран, Иордания, Бельгия, Грузия, Великобритания, Япония, Казахстан, Северный Кипр, Косово, Ливан, Македония, Египет, Румыния, Сирия. После получения образования в указанных учреждениях выходцы из Турции осознают свою прочную связь с родиной, однако не с Турцией – наследницей принципов Ататюрка, а с новой, умеренно-исламистской республикой.

Стратегия мягкой силы проводится Турцией в тесном сотрудничестве с тарикатами – исламскими религиозными сектами, построенными по принципу пирамиды, – путем создания школ и университетов, которые уже не раз закрывались в России и других странах, часто – в связи с обвинениями в пропаганде экстремизма. На самом же деле эти учебные организации – мягкая сила Турции, стремящейся к привлечению сильных кадров и последующему воздействию на формирование лоббистских групп, как в государственных органах, так и в крупных частных компаниях.

Наиболее влиятельными в этой сфере являются турецкая религиозная секта «Нурджулар», активность которой, в основном, распространяется на постсоветское пространство, и организация «Милли Гёрюш» («Национальный взгляд»), зарегистрированная в Германии и работающая на европейском пространстве [2]. Помимо «Милли Гёрюш» и движения Фетуллаха Гюлена, большое

количество благотворительных и бизнес-организаций Турции осуществляют свою деятельность по проведению турецкой мягкой силы и упрочению связей Турции со странами Африки, Юго-Восточной Азии, Балканскими государствами. Таким образом, современная внешнеполитическая концепция Турции, не отвергающая полностью, но частично интегрирующая пантюркистские принципы в доктрину неоосманизма, рассматривая Турцию и ее роль в регионе и мире с цивилизационно-исторической точки зрения, реализующаяся, в первую очередь, путем применения мягкой силы, обладает серьезным потенциалом в смысле становления Турции как регионального лидера.

Примечания

- 1 В нашумевшей речи, с которой У. Черчиль выступил 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете, он предложил создать объединенную Европу с целью противопоставить ее Советскому Союзу и режиму, который был установлен в освобожденных советскими войсками странах Восточной Европы [50. Р. 158].
- 2 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод является одним из самых значительных достижений Совета Европы. Подписана в Риме 4 ноября 1950 г. и вошла в силу 3 сентября 1953 г. Конвенция устанавливает неотъемлемые права и свободы для каждого и обязывает государства гарантировать эти права каждому человеку, который находится под их юрисдикцией. Главное отличие Конвенции от иных международных договоров в области прав человека – существование реально действующего механизма защиты декларируемых прав – Европейского суда по правам человека, рассматривающего индивидуальные жалобы на нарушения конвенции. Членами Конвенции являются все страны Совета Европы. Новые государства-члены обязаны подписать ее при вступлении в Совет Европы и ратифицировать в течение одного года. 18 октября 1961 г. в Риме была подписана Европейская социальная хартия – документ, дополняющий Европейскую конвенцию о защите прав человека в социальной сфере. Вступила в силу 26 февраля 1965 г. В ней излагаются 19 прав, в том числе право на забастовку и право на социальное обеспечение.
- 3 Это был период подготовки к президентским выборам, и вступление в Совет Европы рассматривалось руководством страны как международное признание правильности проводимого курса и способ определить свое место в системе постсоветских международных отношений. По мнению С. Палмера, секретаря Парламентской ассамблеи Совета Европы, это решение было инициировано частично и в интересах США, которые понимали объективную необходимость «пристроить» посткоммунистический лагерь.
- 4 «Изолированная Россия представляет собой источник угрозы европейской безопасности в целом... Отказаться принять Россию сегодня означает позволить развиваться националистическим силам, изолировать Россию – поста-

вить под угрозу нашу общую безопасность» [59. Р. 254]. «Россия стоит на пороге в ожидании приглашения войти. Если мы не пригласим ее присоединиться к Совету Европы, выдвинув, соответственно, ряд необходимых условий, очень вероятно, что Россия направит свои усилия на укрепление позиций СНГ. Следствием этого может стать нежелание какого-либо плодотворного сотрудничества в деле мира, в рамках ЗЕС или НАТО. Такая ситуация представляет большую опасность» [58. Р. 255].

⁵ В связи с принятием новых членов была усиlena деятельность в области оказания содействия странам и проведения мониторинга. Больше внимания стало уделяться тому, что происходит на местах, например, путем принятия мер по укреплению доверия или через кампании по борьбе с нетерпимостью. Появились новые приоритеты – миграция, борьба с коррупцией, право на получение гражданства, преодоление социальной отчужденности и обеспечение прав меньшинств. На смену двойному механизму по защите прав человека 1 ноября 1998 г. пришел Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

⁶ Например, в одном из интервью Луис Мария дель Пуч, характеризуя процесс расширения Совета Европы на Восток, и в частности вступление РФ в организацию, проводит тонкую грань между «real politic» и ценностными основаниями Совета Европы: «У всех стран собственный путь демократии, но есть и нечто общее: ценности. Не думаете ли вы, что с расширением СЕ на Восток возобладала “real politic” за счет некоторого размытания ценностей? – Не думаю так. Мы твердо стоим на наших принципах и ценностях. Но присутствует и “real politic”. Когда мы открыли дверь в Совет Европы всем странам континента и когда Россия подала свою заявку, пришлось считаться с тем, что страны Восточной Европы были еще очень далеки от западноевропейских стандартов в области демократии, прав человека, власти закона. Возобладало желание как можно скорее включить эти страны в нашу организацию, потому что так можно подтолкнуть, стимулировать перемены. Иногда мои коллеги критикуют поспешность приема этих стран, прежде всего России. Но лично я считаю, что все было сделано правильно, даже если порой случаются трудности. Невозможно построить демократию за два дня. Россия не имеет в своей истории действительно демократического опыта. Но мы можем оценивать не только результаты, но и усилия, предпринятые страной. Это не значит, что мы отказываемся от принципов, но я согласен, что мы все же проводим и реальную политику. Потому что нельзя быть слепым и не видеть исторического наследия» [17].

⁷ «Объективно, членство в Совете Европы дало России много плюсов: судебная реформа, проблема неисполнения национальных судов... Совет Европы прежде всего дает импульс к пониманию проблемы... Хотя, если говорить объективно, вступление России в Организацию было скорее имиджевым шагом», – отмечает Анатолий Карпенко, секретарь комиссии по соблюдению обязательств странами – членами Совета Европы.

⁸ Подробнее о перспективах российско-европейского диалога в контексте «мягкой силы» см.: [10].

⁹ Выражение «больной человек Азии», или «больной человек Восточной Азии», образовано от публицистического штампа «больной человек Европы» (англ. sick man of Europe), используемого в англоязычной традиции для обо-

значения европейского государства, находящегося на пике тяжелого экономического или политического кризиса. В разное время применялось к Турции, Великобритании, Италии, Ирландии, Португалии, Греции, России и ряду других государств.

- ¹⁰ Здесь цитата дана в переводе автора. Ху Цинътао цай Чжунго Гунъчаньдан да шици ци цюаньго дайбоядахуэй шан дэ баогао [35]. Далее цитируется официальный перевод на русский язык: [36].
- ¹¹ «Пять принципов мирного сосуществования» (или «Панча Шила»): взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. Таким образом, в формировании межгосударственных отношений социальный строй, идеология или ценностные представления не являются основными критериями. «Пять принципов мирного сосуществования» впервые были провозглашены в индийско-китайском соглашении о Тибете, подписанном в 1954 г. В 1982 г. они вошли в Конституцию Китая.
- ¹² В официальном переводе доклада Ху Цинътао, опубликованном на информационном интернет-сайте XVII съезда КПК, употребляется термина «мягкая мощь». В китайском языке для перевода самого термина «мягкая сила» существует четыре варианта: жуань шили, жуань лилян, жуань голи и жуань цоаньли. Постепенно наиболее популярным и часто употребляемым термином становится «жуань шили».
- ¹³ Попытки сделать гармонию своей «визитной карточкой» на международной арене Китай предпринимал и раньше. Так, например, в 2005 г. в преддверии 60-летнего юбилея ООН китайцы привезли в Нью-Йорк, где находится штаб-квартира организации, 600-килограммовый колокол «Гармония мира». Этот подарок был сделан из гильз артиллерийских снарядов и собранного школьниками металломолома, что «символизирует отказ от войн и стремление человечества к миру, защиту окружающей среды и жизни на Земле».
- ¹⁴ Особенно заметна активизация Китая в Африке, где он поддерживает в общей сложности 46 государств.

«Вестник РУДН. Сер. Политология»,
М., 2012 г., № 4, с. 24–30.

Н. Мамедова,
кандидат экономических наук,
Е. Дунаева,
кандидат исторических наук,
И. Федорова,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
ИРАН ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Последние выборы президента Ирана, прошедшие 14 июня 2013 г. и ставшие одиннадцатыми по счету в истории этой страны, имели огромное значение для исламской республики. Их результа-

ты можно рассматривать как поддержку иранским народом курса на изменение внешней и внутренней политики, отказ от радикализма, стремление к либерализации. Новому президенту, которым стал ходжат-оль-ислам Х. Рухани, и его команде предстоит решить сложные задачи: стабилизировать экономическую ситуацию и урегулировать внутриполитический кризис, для чего потребуется снять основные проблемы с МАГАТЭ и группой «5+1», добиться ослабления, а по возможности — снятия санкций, начать процесс восстановления отношений с Западом, предотвратить попытки изоляции ИРИ от участия в решении региональных проблем, подтвердить свой статус региональной державы, снизить напряженность суннитско-шиитского противостояния, разрешить проблемы, возникшие во взаимоотношениях с соседними государствами и др.

Накануне президентских и муниципальных выборов 2013 г. в Иране сложилась чрезвычайно напряженная ситуация, которая отразилась на ходе предвыборной борьбы, включая процедуру отбора кандидатов, а также на результатах самих выборов. Фактором, оказавшим, пожалуй, самое сильное влияние на формирование этой ситуации, в том числе и на расклад политических сил, стала социально-экономическая обстановка. В последний год пребывания у власти правительства М. Ахмадинежада наибольшей критике со стороны представителей других ветвей власти и самых разных политico-религиозных сил подвергалась экономическая политика президента. В целом эта политика не противоречила основным направлениям курса на формирование социально ориентированной рыночной экономики, который стал проводиться в жизнь с 2009 г., впервые после первой волны приватизации в начале 1990-х годов, когда была поставлена задача оставить в руках государства не более 20% собственности. Созданный Фонд справедливости, в который передавалось до 30% акционерного капитала приватизуемых предприятий, безвозмездно передавал акции семьям, потерявшим родных на войне с Ираком и имеющим доход ниже прожиточного минимума. Была разработана программа отмены субсидий, получившая одобрение международных экспертов. Реализация этой программы сопровождалась беспрецедентными в мировой практике мерами социальной защиты, на них предполагалось использовать «излишек» доходов от экспорта нефти. В частности, был создан специальный фонд за счет поступлений НДС на товары высшей ценовой категории и открыты компенсационные счета для семей, подавших заявки на помощь. Число таких семей составило 19 млн, или почти 80% населения

страны. Первоначальные выплаты составляли 90 долл. на семью, но затем они были сокращены. В бюджете на 2011 г. размер таких выплат был определен в 30 млрд долл.; в целом они позволяют компенсировать повышение цен на хлеб и топливо.

Однако ужесточающиеся международные санкции, особенно односторонние санкции США и ЕС, которые после 2011 г. приобрели характер международных, фактически поставили Иран перед угрозой глубокой экономической регрессии. Наиболее тяжелыми для страны стали санкции на закупки иранской нефти, экспорт которой обеспечивал основные поступления в бюджет, в Стабилизационный нефтяной фонд и Фонд национального развития. Так, страны ЕС сократили закупки иранской нефти более чем в три раза – с 14 млрд долл. в 2008 г. до 4,6 млрд в 2012 г.; при этом вдвое сократился экспорт в Иран машин и транспортного оборудования. Конечно, Турция, Япония, Индия, Китай и ряд других стран не прекратили, но снизили объемы закупок; часть нефти Иран, видимо, продает по ценам, более низким, чем на мировом рынке. В бюджет на текущий 2013/2014 г. заложен объем экспорта нефти, вдвое меньший среднегодового за последние 50 лет (всего 1,3 млн. баррелей в сутки). Если санкции на первом этапе смогли инициировать развитие предприятий, опирающихся на собственные ресурсы, то уже к концу 2012 г. они привели к падению ВВП и в результате – к ухудшению материального положения населения. В настоящее время можно оценить влияние санкционного режима на социально-экономическую ситуацию как решающее.

Приватизация, которая привела к повышению доли участия частного сектора в ВВП, после ужесточения санкций и вывода из страны многих иностранных компаний не смогла радикально изменить предпринимательский климат. Более того, по данным за девять месяцев 2011/2012 г., доля частного сектора в ВВП составила всего 65%, хотя к концу 2008 г. превышала 73%. Программы поддержки мелкого и среднего бизнеса еще не заработали в полную силу, хотя Центральный банк для финансирования планов развития в июне 2013 г. выделил 32 млрд долл.

Очень велик уровень коррупции, тормозящей развитие предпринимательства, не связанного с государственными структурами. По индексу восприятия коррупции за 2012 г. Иран (как и Россия) занял 133-е место из 176 стран. Конечно, уже с 2008 г. на экономическую ситуацию значительное влияние начал оказывать и мировой финансовый кризис, но это влияние выразилось лишь в некотором замедлении темпов роста. С 2000 по 2008 г. среднегодовые

темперы роста ВВП превышали 6%, в 2000–2010 гг. они составляли 5,4%, вышли на нулевой уровень в 2010 г., а по данным МВФ за апрель 2013 г., впервые за последние 20 лет стали отрицательными и снизились почти на 2% (-1,9%). По прогнозам МВФ, падение ВВП Ирана продолжится и в 2013 г. – до 1,3%, рост начнется в 2014 г., хотя до этого МВФ давал Ирану более положительные оценки. Возможно, что ослабление давления США на Китай, Японию и Индию в связи с импортом иранской нефти, о котором в США говорилось накануне выборов в Иране, улучшит ситуацию, но то, что санкции крайне осложнили положение, бесспорно. Инфляция за 2012 г. превысила 30%, за первые месяцы 2013 г. ее уровень не снизился. По данным Статистического центра Ирана, уровень безработицы составил 12,2% (на март 2013), при этом уровень безработных в группе городского населения от 15 до 24 лет – 31,4%. А это – самый «горючий» социальный слой. Второй взрывоопасный социальный слой – женщины, отличающиеся в Иране высокой политической активностью. Уровень женской безработицы – почти 29%, а в группе от 15 до 24 лет – 41,5%.

При этом, как уже говорилось, руководство страны уделяет большое внимание вопросам социальной защищенности населения, особенно повышению жизненного уровня беднейших слоев. Хорошо развита система социального обеспечения, постоянно повышается уровень минимальной заработной платы, от которой ведутся начисления по социальным выплатам. С 2000/2001 по 2010/2011 г., по данным Центрального банка Ирана, она выросла более чем в 4,5 раза (с 57 до 303 долл. в месяц). В конце 2012 г. введен налоговый иммунитет для лиц, имеющих месячный доход до 550–580 долл. Произошло качественное изменение жизни даже в самых низших группах населения – особенно среди горожан, имеющих доступ ко всем базовым коммунальным услугам. В целях воплощения принципа исламской справедливости реализуются разные программы по участию населения в различных экономических проектах. Действующая пенсионная система обеспечивает пенсионерам довольно приличный уровень жизни. Минимальная пенсия равна минимальной заработной плате, или около 70% от средней зарплаты по стране. Поддержка, оказываемая населению, осуществляется через различные исламские институты, в том числе исламские фонды и вакфы.

По разным оценкам, число только официально действующих в стране религиозных и общественных благотворительных фондов составляет около 3 тыс. Значительные средства вкладываются в

образование и здравоохранение. В 2009–2010 гг. расходы на образование составили около 5% ВВП (и почти 20% всех бюджетных расходов). Число учащихся в школах и колледжах в 2010 г. превысило 13 млн человек, в вузах свыше 4 млн кроме того, 1,5 млн человек обучаются в системе университета Азад (Свободном, или Открытом университете). Продолжительность жизни иранцев увеличилась с 58 лет в 1979 г. до 70 для мужчин и до 73 лет для женщин к 2010 г. Показатели здоровья по Ирану выше средних по региону. Индекс развития человеческого потенциала Ирана растет быстрее, чем общемировой и региональный. Отставание Ирана по ИЧР за 1990–2012 гг. сократилось почти наполовину (с 0,540 до 0,742), в результате чего Иран вошел в группу стран с высоким индексом, заняв 76-е место в рейтинге стран за 2012 г.

Однако из-за сокращения бюджетных доходов (в связи с упомянутыми санкциями на закупки иранской нефти, а также простоев предприятий, работавших на импортных комплектующих) реальные доходы населения за последние два года стали сокращаться. К этому добавились скачок инфляции, падение курса риала из-за отключения иранских банков от системы СВИФТ, что сделало социальную ситуацию крайне напряженной. Возможно, эта ситуация, как и критика экономической политики, могла бы оказаться не столь острой, если бы руководство Ирана уже в 2009–2010 гг. признало негативное влияние санкций, а не доказывало, что они только способствуют созданию самодостаточной экономики. К настоящему времени именно социально-экономическое положение можно рассматривать как решающий фактор, под влиянием которого новое руководство, очевидно, пойдет на уступки по ядерной программе, которые могут смягчить санкционный режим США и Запада в целом.

Представляется, однако, что в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе экономика страны в состоянии выдержать изоляционный режим. По уровню реального ВВП (исчисляется по паритету покупательной способности национальных валют (ППС)) Иран в 2012 г. занимал 18-е место в мире. В 2010 г. ВНД на душу населения составил по обменному курсу 4520 долл., по ППС (паритетам покупательной способности) – 11 500 долл. Народное хозяйство способно обеспечить пусть не высокий, но жизнеспособный уровень потребления. А идеологическое противостояние внешнему врагу, который лишает Иран его законного права на развитие ядерной энергетики, весьма велико. Ни одна из полити-

ческих организаций, включая оппозиционные партии, не ставит под сомнение курс на развитие ядерной программы.

Тем не менее иранское общество под влиянием экономических трудностей (особенно после подъема, связанного с ростом цен на энергоносители в середине 2000-х годов) настроено на перемены, в том числе в области социально-экономической политики. Дальнейшее развитие иранской экономики, особенно ее сырьевых отраслей, базирующихся на крупных запасах нефти (5-е место в мире) и газа (в 2013 г. – 1-е место), во многом зависит от отношений с миром, от взаимосвязей с экономиками стран, не только импортирующих энергоресурсы, но и экспортующих передовые технологии.

Несмотря на приватизацию и реформу субсидий, процесс экономической либерализации заторможен. Государство сохранило решающие позиции в экономике, значительное место в ней по-прежнему занимают исламские фонды. За время нахождения у власти команды Ахмадинежада укрепились экономические позиции Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Как ни парадоксально, но именно санкционный режим, запустивший процесс милитаризации экономики, и выход иностранных компаний из крупномасштабных проектов, во многом способствовали тому, что их место стали занимать компании КСИР. Финансовое положение последних укрепилось за счет выполнения государственных заказов и приобретения значительных активов в процессе ускоренной приватизации. Правительство постаралось придать последней черты «демократического распределения» государственной собственности, выпустив так называемые акции справедливости, обеспеченные доходами от приватизируемых предприятий. Однако в целом приватизация укрепила позиции крупной бюрократической прослойки, исламских фондов, КСИР, усилила клановый характер социально-экономической структуры страны, которая, в отличие от других восточных стран, в значительной мере основана на принадлежности не к роду, а к религиозной школе, религиозной группировке. Это отрицательно влияет на условия развития бизнеса, на создание современной конкурентоспособной экономики.

Достигнутый уровень экономического развития, повышение качества жизни и образования, появление среднего класса сделали весьма актуальной для современного Ирана проблему дальнейшей либерализации экономических условий ведения бизнеса и демократизации политической жизни. Накопившийся за последние пять лет потенциал недовольства высок, хотя массовых открытых

выступлений после 2009 г. (в том числе национальных движений) не было. В условиях, когда ограничена деятельность партий и даже религиозных группировок, недовольство находит проявление в СМИ, на бытовом уровне, особенно в настроении базара, который до сих пор остается определенным барометром политических настроений общества. Своеобразным индикатором недовольства обстановкой в стране является отток молодежи в зарубежные школы и вузы, в том числе детей государственных лидеров, членов меджлиса, о чем нередко сообщается в иранской печати.

При дальнейшем ухудшении экономической ситуации можно прогнозировать возникновение массовых волнений. И это вполне возможно, тем более что только за одну неделю до выборов администрация США ввела в действие целый пакет новых санкций против Ирана. Однако вероятность смены самого режима в результате усиления санкционного режима остается невысокой. Потенциал исламской государственности в глазах почти всех слоев населения Ирана сохраняется высоким, поэтому наиболее вероятен выход из тяжелой экономической ситуации и экономической изоляции путем корректировки внешнеполитического курса для смягчения санкционного режима, особенно со стороны США и ЕС. Победа на выборах Хасана Рухани, отличающегося прагматическим подходом к решению насущных проблем страны, не имеющего конфронтационных отношений с основными центрами государственной власти, повысила шансы для реализации такого сценария.

Ход предвыборной борьбы и результаты выборов значительно изменили расклад сил на внутриполитической арене. На протяжении последних восьми лет основные рычаги власти оказались в руках правых консерваторов, что привело к доминированию консервативно-радикальной линии во внутренней и внешней политике. Наблюдалось полное вытеснение либерально настроенной части политического класса из государственных органов при ограничении влияния умеренно настроенных консерваторов и прагматиков. Это привело к расслоению внутри консервативного лагеря, выделению новых идеологических течений и появлению новых элит.

Исламские радикалы завоевали прочные позиции в Наблюдательном совете, Обществе преподавателей Кумского теологического центра и составляют значимую часть среди членов Совета экспертов, объединения пятничных имамов и среди представителей духовного лидера в государственных структурах. КСИР и ба-

сидж находятся под их преимущественным влиянием. Летом 2011 г., в преддверии предстоящих выборных кампаний (парламентской и президентской), радикалы создали коалицию «Фронт Верности исламской революции» (Пайдари), духовным наставником которого считается аятолла Месбах Йазди, и выступили на выборах отдельно от консервативного лагеря. Это объединение не едино, а подразделяется на два течения: первое допускает возможность поддержки М. Ахмадинежада, второе резко критикует его действия. Хотя сторонники радикальной линии и проиграли выборы (их кандидатом был Саид Джалили) и признали их результаты, однако они заявили о стремлении вновь бороться за власть через четыре года. Основные опасения у правого крыла в настоящий момент вызывает готовность Рухани пойти на уступки Западу, что может привести к изменению экономической политики. Очевидно, именно эта группировка и будет оказывать основное противодействие любым изменениям политического курса страны.

Консерваторы-радикалы привели в 2005 г. к власти М. Ахмадинежада, но сейчас рассматривают его ближайшее окружение как «уклонистов». Это объясняется политикой самого Ахмадинежада, особенно четко проявившейся в ходе его второго срока (2009–2013), когда произошел отход от позиций исламского радикализма, был сделан больший акцент на националистические идеи, нежели на исламскую составляющую, проявилось стремление ограничить власть и влияние первого поколения революционеров, несколько отодвинуть от власти духовенство, создать новую политическую и бизнес-элиту, а также намерением президента расширить свои права как главы исполнительной власти, ограничив контроль со стороны меджлиса и других властных структур (в числе последних – Наблюдательный совет и Совет по целесообразности принимаемых решений), и кроме того, сократить влияние религиозных организаций на выработку политических решений.

Пропрезидентские силы позиционировали себя на выборах как самостоятельное течение, вышедшее за пределы традиционного соперничества консерваторов и реформаторов. Их попытки укрепиться в меджлисе и местных советах, а также принять участие в президентских выборах закончились провалом. Кандидат от этой группы Р. Машай был снят с президентских выборов Наблюдательным советом. Ахмадинежад трижды обращался к духовному лидеру (рахбару) Исламской Республики Иран (ИРИ) аятолле Хаменеи с просьбой своим указом восстановить Машай, но не нашел у него поддержки. Надо полагать, что Ахмадинежад, который су-

мел получить лицензию на открытие технологического университета, не ограничится только преподаванием, а постарается закрепиться на политической арене. Однако пока у него нет прочной основы для дальнейшей политической деятельности. Вполне вероятно, что его сторонники, используя новое учебное заведение как центр мобилизации своих сил, попытаются создать движение для распространения своей идеологии и дальнейшего участия в парламентских и муниципальных выборах. Пропрезидентские силы выражают готовность сотрудничать с Х. Рухани, о чем заявил в своем письме к нему идеолог этого направления Абдоль-реза Давари.

Исламским радикалам противостоят консерваторы – традиционисты и прагматики, контролирующие законодательную власть. Им удалось утвердить свое определяющее влияние в меджлисе в 2012 г. Судебная власть, во главе которой стоит аятолла Амоли Лариджани, также контролируется консерваторами умеренного спектра. В списке допущенных к выборам этот политический спектр был представлен тремя кандидатами – А.А. Велаяти, М.Б. Галибаф и Г.А. Ходад Адель. Близок им по политическим взглядам и участвовавший в выборах М. Резаи, позиционирующий себя как независимый. В конечном итоге, именно это обилие кандидатов и стало причиной поражения консервативного лагеря. После выборов практически все объединения умеренно консервативной направленности, в том числе и известная политическая организация «Общество борющегося духовенства», а также ряд великих аятолл выразили доверие Х. Рухани. Готовность к взаимодействию с ним продемонстрировал и спикер меджлиса А. Лариджани. В ИРИ доверие законодательной власти – важный фактор успеха президентской деятельности. В частности, именно позиция меджлиса предопределила отклонение в 2004 г. Дополнительного протокола к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), о присоединении к которому заявило правительство М. Хатами. С 2008 г. депутаты отвергали практически любые предложения Ахмадинежада, что и стало причиной острого противостояния исполнительной и законодательной власти и привело к внутриполитическому кризису.

Реформаторский лагерь, хотя и считает себя победителем выборов, ослаблен, разобщен, и в нем пока не изжиты последствия политического кризиса 2009 г. Наиболее радикальные его элементы рассматриваются официальной властью как мятежники, и у части общества понятие «реформаторство» ассоциируется с анти-

государственной и антиисламской деятельностью. Однако умеренные силы этого лагеря, во главе которых стояла религиозно-политическая организация «Ассоциация борющегося духовенства», всегда действовали в рамках Конституции ИРИ и выступали за упрочение исламской республики. После событий 2009 г. умеренные реформаторы, пройдя через репрессии, закрытие партий и печатных органов, отмежевались от оппозиции за рубежом, подтвердили свою верность Хаменеи и исламскому режиму и сумели восстановить свои позиции.

Участие в выборах – первый выход реформаторов на политическую арену после протестных акций, охвативших страну после предыдущих президентских выборов. Принимая участие в этой кампании, реформаторы призывали к развитию демократических институтов и проведению политических либеральных реформ в рамках исламского строя, т.е. при сохранении сильной религиозной составляющей. Они выступают за расширение возможностей для развития частного предпринимательства, дальнейшую либерализацию экономической жизни, нормализацию отношений с Западом и региональными центрами. Осознавая необходимость снятия международных санкций путем активизации переговорного процесса с группой «5+1», эти силы не поднимают вопроса о приостановке развития ядерной программы и не выражают готовность идти на значительные уступки в этой области. Эта группа реформаторов, лидером которых продолжает оставаться М. Хатами, и выдвинула своего кандидата М.Р. Арефа, в последние дни перед выборами решила в тактических целях поддержать Х. Рухани. С ним она связывает возможность своего возвращения на политическую арену и участия в государственных структурах. Более радикальные течения либерального лагеря, которые представляют партия «Партнерство» и «Моджахеды исламской революции», до решения вопроса о снятии ареста с М.Х. Мусави и М. Кяруби, стоявших во главе протестных акций лета и осени 2009 г., не будут вовлечены в объединительные процессы; как косвенно заявил Рухани, снятие всех обвинений с руководителей протестных акций – дело не ближайшей перспективы.

Свое укрепление реформаторский лагерь связывает с возвращением к активной политической деятельности А.А. Хашеми Рафсанджани. С 2009 г. этот крупнейший политический и религиозный деятель находился в изоляции и был вынужден покинуть пост председателя Совета экспертов. Правые радикалы прилагали активные усилия, чтобы устраниТЬ эту фигуру с политического

Олимпа. Однако Хашеми Рафсанджани, хотя внешне и отошел от политической деятельности, находясь за кулисами, сумел подготовить возвращение в политику либеральных сил и сыграть значимую роль в ходе предвыборной кампании. Нового президента можно считать его последователем, который выражает готовность привлечь все политические силы страны к сотрудничеству и создать правительство народного единства – эту идею выдвинул Хашеми Рафсанджани. Избранный президентом Хасан Рухани, будучи близок к реформаторскому лагерю, тем не менее не является его представителем. Он одержал победу на выборах, баллотируясь как независимый кандидат, напрямую не связанный ни с одним политическим лагерем. Его цель – восстановить баланс на политической сцене, положить конец как правому, так и левому радикализму в политике страны, укрепить взаимодействие властей. Основной лозунг нового президента – умеренность.

Результаты выборов позволяют говорить о возможности появления центристского течения, в котором объединятся умеренные либералы и прагматики из консервативного лагеря, понимающие необходимость преобразований; не исключено, что оно может стать ведущей политической силой. Итоги выборов в местные советы, которые проходили вместе с президентскими, также свидетельствуют о победе умеренных, выступающих за отход от исламско-радикального курса во внутренней и внешней политике. Иранское общество ждет не только реформ в экономической сфере, но и преобразований, направленных на либерализацию внутриполитической и общественной жизни. Х. Рухани, будучи представителем высшего духовенства, говорит о необходимости соблюдения конституции, реализации в полном объеме прав и свобод граждан (в том числе – принципа равноправия мужчин и женщин), снятия ограничений с деятельности СМИ, активизации институтов гражданского общества, но в рамках исламского строя. Он готов идти по этому пути, осознавая, что любые преобразования в социально-политической сфере должны осуществляться постепенно, осторожно, взвешенно, сообразовываться с существующими структурами власти и Конституцией страны, а также учитывать потребности разных социальных слоев. Духовный лидер ИРИ аятолла Хаменеи, который контролирует все механизмы управления страной, демонстрирует поддержку новому президенту.

Характеризуя ситуацию, которая сложилась в отношениях ИРИ с внешним миром, Х. Рухани назвал ее недопустимой и под-

верг жесткой критике непрофессиональную, «агрессивную» политику М. Ахмадинежада. Как он полагает, его предшественник слишком поздно понял отрицательный эффект экономических санкций, в результате чего резко ухудшилось экономическое и стратегическое положение Ирана в мире и особенно в регионе. Такая же точка зрения характерна и для других кандидатов в президенты Ирана: А. Велаяти – бывшего министра иностранных дел и советника верховного правителя по международным делам, М. Резаи – секретаря Совета по целесообразности, С. Гарази – экс-министра почты и телеграфа. Широкое обсуждение внешней политики Ирана во время предвыборной кампании говорит об актуальности внешнеполитических проблем для иранского общества. В противовес Ахмадинежаду, Рухани выдвигает тезис о «конструктивном взаимодействии» с мировым сообществом, целью которого является обеспечение национальных интересов путем укрепления мер доверия и разрядки. Но что стоит за этими словами?

Внешняя политика ИРИ имеет идеологическую основу, а стратегию определяет духовный лидер – аятолла Хаменеи. Поэтому ждать кардинальных изменений без смены идеологической основы режима, что во многом равнозначно смене самого режима, не приходится. В то же время корректировка внешнеполитической парадигмы вполне реальна. В первую очередь это касается позиции ИРИ по ядерному досье с целью ослабления санкций. На переговорах с «шестеркой» Иран готов, по словам Х. Рухани, проявить большую открытость. На наш взгляд, это может заключаться в разрешении инспекций на военном объекте Парчин, расположенному в 30 км к юго-востоку от Тегерана; придании фетвам о запрете на разработку, хранение и применение ядерного оружия статуса юридически обязывающих документов, формат которых принят международным сообществом; согласии на некоторое снижение уровня обогащения урана и возвращении к обсуждению Дополнительного протокола к ДНЯО. Аятолла Хаменеи может одобрить смягчение позиции Ирана по ядерной проблеме – как он это делал в 2003 г. во время переговоров Тегерана с Германией, Великобританией и Францией. Однако Х. Рухани подчеркивает, что ситуация по сравнению с 2003 г. изменилась, и Иран не намерен прекращать обогащение урана, поскольку обладает неотъемлемым правом на его использование в мирных целях.

Вторым по значимости изменением могут стать прямые переговоры с США. «Старые раны необходимо залечить», – подчеркивал Х. Рухани, выступая на своей первой пресс-конференции

после избрания. Озвучил он и условия начала этих переговоров. Вашингтон, по его словам, должен подтвердить пункт 1 Алжирского соглашения 1981 г. о недопустимости вмешательства США во внутренние дела Ирана, признать за Ираном право на обогащение урана, отказаться от военных угроз Ирану. Вероятность таких переговоров достаточно велика в связи с тем, что верховный правитель Ирана впервые за 30 лет заявил в своей речи по случаю Ноуруза, что не будет препятствовать их началу. Стоит отметить, что в феврале 2013 г., после заявления вице-президента США Джо Байдена на Мюнхенской конференции по разоружению о желании Белого дома начать переговоры с Тегераном, М. Ахмадинежад неоднократно говорил о своей готовности выступить партнером США на переговорах. Очевидно, в преддверии окончания президентского срока он стремился таким образом повысить свой авторитет внутри страны и за рубежом и войти в историю иранской внешней политики не только со своими агрессивными заявлениями. Однако аятолла Хаменеи не дал уходящему президенту окончательного согласия на переговоры. Затягивание переговорного процесса, с одной стороны, объяснялось нежеланием духовного лидера предоставить Ахмадинежаду лавры миротворца. С другой стороны, учитывая характер отношений между ним и президентом, рахбар, по-видимому, опасался, что процесс может выйти из-под его контроля. Сейчас же духовный лидер скорее всего готов использовать приход нового президента как повод начать корректировку внешнеполитического курса Ирана.

Необходимо отметить, что контакты между Тегераном и Вашингтоном осуществлялись и раньше. Например, в 2007 г. они проходили в Багдаде и касались вопросов безопасности в связи с ситуацией в Ираке. Успешные прямые переговоры с США могут открыть ИРИ новые возможности и, безусловно, будут более выгодны Ирану, чем переговоры в формате «5+1». Это объясняется тем, что самые жесткие экономические и финансовые санкции против Ирана были приняты именно США или под их непосредственным давлением. Соответственно, они могут быть отменены только президентом Б. Обамой. При этом переговорный процесс в формате «5+1» имеет свою динамику, и их новый раунд может состояться вскоре после вступления Х. Рухани в должность в августе 2013 г, тогда как прямые переговоры с США с целью восстановления отношений надо начинать практически с нуля, поэтому они стали бы следующим шагом, договоренность о котором может быть достигнута в кулуарах переговоров «5+1».

Представляется, что Тегеран заинтересован в переговорном процессе и будет активно принимать в нем участие как на полях «5+1», так и в прямом двустороннем диалоге с США.

Во-первых, ведение переговоров ради продолжения самого переговорного процесса дают Тегерану возможность выиграть время для решения внутренних проблем.

Во-вторых, они показывают мировому сообществу и населению Ирана готовность к решению спорных вопросов мирными методами и исправляют образ страны.

В-третьих, в случае успеха будет достигнуто смягчение режима санкций. На наш взгляд, переговоры скорее всего затянутся надолго, а компромиссы, на которые пойдет Иран, будут носить временный характер, поскольку, по словам Х. Рухани, «враждебное отношение Запада к Ирану не прекратится, пока страна не достигнет экономической, политической и технологической мощи, которая заставит Запад установить равные и справедливые отношения с Ираном».

В своих предвыборных заявлениях Рухани подчеркивает, что готов к взаимодействию со всем миром, за исключением Израиля. Он осуждает пропагандистскую риторику Ахмадинежада, которая восстановила против Тегерана весь мир и заставила воспринимать Иран как угрозу безопасности. С его приходом, очевидно, не будет больше провокационных заявлений о невозможности существования Государства Израиль на карте мира. Уйдет в прошлое отрицание Холокоста, которое, по словам Х. Рухани, объединило врагов Ирана и восстановило против него мировое сообщество. Однако в целом стратегия Тегерана в отношении этой страны не претерпит изменений, поскольку является одним из идеологических столпов режима Исламской Республики Иран. Сирийский вектор политики Ирана также вряд ли изменит свое направление. Военный конфликт в этой стране постепенно превращается в опосредованную войну между Ираном и его шиитскими союзниками – с одной стороны, и коалицией суннитских государств во главе с Саудовской Аравией и Катаром – с другой. В случае ухода Б. Асада, Иран потеряет ключевых союзников в Сирии, с которыми он связан не только политически, но и идеологически. Иранские позиции на Ближнем Востоке пострадают, он окажется отброшенным от границ с Палестиной, Ливаном и отрезанным от своего главного союзника – «Хезболлы». Ослабнет сопротивление политике Израиля в регионе.

Вместе с тем в результате санкций может сократиться финансовая поддержка президента Б. Асада, размер которой, по разным оценкам, достиг уже 13–15 млрд долл. Только в конце мая 2013 г. Иран предоставил Сирии помочь по двум кредитным линиям на общую сумму в 4 млрд долл.: одна кредитная линия, на 1 млрд долл., выделена для финансирования им импорта товаров народного потребления, тогда как другая, на 3 млрд долл., предназначалась для импорта нефти и нефтепродуктов. Для иранской экономики, находящейся под давлением международных экономических и финансовых санкций, столь обильная помощь является несильным бременем. Тем не менее, на наш взгляд, установка на то, что сирийский конфликт должен быть разрешен без иностранного вмешательства, а президент САР имеет право доработать до конца своего срока (до мая 2014 г.), не изменится.

Такое развитие событий объясняется тем, что позицию ИРИ в этом вопросе определяет не президент, а прежде всего рахбар и подчиненный ему КСИР. Х. Рухани неоднократно заявлял, что приоритетом внешней политики будут тесные и дружеские отношения с мусульманскими странами, и в первую очередь со странами региона, основанные на взаимном уважении и взаимных интересах. В ответ на поздравления, полученные в связи с избранием на пост президента, он подчеркивал необходимость при выстраивании отношений этих стран с Ираном концентрировать внимание на существующих разногласиях, на точках соприкосновения в поиске решения двусторонних проблем, в связи с этим можно привести параллели между его подходом к решению региональных проблем и подходом премьер-министра Турции Т. Эрдогана, провозгласившего «ноль проблем с соседями» важнейшим принципом своей внешней политики. Хотя, как показывают события, конкретная парадигма внешнеполитических действий может кардинально отличаться от заявленных принципов, что наглядно проявилось в политике Турции во время гражданской войны в Сирии.

Особое место в мусульманском мире, по мнению Х. Рухани, занимают страны Персидского залива, и в первую очередь Саудовская Аравия и Катар, поскольку обострение противоречий с ними, по его словам, способствует углублению противоречий между шиитами и суннитами, подрывает силу и единство исламского мира. В контексте стремления преодолеть противоречия между названными странами и Ираном можно рассматривать и визит иранского министра иностранных дел Али Акбара Салехи 29 июня 2013 г. в Катар для встречи с новым эмиром – шейхом Тамимом

бин Хамад Аль-Танихи. Представитель ИРИ высказался за просмотр характера двусторонних отношений между Тегераном и Дохой и обратил внимание на необходимость разрешения сирийского кризиса без иностранного вмешательства, путем общенациональных переговоров, при сохранении суверенитета и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики. Это говорит о том, что Иран ищет пути сближения с арабскими странами по вопросам ирано-арабских отношений.

Говоря о российско-иранских отношениях после своего избрания, Х. Рухани подчеркивает их стратегический характер и желание в дальнейшем развивать и углублять экономическое, торговое и культурное сотрудничество обеих стран. При этом стоит обратить внимание и на его предвыборные заявления, которые несколько противоречат по своей тональности последним высказываниям избранного президента. В интервью накануне выборов Х. Рухани характеризовал внешнеполитический курс России как политику «двойных стандартов», в которой Иран используется в качестве разменной монеты в отношениях с Западом. В связи с этим представляется, что отношение Тегерана к Москве будет носить в основном осторожный, прагматический характер. Однако такой подход отнюдь не означает прекращения сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес, число которых достаточно велико, – от общей позиции по ряду международных и региональных проблем до сферы безопасности и борьбы с организованной преступностью, и наконец, от торгово-экономических отношений до межкультурного диалога. При этом политика ИРИ в отношении стран Центрально-Азиатского региона в целом и стран СНГ в частности вряд ли претерпит существенные изменения и окажет значительное влияние на российско-иранские отношения.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что процесс ухода М. Ахмадинежада и прихода Х. Рухани, которого многие называют «шайхом-дипломатом», разрядит обстановку вокруг внешней политики Ирана. Однако кардинальные изменения вряд ли возможны, поскольку новый президент никогда не выступал против идеалов исламской революции, принципа «велаят-е факих» и сам является частью исламского режима. Иран по-прежнему будет оставаться в центре ближневосточных событий, сохранит статус очага притяжения шиитов и претендента на ведущую роль в регионе. Реальные изменения во внешней политике могут произойти под воздействием режима экономических и финансовых санкций, который приведет к экономическому кризису такого масштаба, что

изменение внешнеполитического курса станет неизбежным. Критическое влияние могут оказать и усиление регионализации сирийского конфликта, падение режима Х. Асада и военный вариант решения иранской ядерной проблемы.

«Свободная мысль», М., 2013 г., № 5, с. 49–62.

Р. Ланда,

доктор исторических наук (ИВ РАН)

ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

«АРАБСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕСНЫ»

«Арабская политическая весна», на которую столько надежд возлагали в начале 2011 г., вылилась в конечном итоге в кровавую драму, погубившую многие революционные социальные завоевания арабов в XX в. Разгромлена и практически перестала существовать как самостоятельное государство Ливия. Исламисты захватили власть и пытаются навязать свое решение всех проблем в Египте, Йемене и Тунисе. Они бросили открытый вызов правительству Сирии, развязав в этой стране кровопролитную и разрушительную гражданскую войну с целью превратить это древнейшее арабское государство в некое подобие того, во что они уже превратили Ливию.

В Сирии сейчас воюют примерно 100 тыс. боевиков (в том числе 15 тыс. прибывших из 27 стран мира). По данным президента Сирии Башара Асада, ежедневно гибнут 70–100 иностранных боевиков, но на их место прибывают все новые и новые. Только по одному этому показателю можно понять, что «дело» поставлено на широкую ногу и хорошо финансируется. Ежемесячно страну покидают до 8 тыс. человек, и общее их количество, по данным ООН, достигло 1 млн человек¹. События в Сирии, несомненно, влияют и на происходящее в соседних странах – Ираке, Ливане, Иордании. И поэтому неудивительно, что из этих стран наблюдается приток исламских боевиков в Сирию. Сирийский вопрос становится столь же важной составляющей ближневосточного кризиса, как и палестинская проблема.

Недавно наш ведущий эксперт по Арабскому Востоку Г.И. Мирский в самых резких выражениях обличал тех, кто подозревает, что «арабскую весну» спланировали сами американцы. Этого никто точно не знает. Пока... Но главное возражение против этого предположения, согласно Г.И. Мирскому, заключается в

том, что США стремятся прежде всего обеспечить интересы Израиля и Саудовской Аравии и неизменно следуют незыблемому курсу на поддержание именно этих двух краеугольных камней ближневосточной политики США².

Во-первых, и между союзниками бывают разногласия и трения, что и наблюдается между США и Израилем последние годы.

Во-вторых, не всегда удается реализовать, тем более – полностью то, что было вроде бы идеально рассчитано на компьютере или на бумаге.

В-третьих, интересы Саудовской Аравии и Израиля далеко не совпадают.

И то, что происходит ныне на Арабском Востоке, беспокоя и даже нервируя иногда Израиль, полностью устраивает Саудовскую Аравию. Более того, о ее причастности к организации таких важнейших событий «арабской весны», как разгром Ливии и интервенция в Сирии, говорят совершенно открыто. Так что, может быть, действительно не США «придумали» и назвали «арабской весной» события 2011–2013 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а Саудовская Аравия вместе с Катаром (их так и прозвали в нашей прессе – «ваххабитский тандем») фактически их возглавили в качестве спонсоров, идейных вдохновителей и политически заинтересованных покровителей? Но вряд ли тандем не согласовал свои планы с США.

С самого начала событий в арабском мире их назвали «революциями», и во всем мире радовались им. В дальнейшем их идеализация лишь прогрессировала. Заговорили об «арабской политической весне» и о «движении нового типа – революции образованной молодежи»³. И основания так думать были, особенно в Египте и Тунисе, где было много молодежи, учившейся в университетах Европы и Америки, грезившей о подлинной демократии и уставшей от авторитаризма, прикрывавшегося фиговым листком формальной демократии. Первые успехи «арабской весны» были связаны поэтому с «образованной молодежью», что несколько дезориентировало общественное мнение во всем мире, завуалировав подлинную суть событий. Но кое-какие сомнения в истинной подоплеке молодежных «революций» также имели место.

Удивила практическая одновременность массовых выступлений почти во всем арабском мире, за исключением аравийских монархий. Впрочем, на Бахрейне «арабская политическая весна» выразилась в марте 2011 г. в очередной вспышке недовольства шиитов бахарна, составляющих около 60% населения, правлением

династии аль-Халифа, которую поддерживают сунниты азана (около 25% жителей). С помощью саудовских войск эти волнения были подавлены, но в ноябре 2011 г. вновь возобновились, на этот раз – при участии местных иранцев (15% населения). Реально этноконфессиональный кризис на Бахрейне не прекращается с конца XVIII в., т.е. с момента прихода аль-Халифа к власти⁴. А в 2011 г. он обозначил существенный аспект будущего развития событий: противостояние суннитов и шиитов, во многом маскирующее скрытое противоборство Ирана и арабских монархий Персидского залива в geopolитическом, экономическом, идеологическом и религиозно-национальном отношении.

В дальнейшем это обстоятельство объяснило более чем активную роль арабских монархий Залива в разжигании кризиса, его спонсировании, стимулировании и ориентации. Однако на первых порах никому в голову не приходило сомневаться в действительно революционном характере «арабской весны», связывая его, например, с такими всемирными явлениями, как глобализация (не только в ее экономическом, но также в социокультурном и цивилизационном выражении, в том числе – в воздействии новейших социально-сетевых технологий на политическую жизнь арабов, ибо направляющая, «объясняющая» и ориентирующая роль этих технологий, особенно в Египте и Тунисе, была весьма заметна). Кто-то считал это «уроками демократии», а кто-то рассматривал это как вмешательство во внутренние дела, своего рода глобализм, т.е. своекорыстное подчинение процессов глобализации интересам США и их ближайших союзников⁵. По мере развития событий выявлялась их подоплека, и становилось ясно, что «арабская весна» у нас на глазах становится скорее политической зимой. В чем же было дело?

Освободительные революции в Египте в июле 1952 г., в Алжире в ноябре 1954 – июне 1962 гг., в Ираке в июле 1958 г., в Йемене в 1962 г., в Ливии и Судане в 1969 г. дали этим странам политическую независимость, причем реальную, а не формальную, создав условия для радикальных перемен в жизни общества, в развитии экономики и культуры. Их общей чертой была ведущая роль армии, вернее прогрессивно настроенного офицерства. Например, в Египте революцию совершило тайное общество «свободных офицеров», в которое входили около 10% офицеров Египта того времени⁶. Среди этих офицеров преобладали выходцы из военных, служащих, средних слоев и крестьян. Поэтому они и пришли, как писал их лидер и идеолог Гамаль Абд ан-Насер, к «революции,

исходящей из самого сердца народа и исполненной его устремлениями»⁷.

Такие же общества «свободных офицеров» возникли повсюду в арабском мире, и в ряде стран (в Ираке, Ливии, Иордании) сыграли заметную роль. Тогда же, в 1950–1960-е годы, на политическую арену вышло новое поколение арабских руководителей – Хабиб Бургиба в Тунисе, Ахмед Бен Белла и Хуари Бумедьен в Алжире, Муаммар Каддафи в Ливии, Абд аль-Керим Касем в Ираке, Хафез Асад в Сирии. Это были люди разного темперамента и политических талантов, нередко конфликтовавшие друг с другом, но у них было и много общего: верность идеи реальной независимости своих стран, понимание необходимости преобразований в экономической и социальной сферах, идеологическая опора на тот или иной вариант светского национализма (что и объясняет последовательную борьбу Насера, Бургибы, Каддафи с радикальными исламистами) и, что важно, антимонархизм. Правители арабских монархий после свержения короля в Египте в 1953 г., уничтожения власти бея в Тунисе в 1957 г., королевской власти в Ираке в 1958 г., в Йемене в 1962 г., в Ливии в 1969 г. не могли чувствовать себя спокойно.

Постоянная угроза со стороны светских националистов и военных революционеров стала как бы дамокловым мечом, нависшим не только над колониальными державами Запада, терявшими в арабском мире свои позиции (стоит назвать лишь Суэцкий канал, нефть и газ Ирака, Алжира, Ливии), но и над сохранившимися еще арабскими монархиями, особенно Саудовской Аравией, бывшей главным противником Египта после 1953 г. В дальнейшем саудовцы, как и прочие аравийские монархии, после замены Насера перешедшим на прозападные позиции Анваром Садатом, стали опасаться баасистов Ирака и Сирии с их харизматичными лидерами Хафезом Асадом и особенно Саддамом Хусейном, а также лозунгом «Единство, социализм, свобода». Кроме того, и Запад, и монархии буквально не находили себе места, наблюдая, как светские республиканские режимы, некоторые (в Египте, Ираке, Сирии, Ливии, Алжире) – даже с социалистическими программами, получали с середины 1950-х и до середины 1980-х годов экономическую, техническую, финансовую, культурную и военную помощь от СССР и других стран социализма, которая, при всей ее кратковременности и недостаточности, все же сыграла определенную роль в становлении и укреплении защитников наследия Насера на Арабском Востоке.

Но крах СССР и всего лагеря социализма ухудшил не только экономическое, но и геополитическое положение всех независимых стран Востока, включая арабские. Ускорившиеся и усложнившиеся процессы глобализации неумолимо втягивали арабские страны в орбиту всестороннего воздействия на них Запада по линиям международной торговли, регулирования механизмов экспорта-импорта, навязывания западных стандартов во всем – от принципов морали до формы одежды, в сфере науки, культуры, техники, искусства. В сочетании с ранее проведенными реформами это имело не только негативные, но и позитивные последствия, дав стимул модернизации и индустриализации, развитию агросфера, повышению грамотности и профессиональной квалификации населения, количественному и качественному росту средних и промежуточных слоев, особенно интеллигенции, госслужащих, студенчества, офицерства, технических и иных специалистов. Но не стоит забывать о глубокой противоречивости глобализации и ее не только позитивных, но и негативных аспектах. Всемирный характер экономических, технологических, культурных и прочих связей, опутывающих «глобализируемый» социум, их цепкость и неизбежность переживаются им крайне болезненно, так как ведут в большинстве случаев к ломке его структур, перестройке (подчас осуществляющей поспешно и грубо, без учета местной специфики) общественных механизмов и связей между людьми. Поэтому почти всюду, на Арабском Востоке – в первую очередь, следствием этого являются рост обнищания не успевающих приспособиться к «накату» глобализации традиционных мелких (а иногда и крупных) производителей города и деревни, ускорение темпов их разорения и превращения в социальных маргиналов. Более половины из них навсегда остаются в этом качестве, образуя постоянно растущий и социально взрывоопасный компонент общества. Кое-где его доля равна 35–40% самодеятельного населения⁸.

В результате в арабском мире за последние десятилетия к традиционным классовым, этническим, конфессиональным, региональным и другим противоречиям добавились противоречия между «модернизированными» (относительно зажиточными) и отсталыми (как правило, неимущими) группами. Социальная пестрота увеличила сложность и неоднородность, идейную и духовную гетерогенность арабского общества. Оно уже не было так сплочено идеями национализма и независимости, как в 50–70-е годы, т.е. во времена «эпохи Насера». Не способствовало этому и состояние

экономики большинства арабских стран (за исключением добывающих нефть и газ).

Правящие националисты и светские республиканцы не могли кардинально решить проблемы своих государств ввиду того, что не имели в своем распоряжении ни развитой инфраструктуры, ни новейших технологий, ни необходимых капиталов (за исключением нефтедобывающих стран). За всем этим надо было обращаться либо к Западу, либо к богатым монархиям Залива. К тому же возникал соблазн решать все вопросы привычными силовыми методами, «подстегиванием» хозяйственных механизмов, наращиванием эксплуатации армии наемного труда. Порожденное всем этим стремление преодолеть барьеры экономического строительства и социополитического развития обычными для Востока авторитарными методами множило военно-бюрократические и диктаторские режимы в арабском мире. Постепенно формируясь, они меняли облик своих стран, опираясь на армию, чиновничество, полицию, буржуазию (обычно – не предпринимательскую, а бюрократическую, спекулятивную, компрадорскую). Все эти социальные группы нередко сливались в единый эксплуататорский слой, присваивавший себе свыше 80–90% национального дохода. Этот слой, как правило, уже не был настроен антимонархически. Более того, он начал возникать и в монархиях, где в него прочно вросла прослойка «феодально-бюрократического капитала» (ФБК), т.е. сотен (а кое-где и тысяч) семейств знати, одновременно контролирующих через своих выдвиженцев верхние эшелоны власти, наиболее доходные сферы бизнеса, элиту армии и духовенства⁹. Сплоченные в средневековые кланы, чей авторитет освящен древними обычаями и традициями, они нередко демонстрируют финансовое, военное и прочее влияние и за пределами своих стран, что можно наблюдать на примере Саудовской Аравии, Марокко, Иордании, Катара и соседних с ним эмирятов. Гигантский рост доходов от нефти и газа, как и укрепление позиций на рынках Запада, привел к небывалому ранее росту их финансового, да и политического могущества. События 2011 г. в Ливии и Сирии и неожиданно активная роль в них ряда аравийских монархий напомнили об этом более чем наглядно.

Любой социум у арабов всегда отличался ярко выраженными формами социального неравенства. И практически во все исторические эпохи это вызывало бунты, восстания, острые конфликты и столкновения привилегированных групп с широкими массами эксплуатируемых и неимущих бедняков. При этом борьба внутри

социума была тесно связана с религией, обосновывалась ею, осмыслялась в рамках религии. В исламе всегда считалось справедливым устранение правящих «плохих мусульман», т.е. нарушающих предписания Корана и шариата (найти такие нарушения было нетрудно). На этом основании М.Ф. Видясова и В.В. Орлов считают, что «корни политизации ислама теряются “во тьме времен”, отталкиваясь от возникшего в IX в. противостояния традиционализма и рационализма, ликвидировать которое пытаются с XVIII в. ваххабиты, ведущие “проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман”, а всех отступивших от строгого соблюдения норм ислама признающие “людьми хуже язычников”»¹⁰.

Общаясь со своими соседями в Африке и Европе, арабы активно влияли на них в эпоху арабских завоеваний и расцвета арабо-исламской культуры в VII–X вв. и столь же интенсивно отбивались от них во времена Крестовых походов XI–XIII вв. и зарождения европейского колониализма в XV–XVII вв. Широкое наступление этого колониализма по всем фронтам в XVIII–XIX вв. породило ответную реакцию мусульман в виде панисламизма XIX в., пытавшегося (неудачно) ответить на культурно-идеологический и военно-политический вызов экспансии Запада. Сменивший его в XX в. национализм более успешно справился с этой задачей, добившись, в конце концов, независимости. Однако ни панисламисты, ни националисты, ни даже мусульманские социалисты (фактически – левое крыло националистов) не смогли противостоять глобализации. Именно поэтому, по мнению В.А. Исаева, «на Ближнем Востоке существует мощная оппозиция глобализации» и многие там представляют себе «глобализацию как продолжение империалистической и колониальной политики иными средствами»¹¹. Более того, немало и тех, кто, отождествляя глобализацию с колониальной экспансией, считает ее просто продолжением Крестовых походов XI–XIII вв.

Различные течения социального и политического протesta арабов нередко сливаются воедино, особенно там, где, согласно мнению арабского политолога Хашима Джавада, «мусульмане не имеют законных средств для выражения своего недовольства экономикой, политикой и дипломатией Запада, воспринятой их деспотическими правительствами». Именно тогда образуется почва для «конфронтационного и агрессивного» исламо-экстремизма¹². В то же время следует признать, что западные державы научились использовать все имеющиеся в их распоряжении рычаги воздейст-

вия на арабов, в том числе – с помощью новейших технологий (от радио, телевидения, печатных СМИ и до Интернета). Последние годы полны примеров расширения арсенала применяемых Западом средств, подходов и идеологических ухищрений, так как теперь необходимо учитывать возросшую чувствительность арабов к вопросам социальной несправедливости и неравенства ввиду роста уровня их образованности и гражданского самосознания, уменьшения, особенно в городах, различий в уровне культуры мужчин и женщин, резкого повышения степени информированности населения ввиду более широкого распространения и модернизации СМИ, совершенствования пропаганды, адресованной различным слоям общества¹³.

Есть еще один фактор, пожалуй, наиболее важный сегодня. Это – возросшая не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире роль исламизма, или политического ислама. В большинстве арабских стран для него сложились очень благоприятные условия: 25–35% трудоспособного населения здесь – маргиналы. А еще больше полумаргиналов и тех, кто по своему социальному положению близок к ним. Все они объяснение своих бед находят в декларациях идеологов исламского фундаментализма, утверждающих, что мусульманские бедняки будут счастливы только тогда, когда государства, в которых они живут, будут «истинно исламскими», а конституцией их будет Коран¹⁴. А вообще-то идеалом идеологов фундаментализма является всемирное господство ислама, каковое является их официальной целью.

Предпринимавшиеся до сих пор попытки силового решения проблемы исламизма странам Запада, включая США, не удаются. Более того, они не могут справиться и с такой серьезной проблемой, как гигантские мусульманские диаспоры в государствах «золотого миллиарда», т.е. Европы и Северной Америки. Мигранты из стран ислама, беженцы, студенты и лжестуденты, мелкие и средние предприниматели, авантюристы и контрабандисты, честные труженики и выдающие себя за них, все они входят в эти давно уже укоренившиеся на западных землях сообщества, насчитывающие от 3 млн человек в Германии до 15 млн человек в США. Эти цифры давно уже изменились. А среди мусульман США преобладают не приезжие (хотя; их немало), а принявшие ислам местные афроамериканцы. Точно установить их численность практически невозможно, так как никто не знает, сколько прибывает на Запад, причем ежедневно, нелегальных эмигрантов. Нередко поэтому одни и те же авторы называют разные цифры мусульман в

Европе – то 24 млн, то 40 млн человек. Есть мнение, что только в регионе Средиземноморья проживают 20 млн «европейских мусульман» и «почти 200 млн. арабов» (многие из которых, как известно, не являются мусульманами). Но входят ли в их число миллионы мусульман Великобритании, Бельгии, Скандинавии и Нидерландов?¹⁵ Ответа на это нет.

Значительная часть этой массы также находится под влиянием исламистов. Более того, иногда определенные фракции некоторых диаспор играют роль своего рода «пятых колонн», предоставляя укрытие, снабжение, финансы и оружие наиболее агрессивным исламо-экстремистам. Например, осевшие на Западе сообщники исламо-террористов проходили обучение в качестве пилотов в США (впоследствии участвовавших в терактах 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне), наладили использование механизмов финансовой системы США для спонсирования терроризма и содержания боевиков «Аль-Каиды» в США и Великобритании, устраивали взрывы в метро Лондона и Парижа, на вокзале в Мадриде и вочных клубах Берлина¹⁶.

Исламизм доминирует ныне почти во всех мусульманских социумах и представляет собой новую массовую идеологию, играющую в мире ислама главенствующую роль. Мне уже приходилось высказывать предположение, что исламизм – «это определенная стадия развития... мира ислама» и «изменить его в короткие сроки не получится»¹⁷. Это предположение основывается как на феноменальной живучести исламизма, довольно быстро восстанавливающего свои структуры и кадры после самых тяжелых поражений, так и на явном изменении отношения Запада к исламизму. Можно с некоторых пор даже говорить о его скрытом потворстве исламизму. «Арабские революции предоставили исламистам идеальный плацдарм для атак на Старый Свет», – с тревогой отмечали европейские СМИ осенью 2011 г. Созданный Западом (невольно ли?) «вакуум власти» в ряде арабских стран привел к тому, что «из тюрем этих стран было выпущено много джихадистов, а военные арсеналы, накопленные прежними правительствами, остались фактически без контроля». Некоторые наши авторы считают, что это произошло случайно, так сказать, по недомыслию США, якобы не понимавших заранее, к чему это приведет. Пока что освободившиеся и вооружившиеся джихадисты двинулись в Сирию, но куда они пойдут дальше?¹⁸

В опубликованной до сих пор литературе, как и в прессе, есть сомнения относительно скрытых пружин событий в арабском

мире. Некоторые считают творцами этих событий исламистов, другие признают их участников независимыми движениями «нового типа», отразившими рост гражданского самосознания численно возросшей и многому научившейся за последние годы молодежи¹⁹. Есть и те, кто считает, что «в краткосрочной перспективе Вашингтону совершенно неясно, как будут развиваться события», тем более – «что будет дальше, какие в арабских странах будут реформы или репрессии и как устоят новые режимы»²⁰. Все эти высказывания заслуживают внимания. Но хотелось бы также привести мнение французского эксперта Алена Антала. Он указал, что США в Ираке и Афганистане стремились не ликвидировать «Аль-Каиду», а лишь вытеснить ее, но, в конце концов, допустили создание ею филиалов в «Месопотамии и странах Магриба». При этом Анталь подчеркнул: «Добираться из Ирака или Афганистана до Европы или Америки сложно и рискованно. Из Туниса или Ливии это сделать гораздо проще». Иными словами, переброска (возможно, заранее рассчитанная?) «Аль-Каиды» в Африку – один из неожиданных результатов «арабской весны», каковой «ставит под удар в первую очередь не США, а страны Европейского союза»²¹. А, может быть, и Россию? Чтобы говорчнее была на переговорах по ПРО, нефти, газу, позициям НАТО в Европе?

Несомненно, это стоит принять во внимание. Ведь исламизм, рожденный многими факторами внутри арабо-исламского мира, был в то же время во многом поддержан в военно-финансовом отношении (если не вскормлен, как считают многие) США и другими державами Запада во время войны СССР в 1979–1989 гг. в Афганистане. Конечно, в какой-то мере руководство СССР допустило промах, решившись на такую войну, которую весь мир ислама счел вызовом себе. Но много ли навоевали бы афганские душманы без широко разрекламированной помощи оружием и деньгами, которую они неизменно получали от стран Запада, без десятков тысяч добровольцев-мусульман разных стран (которые не только были бесплатно доставлены в Афганистан со всех концов мира ислама, но и «зарабатывали» там по 1,5 тыс. долл. в месяц)?! А сколько потрачено было на соответствующую агитацию и пропаганду от Марокко до Индонезии! Одних отчислений от прибывшей ФБК Персидского залива для столь грандиозного, буквально всемирного, предприятия вряд ли бы хватило!²² Автор этих строк, побывав в те годы в ряде стран ислама, был изумлен единобразием симпатий к душманам самых разных людей. Да и не стоит забывать, что после окончания войны 1979–1989 гг. возникли и талибы

в Афганистане, и множество схожих с ними группировок от Алжира до Синьцзяна (включая Северный Кавказ и Центральную Азию), и транснациональная «Аль-Каида», то ли объединяющая все эти группировки, то ли «всего лишь» их финансирующая, снабжающая и ориентирующая.

А ведь некоторые исследователи исламской проблематики даже сомневаются: существует ли «Аль-Каида», или она – всего лишь миф, которым пугают сбитого с толку и запуганного обывателя Европы или Америки. Сама «Аль-Каида» не только не отрицает, но даже рекламирует свое существование. Более того, она – не одинока. Наряду с ней существуют организации международного масштаба, в частности Партия исламского освобождения (ПИО), действующая от Иордании и Палестины до Средней Азии и даже Поволжья. Многие группировки исламо-экстремистов так или иначе связаны друг с другом. Например, «Движение ислама Восточного Туркестана» и «Движение религии ислама» (наиболее видные из 27 террористических групп в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая) были в контакте с талибами Афганистана, исламо-экстремистами Киргизии, Таджикистана и даже Чечни²³. Точно так же пакистанская партия «Джамаат-и-ислами» была представлена филиалами в Индии и Бангладеш, а «Джамаат-и-таблиг» – во всей Южной и Юго-Восточной Азии. В свою очередь фактически являются частями «Джамаат-и-ислами» некоторые группировки в Англии, США, Кашмире, Афганистане и на Шри-Ланке. Исламистская «Ан-Нахда» (Возрождение) в Тунисе тесно взаимодействовала с исламистами Судана и Алжира²⁴. Практически сеть этих групп покрыла весь мир.

Разобраться в сложной сети исламистских организаций и т.п. сообществ практически невозможно, ибо к сотням благотворительных, культурных организаций нередко присоединяются около 330 суфийских братств-тарикатов (от арабского «тарик», т.е. путь постижения божественной истины – «Хакика»). К тому же появляются новые тарикаты. Некоторые из них влиятельны в больших регионах (например, Магрибе), другие – в рамках небольшого округа. Но есть такие, как кадирийя и накшбандийя, которые «глобализированы» от Тропической Африки до Средней Азии и Сингапура. Только в Египте к 1967 г. их было 67, а число «хванов» (братьев) в них – до 5 млн человек. 22 тариката насчитывалось к 2000 г. в Марокко, 20 – в Тунисе, 15 – в Алжире, 10 – в Турции и Сирии²⁵. Они играли и играют важную роль в политико-религиозной жизни мира ислама. Формально они чужды исламиз-

му и даже критикуются им. Но их внутренняя жизнь – глубокая тайна, а многообразие их влияния делает их идеальными трансляторами любых установок и настроений, короче говоря – надежными и нагло закрытыми связями. Скорее всего, кто-то должен пользоваться этой хорошо отлаженной еще со времен Средневековья структурой! К тому же любой мурид (послушник) тариката должен в отношениях со своим муршидом (наставником, учителем), «отказавшись от своей воли... быть подобен трупу в руках обмывателя трупов, который вертит им, как хочет»²⁶. А если к этому типу дисциплины присоединить власть вождя племени или клана, харизматичного лидера этноса, нации, секты, можно установить хотя бы некоторые источники фанатизма экстремистов.

Вопреки своей отстраненности от мирского, отдельные тарикаты вовлекаются в игры исламо-экстремистов. Так, созданный в начале 1970-х годов в Лондоне фонд «Хаккани», связанный с Исламской партией США, Исламским верховным советом Америки и «Американской мусульманской помощью», образовал новый тарикат «Хакканийя», выделившийся из братства Накшбандийя и создавший свои центры в Великобритании, США, Ливане, а также «на большей части Западной Европы» и на Кавказе. Главой тариката стал турок-киприот, шейх Назим аль-Кубруси аль-Хаккани, ученик дагестанского теолога Абдаллаха ад-Дагестани. Вопрос об их связях с США не ясен в силу закрытости внутренней жизни тариката. Но хакканисты уже были замечены в финансировании сепаратистов Чечни и приглашении их лидеров в США (правда, в 1998 г., т.е. до разгрома сепаратистов). Они как-то потерялись на фоне 24 организаций США, финансирующих северокавказских боевиков. Но их действия доказывают, что и суфийские братства могут быть причастны тем или иным образом к делам исламистов²⁷. Вывод – многочисленные и хорошо организованные суфийские братства, ранее враждебные исламизму и осуждаемые им (за «суеверия» и попытку встать «между Аллахом и верующими»), теперь находятся, судя по всему, на распутье и, не желая терять влияния среди верующих, могут быть просто вынуждены считаться с ростом авторитета исламистов среди верующих. Это явление сопоставимо с феноменом «исламизации» части интеллигенции мира ислама. Многие интеллектуалы, никогда не интересовавшиеся религией, все эти инженеры, математики и прочие «технари» (иногда – даже физики-атомщики) стали менять свое равнодушие к исламу на поддержку исламизма. При этом вопрос об их подлинной религиозности даже не стоит. Ислам для них – политиче-

ское оружие в первую очередь и не столько мировоззрение и ми-
ропонимание, сколько этноконфессиональная характеристика, по-
казатель национальной идентичности, духовная связь с традиция-
ми, обычаями и менталитетом своего народа. Отсюда –
относительная легкость «реисламизации» интеллектуальных элит
стран ислама, во всяком случае – значительной их части, их усилия
по «реисламизации» всего социума, ибо ислам – еще и символ
антизападного патриотизма. В то же время он повсеместно станов-
ится наиболее распространенной... формой оппозиции своему
прозападному правительству или даже всей элите, объявляемой
«плохими мусульманами»²⁸.

В подобном духовном климате «Аль-Каида» – не только
вдохновитель, спонсор, организатор и объединитель исламистов,
но и их символ. Например, около 3 тыс. алжирских боевиков, до
1989 г. сражавшихся в Афганистане, а затем принявших участие
во внутриалжирской гражданской войне 1992–2002 гг. в рядах
«Вооруженной исламской группировки», отличавшейся наиболь-
шей жестокостью из всех групп подобного рода, в дальнейшем
переименовали себя в «Салафитскую группу проповеди и борь-
бы», изолированную в небольшом горном районе на северо-
востоке. Но в 2007 г. они, назвавшись «Аль-Кайдой Исламского
Магриба», получили помочь извне оружием, продовольствием,
снаряжением и даже новейшими техническими средствами
(в частности, устройствами для дистанционных взрывов), что дало
им возможность перенести свои действия в Сахару и с помощью
прибывших «специалистов» из «Аль-Каиды» частично даже рас-
пространить эти действия на территории Мали, Нигера и... Ли-
вии²⁹. Сообщивший обо всем этом алжирский журналист Мухам-
мед Мокаддам привел также сведения об акциях «Аль-Каиды» в
Ливане, Ираке, Сирии и даже Франции с участием еще уцелевших
боевиков из Алжира³⁰. Известна также зловещая роль «Аль-
Каиды» в разгроме Ливии, в борьбе за власть в Йемене, в ее про-
никновении в Египет, а за последнее время – и в Сирию.

Обобщив все сказанное выше, можно представить «араб-
скую политическую весну» плодом совместных усилий, по
крайней мере, трех политических сил:

1) образованной и демократически настроенной части араб-
ского общества, преимущественно молодежи, не желавшей больше
терпеть экономическое неравенство, безработицу, социальную не-
справедливость, политическое бесправие; она выступила инициа-

тором движения, но у нее не хватило опыта, организованности, сплоченности;

2) западных держав, давно пытавшихся, пользуясь противоречиями и трудностями арабского мира, обратить вспять его развитие и окончательно покончить с «эпохой Насера», т.е. временем хотя бы политической независимости арабского мира, перестроив geopolитическое устройство этого мира по устраивающей их новоколониальной модели;

3) арабских теократических монархий, еще более чем державы Запада, жаждавших покончить с «эпохой Насера», которая была постоянной угрозой их существованию, источником смертносных идей антимонархизма, республиканизма, светскости, антиимпериализма, который пугал их не меньше, чем самих империалистов.

Все противники светского национализма, антиклерикализма и любых левых идей решили, что сейчас – самое подходящее время, чтобы покончить с ними. Экономическое и социальное положение арабов зыбко, доля маргиналов постоянно увеличивается, как и поляризация общества. Да и почти нет среди арабов харизматических лидеров, способных сохранить и защитить наследие Насера. У власти лишь Бутефлика в Алжире и Башар Асад в Сирии. Но у первого достаточно проблем внутри страны (борьба с недобитыми группами террористов, нерешенный берберский вопрос). Поэтому он фактически нейтрален на международной арене. А против второго идет настоящая война исламских боевиков из 27 стран мира. Государства НАТО, грозящие постоянно вмешаться в нее, еще не сделали этого только из-за колебаний США, несколько шокированных быстрым проникновением исламистов и известных боевиков «Аль-Каиды» в ряды повстанцев Ливии, Египта и Сирии и столь же быстрыми результатами этого проникновения: убийством в Ливии посла США и других американцев, ростом антиамериканизма и влияния джихадистов во всем арабском мире и сопредельных регионах, явным доминированием непримиримых боевиков внутри оппозиции Сирии, не желающей слушать своих политических вождей, связанных с Западом.

Исламисты на первых порах держались в тени и ни у кого не вызывали беспокойства. Во многом поэтому армия и госаппарат в Тунисе и Египте не оказали сопротивления взбунтовавшейся молодежи (тем более что дело не обошлось без стран Запада, активно вмешивавшихся в ход волнений через Интернет и социальные сети). Однако молодежь не была организована политически. Ввиду

этого ее почти незаметно сменили исламисты, располагающие в арабском мире весьма развитым подпольем. С этого момента армия и госаппарат и в Тунисе, и в Египте, пожертвовав своими лидерами Бен Али и Мубараком, решили предотвратить демонтаж в общем-то устраивавшей их политической системы. В Тунисе удалось заключить компромисс с победившими на выборах исламистами (неизвестно лишь, до какого времени), воспользовавшись гибкой позицией их лидера Рашида аль-Ганнуши, который, в отличие от других исламистов, выступает за «демократию и права человека» и за то, чтобы «построить современное исламское общество, которое могло бы черпать до дна все ценное из западной культуры, не теряясь в ней»³¹. Неизвестно лишь, до какого момента этот компромисс продлится. Пока что он дошел до того, что исламисты Туниса даже уступили (на один год) пост президента правозащитнику и профранцузски настроенному левоцентристу Мансыфу аль-Марзуки. Тем самым реализовался консенсус мятежных исламистов с другими политическими силами страны и учет ими роли Франции в организации «политической весны» в регионе и ее претензий «на участие в формировании здесь нового политического ландшафта»³². В то же время, по некоторым данным, уступчивость аль-Ганнуши и его партии объясняется их сотрудничеством с радикальными экстремистами (салафитами), считающими приверженцев аль-Ганнуши «отступниками». Характерно, что салафиты пользуются финансовой и прочей поддержкой Катара, который сыграл важную роль в разгроме Ливии, а сейчас добивается того же в Сирии³³.

Но Тунис – скорее исключение, чем правило. Его специфика – давние и многосторонние связи с Францией, высокий уровень образования, полученного тунисской молодежью и частью средних слоев во Франции или на французском языке в других странах. Это вынуждены учитывать и США, и неожиданно оказавшиеся в роли их союзников исламисты, и, судя по всему, дезориентированные ходом событий военные и гражданские круги бюрократии.

В Египте, где дело тоже шло к компромиссу исламистов и военных, в конце концов, он был сорван. Избранный президентом страны лидер исламистов Мурси отстранил военных от власти. До сих пор неясно, как это ему удалось и на кого он при этом опирался. Армия более 60 лет была ведущей не только вооруженной, но и социально-политической силой Египта. Вдобавок 30% экономики – в ее руках³⁴. Так что ее отстранение – вряд ли надолго. И Мурси, и

исламисты уже успели дискредитировать себя. Так что возвращение армии к власти – скорее всего, вопрос только времени.

Причин для этого, даже для провозглашения в стране режима чрезвычайного, а то и военного положения, – хоть отбавляй: просачивание «Аль-Каиды» в Египет (особенно в бедуинскую среду Синайского полуострова) и соседнюю Ливию, продолжение боевых действий в той же Ливии, Сирии и Йемене со всё возрастающим участием той же «Аль-Каиды», не спадающая напряженность в секторе Газа, где господствует исламистское движение ХАМАС, нескончаемый наплыв африканцев с юга континента, решивших использовать вакуум власти на севере Африки для прорыва в Европу. В Египте ничего еще не решено. И в рядах участников не прекращающихся в стране демонстраций уже слышатся высказывания в пользу военного переворота. Эти настроения еще не созрели полностью, но они зреют, и будут зреТЬ неизбежно³⁵.

Главный враг исламистов ныне – режим Башара Асада в Сирии, против которого и брошены все их силы. Их вдохновляет успех в Ливии, где толкуя по-своему неудачную резолюцию ООН и цинично распространяясь о «правах человека», 14 стран НАТО и четыре их партнера (Катар, ОАЭ, Иордания и Швеция) совершили десятки тысяч боевых авиабомб и операций спецназа (Англии, Франции, Катара), убив, по признанию самих руководителей ливийского мятежа, до 50 тыс. человек (в эту цифру не входят замученные в тюрьмах и застенках) и разрушив почти всю транспортную и энергетическую инфраструктуру одной из наиболее зажиточных арабских стран³⁶. Нечто похожее исламисты и их покровители как на Западе, так и на Востоке, хотят сегодня утвердить в Сирии. И хотя силы сирийской оппозиции разношерстны, малочисленны, разъединены и погрязли в спорах, разногласиях и борьбе амбиций, они уповают на помошь своих друзей, спонсоров и покровителей, на английских спецназовцев, «иностранных легионеров» Франции, боевиков «Аль-Каиды», переброшенных из Ливии всякого рода (в том числе криминального) наемников, а также бесчисленных боевиков – суннитов, которых ныне более чем достаточно на Ближнем Востоке после операций войск США в Ираке и Афганистане. При этом используется недовольство суннитов военно-политическим усилением шиитов в Ливане и Ираке, давним доминированием союзных с Ираном алавитов в Сирии, а также возмущение всех арабов пребыванием войск США в Афганистане и Ираке, как и войск Израиля на палестинских территориях. Ведется изощренная пропаганда с целью переплавить националь-

но-политическое недовольство суннитов бесконечными актами агрессии Запада против Востока в чисто религиозное противостояние с шиитами, которых поддерживает Иран. А его-то больше всего (хоть и по разным причинам) опасаются США, «ваххабитский тандем» Саудовской Аравии и Катара, да и прочие теократические монархии Востока. К ним, судя по всему, не прочь примкнуть и Турция, претендующая с давних пор на лидерство среди суннитов.

Кое-чего мятежники добились. Несомненно, «эпоха Насера» – отныне в прошлом. Ее не восстановить, как и ее творцов, их действия и моральный климат их времени. Но вызывают сомнения и перспективы того, что творят «Аль-Каида» и «ваххабитский тандем» при поддержке Запада. Их ставка на суннитско-шиитскую вражду уже возникала, но обычно терпела крах. Большие шансы на провал у нее и сейчас. Шииты Ливана, ныне – ведущая конфесия страны, намного усилили свои позиции с помощью движения «Хезболла», которое многие в стране уже называют «государством в государстве», располагающим значительными капиталами (до 2 млрд долл.) и боеспособными отрядами, которые чрезвычайно повысили авторитет этой организации и в Ливане, и в арабском мире в целом. Хотя американцам удалось за годы оккупации Ирака спровоцировать вражду шиитов и суннитов, все же среди иракцев очень мало найдется тех, кто склонен прислушиваться к пропаганде США. Практически все лидеры иракских шиитов – Али ас-Систани, Бакир и Абд аль-Азиз аль-Хакими, Муктада ас-Садр – имеют свою собственную модель демократии и не приемлют присутствия США на Ближнем Востоке. Напомним: в Ливане и Ираке шииты – главная сила³⁷. В Сирии попытки американцев изолировать алавитов и прочих не-суннитов терпят крах уже давно: как известно, там уже с весны 2011 г. противники Асада просто покупали участников антиправительственных демонстраций, выплачивая простому демонстранту 60 долл. за выход на улицу, 100 долл. – за выход с плакатом и 300 долл. – за выход с автоматом!³⁸ С тех пор прошло немало времени, а результаты этих расходов – более чем мизерные. В Сирии единой, консолидированной, идейно сплоченной оппозиции нет! А вот массовая поддержка у президента Башара Асада есть, как и возмущение рядовых сирийцев грубым вмешательством извне в их дела, да еще под фальшивыми лозунгами и на иностранные деньги.

Чисто тактический союз Запада с «Аль-Каидой» и вообще с исламистами не может быть долгим. Он весьма непрочен и эффек-

тивно сработал лишь в Ливии, где положение, судя по всему, еще долго будет неопределенным. Сегодня, во всяком случае, нельзя сказать, выиграл ли Запад от погрома в Ливии. Во всех же других странах у его странной «дружбы» с исламизмом нет ни прочной основы, ни долговременных перспектив.

Разумеется, многое пережившие за это время Тунис, Египет, Сирия, Ирак вряд ли будут жить по-старому. Дело либерализации и даже в чем-то демократизации в этих странах, как и в других (Марокко, Алжире, Иордании), пусть и с трудом, но продвигается. От своей «политической весны» арабы ждали большего. Но вмешательство извне, попытки «исламизации» и в ряде случаев «замораживания» этой «весны» все же сделали свое дело. И многое из того, что можно было сделать уже сегодня, откладывается на будущее. Но будем надеяться, не всегда у Запада, решившего вернуться к новоколониальной политике, будет возможность с помощью новейших технологий перехватывать инициативу арабских «низов» и искажать ее в свою интересах. Да и исламизм, ныне переживающий расцвет, вряд ли вечен. Я верю в то, что арабы найдут иное идеологическое оружие для своего национального, социального и духовного освобождения.

Примечания

- ¹ Мирский Г.И. Арабские революции? (доклад на круглом столе ИМЭМО в 2011 г.); Независимая газета. 01.04.2013; 12.03.2013.
- ² Независимая газета. 13.03.2013.
- ³ Восток-Oriens. – 2011. – № 6. – С. 50.
- ⁴ Известия. 23.11.2011.
- ⁵ Ближний Восток и современность. 2009. С. 135–138; Burgat F. Al-Qáida or the transnationalisation of an «Islamic» resistance to the globalization of the maintenance of an American order // Arabia Vitalis. – М., 2009. – Р. 54.
- ⁶ Lacouture J. et S. L'Egypte en mouvement. – Р., 1962. – Р. 180, 183.
- ⁷ Гамаль Абд ан-Насер. Фальсафат ас-саура (Философия революции). – Каир, 1954. – С. 32.
- ⁸ Восточный социум и религия. – М., 2009. – С. 7–8; The Middle East viewed from the North. – Bergen, 1992. – Р. 73–84.
- ⁹ В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С. Мясникова. – М., 2011. – С. 125–126.
- ¹⁰ Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. – М., 2008. С. 9.
- ¹¹ Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 2007. – Вып. 6. – С. 60.
- ¹² Arabs and the West. – Amman, 1999. – Р. 29.

- ¹³ В потоке научного творчества... – С. 124.
- ¹⁴ Ближний Восток и современность. 2003. № 18. С. 163–193; Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. – М., 2004. – С. 154–164.
- ¹⁵ Восток-Oriens. – 2011. – № 5. – С. 149–150.
- ¹⁶ Васильев А.М. Африка и вызовы XXI в. – М., 2012. – С. 204–205; Ланда Р.Г. Политический ислам: Предварительные итоги. – М., 2006. – С. 43–45.
- ¹⁷ Ланда Р.Г Политический ислам... – С. 264.
- ¹⁸ Известия. 06.09.2011.
- ¹⁹ Восток-Oriens. – 2011. – № 5. – С. 150.
- ²⁰ Васильев А.М. Африка и вызовы XXI в. – С. 285, 295.
- ²¹ Известия. 06.09.2011.
- ²² Ислам и исламизм. – М., 1999. – С. 154; Кепель Ж. Джихад: Экспансия и закат исламизма. – М., 2004. – С. 144–148.
- ²³ Islam, Muslims and Modern State. – Р. 187–188, 238–239.
- ²⁴ Ланда Р.Г. Политический ислам... – С. 249–250.
- ²⁵ Азия и Африка сегодня. 2000. № 9. С. 56; Восток-Oriens. 1993, № 1. С. 141–149; Islam, State and Society. – London-Riverdale, 1958. – Р. 191.
- ²⁶ Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия. – М., 1994. – С. 17–18.
- ²⁷ Centre for study of Islam and Christian – Muslim Relations. Ethnicity, politics and transnational Islam. A Study of an international Sufi order. – Birmingham, 1998. – Р. 1–4.
- ²⁸ Rov O. Généalogie de l'islamisme. – Р., 1995. – Р. 61–81; Charnay J.-P. Sociologie religieuse de L'Islam. – Р., 1994. – Р. 339.
- ²⁹ Mokeddem M. Al-Qaida au Maghreb islamique. – Alger, 2010. – Р. 24–92.
- ³⁰ Восток-Oriens. – 2011. – № 4. – С. 210–211.
- ³¹ Гучетль Г.И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. – М., 1999. – С. 71.
- ³² Известия. 17.11.2011. Российская газета. 26.10.2011.
- ³³ Независимая газета. 13.03.2012.
- ³⁴ Независимая газета. 13.03.2012.
- ³⁵ Независимая газета. 13.03.2013.
- ³⁶ Независимая газета. 16.04.2012.
- ³⁷ Независимая газета. 16.05.2012.
- ³⁸ Известия. 19.08.2011. 23.09.2011.

«Стратегии Востока в контексте мировых процессов», М., 2013 г., с. 19–24.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Наумкин,

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН,
директор ИВ РАН

В. Кузнецов,

кандидат исторических наук

ИСЛАМСКИЙ МИР И ИСЛАМСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

На протяжении последних нескольких десятилетий наблюдается рост влияния конфессионального фактора на мирополитические процессы, причем прежде всего этот фактор связывается с политической активностью ислама – второй по численности и наиболее динамичной из мировых религий.

Ислам исповедует почти четверть населения Земли – более 1,5 млрд человек, живущих в 120 государствах на пяти континентах, но в основном сосредоточенных в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии (около 60%) и в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (около 20%). При этом в последнем находится наибольшее количество государств, население которых на 90% и более состоит из мусульман. Приблизительно пятая часть мусульман – около 300 млн – проживает в странах, в которых ислам является религией меньшинства, хотя подчас и весьма крупного – так, мусульманская община Индии составляет около 140 млн человек, а мусульманская община России (15 млн коренного населения и 5 млн постоянно проживающих в стране мигрантов) больше, чем население Ливии или Иордании.

В 35 странах большинство населения исповедует ислам, в 29 национальных государствах – значимые мусульманские меньшинства, более чем в 20 странах ислам провозглашен государственной или официальной религией.

Несмотря на значительные различия между этими государствами, повсюду – от прессы до научных изысканий и политического дискурса – наблюдается тенденция обозначать исламский мир как единый, коллективный субъект международных отношений, зачастую противопоставляющийся другому коллективному субъекту – Западу. Бросающаяся в глаза асимметрия двух составных частей антиномии «Исламский мир – Запад» требует ответа на вопрос: что именно в этом контексте подразумевается под исламским миром и на каком основании он может быть выделен (и может ли вообще) в качестве самостоятельного субъекта мировой политики? Представляется, что можно говорить о двух уровнях осуществления его единства и субъектности: цивилизационном и государственном.

Исламский мир как цивилизация

Существует три основания для формирования субъектности исламского мира на цивилизационном уровне: его собственная культурно-политическая традиция, образ, формируемый Западом, и самоидентификация мусульманских общин, живущих в странах Европы и Америки.

А. Культурно-политическая традиция. Исторически ислам с самого момента своего появления представлял собой не только религию, но и определенный способ существования общества: в деятельности Пророка Мухаммада и первых четырех халифов¹ отдельить религиозную составляющую от политической фактически невозможно. Именно с политическими вопросами были связаны и первые расколы в мусульманской общине – умме. Так, центральной проблемой, приведшей к ее разделению на суннитов, шиитов и хариджитов, была проблема власти: должен ли во главе уммы стоять человек из семьи или рода Пророка Мухаммада или этот пост может занимать любой благочестивый и праведный мусульманин?

Вплоть до XI в. халиф объединял всю полноту светской и религиозной власти. С эпохи сельджуков (с XI в.) в Аббасидском халифате сложилась система разделения властей халиф–султан, при которой первый, обладая верховной религиозной властью,

¹ Халиф (ар. халифа – заместитель) – руководитель исламского государства. Полноту этого титул в разное время назывался либо халифату-расули-ллах – заместитель посланника Аллаха, либо халифату-ллах – заместитель Аллаха.

светскую власть делегировал второму. Номинальная подчиненность светского главы государства главе религиозной сохранялась и далее – не случайно египетские мамлюки не только приютили аббасидского халифа после разрушения Багдада монголами, но и всячески оберегали его на протяжении нескольких веков. Будучи лишенным реальной власти, он в то же время был способен обеспечить легитимность их правления.

Несмотря на девальвацию халифского титула в позднее Средневековье, он тем не менее сохранялся на протяжении всего Нового времени, вплоть до 1924 г. носителями этого титула были Османские султаны (впрочем, очень часто его присваивали себе и руководители других мусульманских государств). Таким образом, и Османская империя, и более ранние арабо-мусульманские государства не просто были религиозными государствами, но и идентифицировали себя прежде всего по религиозному признаку. Формально они даже обозначали себя не как государства, а как дар аль-ислам – «Обитель ислама». Соответственно власть халифа (чисто гипотетически, разумеется) распространялась не столько на конкретную территорию, сколько на всех мусульман мира. Обитель ислама в традиционной исламской политической теории противопоставлялась дар аль-харб – «Обители войны» (т.е. территории, на которую должна распространяться власть ислама) и дар ас-сульх – «Обители договора» (т.е. территории, где мусульмане, не имея политического превосходства, все же могут свободно исповедовать свою веру).

Несмотря на кардинальное изменение ситуации в XX в. и интеграцию мусульманских государств в мирополитическую систему, и сегодня при всей своей разнородности ислам пытается выступать в качестве коллективного транснационального политического игрока. Во всяком случае, таковым уже стал политический ислам (то же, что исламизм, см. далее), опирающийся на концепцию мусульманской уммы, которая в своем единстве должна преодолеть все межэтнические и межгосударственные границы. В суннитском варианте из этой концепции логически вытекает идея возрождения халифата, впервые поставленная на повестку дня мусульманскими интеллектуалами в XIX в. (Джамаль ад-Дин аль-Афгани и др.), а после 1924 г. обретшая и зримые политические очертания в деятельности исламистских движений.

Таким образом, если в Европе теория двух мечей Бл. Августина привела в результате к полному разделению светской и религиозной власти, затем к доминированию власти светской

и формированию национальных государств, а в православном мире произошло фактическое подчинение церкви светской власти, то в мире исламском этого не случилось, а идея его единства и субъектности сохранялась вплоть до крушения Османской империи и обрела второе рождение после этого.

Следует ли из этого, что исламскому миру свойственно непримиримое отношение к «модерности»¹ и олицетворяющему ее Западу, о чем склонны говорить многие аналитики?

На самом деле это различное отношение у разных групп населения и интеллектуалов разного толка. Так, идеологи политического ислама пакистанец Абуль-Аля аль-Маудуди и египтянин Сейид Кутб (казнен в Египте при Г.А. Насере в 1966 г.) писали о модерности, используя понятие джахилий (буквально «невежество» – так в арабо-мусульманской традиции называется доисламский, языческий период в арабской истории: тогда арабы еще «не ведали» Бога). По мнению Кутба, джахилий «не какой-либо исторический период, а состояние дел», и человек всегда стоит перед выбором – «ислам или джахилий»². Кутб считал, что современные ему развитые индустриальные общества Европы и Америки – такая же джахилия, что когда-то была в языческой Аравии. Это есть отвержение современного секуляризма как варварства, но при этом Кутб не отвергает современные науку и технологии.

Можно ли интерпретировать это как атаку на «модерность»? И да, и нет. Да – прежде всего потому, что «модерность» всегда увязывается с секуляризмом. А именно он является врагом номер один для тех, кто выступает от имени ислама, видит в нем краеугольный камень культуры своих народов. В ноябре 1998 г. Совет Исламской академии правоведения (фикха) при Организации Исламская конференция (о ней см. далее) принял постановление № 99 (2/11) «О секуляризме», в котором говорится: «Секуляризм представляет собой объективистскую систему взглядов, основанную на принципе непризнания Бога (атеизме), является антагонистическим по отношению к исламу течением, солидаризуясь с мировым сионизмом и другими разрушительными и все дозволяющими

¹ Это тот редкий случай, когда принятому в западных языках термину (англ. *modernity*, фр. *modernité*) трудно подобрать точное соответствие в русском языке. Он может интерпретироваться и как «современный мир», и как «современная цивилизация, культура».

² Сейид Кутб. Фи Зилал ал-Кур'ан. Сура 5, аяты 44–48. Бейрут, 1962 (на арабском языке).

течениями, которые отвергаются Аллахом, Его Посланником (с.а.с.) и верующими»¹.

Известный британский историк религии Карен Армстронг вспоминает в этой связи Великую западную трансформацию, начавшуюся в XVI в. и продолжающуюся до сих пор. Эта трансформация принесла с собой «модерность», основанием которой явились инновация и независимость. Но во многих исламских государствах «модерность» пришла не с независимостью, а с колониальным подчинением, поэтому ассоциируется именно с ним. Даже после завоевания независимости подлинная свобода в этих государствах ограничивалась, а кое-где все еще ограничивается имперскими интересами западных держав. А что касается инновации, то в ходе модернизации (понимаемой как трансплантация «модерности») мусульманским странам вследствие исторически сложившегося научного и технологического опережения Запада часто приходилось лишь заимствовать и копировать. Иначе говоря, вместо независимости была зависимость, вместо инновации – имитация. Если для одних «модерность» была благом и освобождением, то для других она обратилась порабощением.

Вредно и ошибочно приписывать исламскому миру якобы присущие ему нетерпимость и неприятие свободы. Если обратиться к мусульманскому историческому наследию, то нельзя не вспомнить о тех поразительных проявлениях свободомыслия и терпимости, которые существовали в нем на протяжении многих веков. Именно их надо считать существом этой цивилизации, а не ту воинственность, которая сегодня появилась в ней как реакция на несправедливость и дискриминацию. К примеру, в Средние века, когда в Европе свирепствовала инквизиция, исламские философы-перипатетики и теологи-мутакаллимы² вели открытые споры о том, мог ли мир быть создан Богом из ничего. Тогда некоторые великие арабские и персидские поэты позволяли себе гораздо более смелые нападки на религию, чем те, за которые сегодня преследуют их собратьев, а евреи спасались от преследований, которым они подвергались в Европе, в Арабском халифате.

¹ Постановления и рекомендации Совета Исламской академии правоведения (фикха) / Пер. с арабского М.Ф. Муртазина. – М., 2003. – С. 232.

² Восточные перипатетики – арабо-мусульманские философы, последователи школы Аристотеля. Их оппонентами были мутакаллимы – те, кто занимался каламом, т.е. исламской спекулятивной теологией.

Таким образом, можно констатировать, что изначально присутствующая в исламской культурно-политической традиции идея субъектности исламского мира не является по определению антизападной, а встречающееся в ней сегодня отторжение модернитства имеет не фундаментальный, а исторически обусловленный характер.

Б. Образ, формируемый Западом. Вместе с тем субъектность исламского мира обеспечивается не только его собственной традиционной идентичностью, но и тем, как он воспринимается во внешнем мире, прежде всего на Западе. В 1977 г. известный палестинско-американский философ и литературовед, профессор Колумбийского университета Эдвард Саид опубликовал книгу «Ориентализм», в которой писал: «Восток (Orient) – это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместе с тем романтикой, экзотическими существами, мучительными и чарующими воспоминаниями и ландшафтами, поразительными переживаниями... Восток – это ...один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого... Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт»¹. Понимая под Востоком почти исключительно Ближний Восток, в своей работе Э. Саид последовательно критикует всю западную культуру за отказ от признания за Востоком права на существование в качестве самостоятельного субъекта и рассмотрение его исключительно как некой антитезы Западу. Лежащие вполне в традициях европейской философии постмодерна идеи Саида вызвали широкий резонанс, обретя множество поклонников, с одной стороны, и став объектом очень жесткой и зачастую совсем не академической критики – с другой².

Отчасти справедливость теории Э. Саида – если не на глобальном культурологическом уровне, то на уровне политической теории – подтвердилась известной работой С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993), в которой исламский мир представлял как противник Запада. Фактически Хантингтон выстраивал свою теорию в той самой парадигме, которую крити-

¹ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006. – С. 7–8.

² Примечательно, что среди упреков философу было и то, что он несправедливо обвиняет в конструировании образа Другого только лишь Запад. С равным основанием это обвинение может быть отнесено и к Востоку, который тоже отказывается воспринимать Европу и Америку такими, какие они есть.

ковал Сайд: «Месяцеподобный исламский мир имеет кровавые границы...» – пугающе предрекал политолог, вовремя заимствовавший идею «столкновения» у Бернарда Льюиса (непримиримого противника Саида). Концепция цивилизационных столкновений стала «дежурным блюдом» западной политологии в 1990-е годы, а неоконсервативная часть американского истеблишмента взяла ее на вооружение при осуществлении внешней политики.

В целом суть неоконсервативного проекта на международной арене состояла в перекроике мирового порядка по линии идеологического водораздела. В 2003 г. известный политолог Уильям Кристол в одном из своих очерков сделал поразительное сравнение: «...крупные нации, имеющие идеологическую идентичность, как СССР вчера и США сегодня, неизбежно отстаивают идеологические интересы в дополнение к более материальным заботам. Сталкиваясь с неординарными событиями, США всегда будут чувствовать свою обязанность защищать, как возможно, демократическую нацию от нападения недемократических сил, внешних и внутренних». И действительно, повсеместное распространение американской модели демократии любыми средствами вплоть до военных было одной из главных задач, провозглашенных неоконсерваторами.

Конструирование образа исламского врага шло именно в этом русле. При этом ставился знак равенства между исламским и ближневосточным миром, где действительно находятся его важнейшие «нервные узлы». Для неоконсервативной революции в США проблема стран Ближнего Востока стала одним из главных идеационных и мобилизирующих инструментов. Уже тогда появилась тенденция относиться к региону Ближнего Востока и Центральной Азии как к ареалу этнического и религиозного «беспорядка» (позднее она получила развитие в концепции Большого Ближнего Востока).

Стремление части американского политического истеблишмента сформировать образ врага Запада в лице всего исламского мира усилило катастрофически недостающую ему для глобальной субъектности консолидацию.

В. Самоидентификация мусульманских общин Европы и Америки. В пользу глобальной роли исламского акторства свидетельствует еще одно обстоятельство, связанное с особенностями социально-политического поведения мусульманских общин Запада. Хиджра (араб. переселение) мусульман на Запад, по мнению многих исламских интеллектуалов и политиков, не просто поиск

лучших экономических возможностей. Это формирование новой псевдоуммы с характерной для нее особой идентичностью. Известный французский исламовед Оливье Руа считает этот процесс проявлением детерриториализации ислама. По его мнению, «новая община может быть чисто идеальной (не имеющей других связей помимо веры), может основываться на традиционных групповых связях (сохраняя эндогамные отношения с семьями, остающимися в стране происхождения), но она всегда действует как реконструкция»¹.

Парадоксально, что новые муходжиры (добровольно или вынужденно переселившиеся) зачастую приходят к выводу, что они могут свободнее исповедовать ислам в немусульманской стране, в которую они перебрались жить, чем на своей родине, поскольку царящие там порядки и нравы не представляются чисто исламскими². Тарик Рамадан – один из наиболее популярных и либерально настроенных молодых лидеров исламской общины Европы, профессор Фрибурского университета в Швейцарии, этнический египтянин и внук знаменитого основателя движения «Братьев-мусульман» (см. далее) Хасана аль-Банны – даже считает, что на Западе мусульманин имеет больше возможностей жить в соответствии со своей религией, чем в большинстве, если не во всех мусульманских странах³.

Наиболее яркое подтверждение концепции детерриториализованного ислама Руа находит в парадоксально перекликающихся с мыслями Рамадана высказываниях лидера противоположной, консервативной части исламской общины Европы – радикала Абу Хамзы, много лет прожившего в Лондоне и оказавшегося в британской тюрьме: «Я говорю [мусульманам Запада], что им нужно идти в мусульманскую среду, а не в мусульманскую страну, поскольку в наших странах [откуда мы родом] мы имеем мусульман, но не имеем исламского государства... Я советую мусульманам покинуть эти общества... Мне приходится быть Моисеем в доме Фараона»⁴.

¹ Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. – L., 2002. – P. 157.

² Shahid Athar. Reflections of an American Muslim. Chicago, 2002. URL: <http://www.islam-usa.com/r8.html>

³ Tariq Ramadan. Les musulmans dans la laicite: Responsibilite et droits des musulmans dans les societes occidentales. – Lyon, 1994. – P. 101.

⁴ См.: <http://www.supportersofshariat.org/eng/abuhamza.html> (дата обращения: 17.10.2001).

Наконец, еще одним свидетельством детерриториализации ислама может служить реакция мусульманских общин – как на Западе, так и в самих мусульманских государствах – на ряд событий общественной жизни, воспринимающихся ими как вызовы. Ярким примером является история с публикацией в сентябре 2005 г. в датской газете «Джайлландс постен» (Jyllands-Posten) карикатур с изображением Пророка Мухаммада. Бурю возмущения мусульман по всему миру вызвал не столько сам факт публикации, сколько упорство, с которым датские власти отстаивали право печатного органа на свободу слова, подразумевающую право на публикацию таких материалов, и еще в большей степени перепечатка этих карикатур печатными изданиями других стран. В результате разгоревшегося конфликта была озвучена конфликтная пара: свобода слова versus уважение религиозных ценностей. Когда сходная история произошла в 2012 г. после выхода фильма «Невинность мусульман», протестные акции уже привели к жертвам, а президент США Барак Обама 25 сентября в своей ежегодной речи перед Генеральной Ассамблеей ООН заявил, что, по его мнению, этот фильм – оскорбление не только для мусульман, но и для Америки.

* * *

Анализ поведения исламского мира как особого субъекта мировой политики, проводимой в цивилизационной парадигме, чрезвычайно удобен для объяснения деятельности транснациональных религиозно-политических движений и связей между ними, исследования реакций мусульманских сообществ на внешние вызовы, изучения проблем взаимного восприятия Запада и исламского мира. Однако такой подход страдает и одним существенным недостатком: он совершенно не учитывает тот факт, что основными акторами международных отношений являются не цивилизации, культурные или конфессиональные сообщества, а государства и международные институты.

Исламский мир – исламские государства

Итак, исламский мир может рассматриваться не только на цивилизационном уровне, но и в качестве определенной совокупности государств и транснациональных структур, связанных в единую подсистему в рамках общей системы международных отношений. Это определение при всей своей кажущейся очевидности ставит перед аналитиком две серьезные проблемы: определение

ния понятия «исламское государство» и доказательства того факта, что такие государства связаны в особую систему отношений.

Государства, обыкновенно именуемые исламскими, могут быть разделены на несколько категорий.

Во-первых, это страны, в которых ислам различных направлений является государственной или официальной религией: Алжир, Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Бруней, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Коморские острова, Ливия, Мавритания, Малайзия, Мальдивы, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Пакистан, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, Палестинская национальная администрация (в 2012 г. ее власти объявили, что отныне будут именовать ее Государством Палестины)¹. Все эти страны, в свою очередь, разнятся с точки зрения роли ислама и мусульманского духовенства в управлении государственной власти. Так, в Иране религия играет ключевую роль, а светская власть подчинена власти религиозной на законодательном уровне. В Саудовской Аравии ислам является основой государственности, официальный титул короля звучит как «Хранитель Двух Благородных Святынь» (имеются в виду Мекка и Медина), однако религиозные лидеры не контролируют светскую власть (хотя иногда и пытаются себя ей противопоставить), а в Марокко, несмотря на значительную степень модернизированности политической системы, король официально носит и халифский титул – амир аль-му’минин – повелитель правоверных. В ряде государств, несмотря на светский в целом характер режимов, достаточно давно существуют парламентские исламистские партии (например, в Йемене, Иордании, Марокко и др.), а некоторые религиозные лидеры оказываются самостоятельными политическими фигурами (например, муфтий Аль-Азхара в Египте при Х. Мубараке). Вместе с тем в большинстве этих стран духовенство, будучи встроенным в бюрократическую систему, самостоятельной роли не играло, а правящий режим в целом являлся нерелигиозным. Однако в ходе «арабского пробуждения» 2011–2012 гг., проявившегося в серии массовых выступлений, переворотов, революций и гражданских войн по всему Ближневосточному региону, наметилась тенденция исламизации многих режимов, а в ряде стран исламистские партии, ранее находившиеся под запретом, стали правящими (Египет, Тунис).

¹ Кроме того, ислам является государственной религией в индонезийской провинции Ачех.

Вторая категория государств – это страны с мусульманским большинством, позиционирующие себя как исламские, но при этом управляемые светскими режимами, отделяющими церковь от государства. К ним относятся многие государства Африки (Буркина Фасо, Чад, Джибути, Гамбия, Гвинея, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал), Ближнего Востока и Европы (Турция и Турецкая Республика Северного Кипра), Азербайджан, республики Центральной Азии (Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), некоторые государства Юго-Восточной Азии (например, Индонезия).

К третьей категории относятся страны с мусульманским большинством населения, избегающие позиционирования по конфессиональному признаку (Албания и Казахстан). Формально являясь членами Организации исламского сотрудничества (см. далее), они предпочитают иные маркеры идентичности: Албания – европейский, Казахстан – евразийский. В эту категорию входит и Косово, не состоящее в ОИС.

Наконец, к исламскому миру отчасти могут быть отнесены страны со значительными мусульманскими меньшинствами, в том числе Россия.

Предложенная классификация демонстрирует, что исламские государства серьезным образом различаются между собой с точки зрения роли ислама в их политической жизни. Не меньше различий и по другим важнейшим характеристикам – в том числе по уровню развития и структуре экономик, по поведению на мировой арене. Одни мусульманские государства заняли важнейшее место в мировой экономике благодаря гигантским запасам углеводородов, поставляемых в развитые страны (прежде всего это государства Персидского залива, Ливия, Алжир, Бруней). Для стран – экспортёров нефти характерен высокий уровень жизни населения. Так, национальный доход на душу населения Катара намного превысил аналогичный показатель США. Другие государства, не входя в число ведущих поставщиков энергоресурсов, добились высоких показателей в экономическом развитии. Такими примерами могут служить Турция и Малайзия. В то же время целый ряд мусульманских государств относится к числу беднейших.

Правда, разрывы в уровнях экономического развития и огромные качественные и стадиальные различия между экономическими мусульманских государств смягчаются – хотя не ликвидируются – интеграционными институтами и различными формами оказания содействия бедным исламским государствам со стороны

богатых. Впрочем, подобную помощь оказывают и западные государства, и международные неисламские финансовые организации, причем такая поддержка иногда превосходит ту, что исходит от стран исламского мира.

Показательна и сфера политики. С одной стороны, в последние годы (в особенности после 11 сентября 2001 г.) исламский мир рассматривается на Западе как источник террористической угрозы или как минимум непримиримый антагонист западной цивилизации¹. С другой стороны, в нем расположены государства, являющиеся ближайшими союзниками Запада (Турция – член НАТО), а именно те страны, с которыми США имеют договоры о тесном сотрудничестве в обороне и безопасности и в которых дислоцированы войска Соединенных Штатов и их союзников.

Да и на уровне межгосударственных отношений внутри этой группы стран все обстоит довольно сложно. Достаточно вспомнить, что после Второй мировой войны между исламскими государствами неоднократно вспыхивали кровопролитные войны (одна ирако-иранская война 1980–1988 гг. унесла более миллиона человеческих жизней), в то время как на Западе (не считая региональных конфликтов в Латинской Америке) случаев межгосударственных конфликтов с применением военной силы (да и то в ограниченном масштабе) было всего два: война из-за Фолклендских островов (1982) и бомбардировки странами НАТО Югославии (1999). Отношения между шиитами и суннитами в последнее время все более приобретают характер конфликтных, что особенно усугубилось с началом «арабского пробуждения». Обострению шиитско-суннитских отношений способствовал и сирийский кризис (2011–2012).

Таким образом, исламские государства серьезно различаются по уровню социально-экономического развития и геостратегическим интересам; они характеризуются наличием многочисленных конфликтов, личной конкуренцией лидеров, наличием ислама, существующего только в конкретных, «страновых» или региональных проявлениях, и соответственно разными формами и степенью исламизации общественной жизни (а в некоторых случаях и далеко зашедшей ее секуляризацией)².

¹ Впрочем, США в период первой администрации Б. Обамы предприняли ряд шагов для сближения с исламским миром.

² Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-3065.html>

Если попытаться представить всю эту совокупность государств в качестве определенной системы, основанной на использовании религиозного фактора во внешней политике и международном взаимодействии, то можно будет выделить некий «центр», периферию и полупериферию этой системы.

Государства, входящие в «центр»:

- а) претендуют на лидерские позиции в исламском мире;
- б) рассматривают ислам как основу формирования внешне-политического курса;
- в) обладают достаточными политическими, символическими и другими ресурсами для его осуществления.

К полупериферии относятся страны, не соответствующие этим требованиям по одному из показателей; к периферии – по двум.

Безусловно, центральными странами исламского мира являются Иран (ИРИ) и Саудовская Аравия (КСА). У Ирана – значительная территория и население, центральное географическое положение, нефтяные ресурсы и средний уровень экономического развития. Кроме того, это единственная страна, в которой религиозное правление сочетается со стабильной и процессуально демократической системой политических отношений. Саудовские претензии на лидерство основываются на том, что на территории королевства располагаются главные мусульманские святыни, оно обладает экстраординарными финансовыми возможностями, а его правительство ведет общество по исключительно исламскому пути¹. Притом что внешняя политика обоих государств ценностно-ориентирована и имеет миссионерские черты, их цели очевидным образом противоречат друг другу. Конституция Ирана следующим образом определяет задачи ИРИ во внешнеполитической сфере: «Конституция создает условия для продолжения революции в стране и за ее пределами и пытается путем развития отношений с другими исламскими и народными движениями найти путь образования единой мировой исламской уммы»². Вместе с тем КСА проводит охранительный (в отношении арабских монархий) или умеренный (в более глобальных масштабах) курс. Это противоречие между двумя важнейшими государствами центра в совокупности с тем, что одно из них шиитское (Иран), а другое – суннитское

¹ Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. – М., 2008. – С. 175.

² Конституция ИРИ. Преамбула. URL: <http://constitutions.ru/archives/140>

(Саудовская Аравия), является одной из важнейших причин отсутствия консолидации внутри исламского мира.

В принципе на роль центральных государств могут также претендовать Египет и Пакистан. В пользу Египта говорит месторасположение, численность населения, историческая традиция и наличие такого авторитетнейшего исламского университета, как Аль-Азхар. В пользу Пакистана – наличие ядерного оружия. Однако Египет со времен Г.А. Насера стремился объединить вокруг себя не исламский, а арабский мир, а его власти всегда пытались дистанцироваться от религиозного политического дискурса. К тому же он испытывает значительные социально-экономические трудности. Для Пакистана же сложность заключается в периферийном положении и нестабильности политической системы.

Полупериферийные государства в свою очередь могут быть разделены на три группы в зависимости от того, по какому именно критерию они не отвечают требованиям лидерства. Как правило, государства, соответствующие критериям а) и б), пытаются противопоставить себя традиционному центру, предлагая альтернативные пути объединения мусульман. В разное время в роли таких стран выступали Судан, Ливия и др. Другие страны, отвечая требованиям б) и в), не претендуют на лидерство и обыкновенно осуществляют свою политику в фарватере одного из государств центра (прежде всего это относится к монархиям Залива). Наконец, есть государства, которые соответствуют критериям а) и в), но осуществляют внешнюю политику в основном не на основе исламской идентичности. Ярчайший пример – Турция, которая позиционирует себя одновременно и как исламское, и как ближневосточное, и как тюркское, и как европейское государство.

Что касается государств периферии, то они также делятся на три группы: обеспеченные различными ресурсами, но со слабовыраженной исламской идентичностью (Индия, Россия и т.д.); имеющие такую внешнеполитическую идентичность, но лишенные ресурсов (например, Афганистан при талибах); государства, испытывающие дефицит и в том и в другом (например, Таджикистан). Очевидно, что стран, не рассматривающих ислам как основу формирования внешней политики и не имеющих никаких ресурсов, но при этом претендующих на лидерство в исламском мире, просто нет.

Исламские организации и движения

Реальное (а не умозрительное) существование исламского мира в качестве некой особой подсистемы в рамках общей системы мирополитических отношений обеспечивается посредством функционирования многочисленных исламских организаций и движений международного характера, которые связывают воедино исламские государства и мусульманские общины по всему миру. Эти организации и движения могут быть типологизированы по меньшей мере пятью различными способами.

Во-первых, по своим функциям относительно описанной системы. Здесь можно говорить о межправительственных и международных организациях, деятельность которых направлена на консолидацию позиций исламских государств по важнейшим вопросам международной жизни, их взаимную поддержку и укрепление связей между ними. Далее, это могут быть структуры, изначально созданные в качестве внешнеполитических инструментов того или иного государства и выполняющие исключительно эту функцию. Наконец, это могут быть неправительственные религиозно-политические организации и движения, преследующие собственные политические цели, но способствующие сплочению мусульманского сообщества или какой-либо его части. При этом не только второй тип, но и два других могут использоваться теми или иными странами для решения их внешнеполитических задач.

Во-вторых, по конфессиональному признаку. Прежде всего это суннитские, шиитские и общеисламские организации, но также и суфийские братства, которые, несмотря на их принадлежность к суннизму, стоит выносить в отдельную категорию.

В-третьих, по характеру идеологии: либеральные, традиционные и фундаменталистские. Последние представлены политическим исламом, который в свою очередь подразделяется на умеренный, радикальный (салафитский) и милитантный (джихадистский). Эта типологизация актуальна прежде всего для политических движений как национального, так и транснационального характера.

В-четвертых, по характеру сотрудничества. Здесь выделяются межправительственные, неправительственные и международные организации.

В-пятых, по сфере деятельности: религиозные, политические, благотворительные, просветительские, финансовые и т.п.

Для дальнейшего анализа возьмем за основу первую типологизацию.

Общеисламские международные организации и структуры. Самым известным и влиятельным институтом этого типа является Организация исламского сотрудничества (ОИС, до 2011 г. – Организация Исламская конференция (ОИК)), до некоторой степени выполняющая роль рамочной структуры исламского мира. Сама принадлежность к ОИС является важнейшим критерием отношения к нему того или иного государства. ОИС была основана в 1969 г. по инициативе Саудовской Аравии. Поводом для ее создания стала невозможность решить проблему Иерусалима в желательном для арабских исламских государств духе с использованием международного права и международных инструментов¹. Согласно документам ОИС, штаб-квартира организации временно (до освобождения Иерусалима) находится в Джидде (Саудовская Аравия).

Сегодня ОИС является единственным в мире межгосударственным объединением, созданным по религиозному признаку. Формально быть действительным членом ОИС могут государства, в которых ислам исповедует основная часть населения (ст. 3 Устава ОИС). Ее членами являются 57 стран, в том числе семь республик, ранее входивших в состав СССР: Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан, а с 2005 г. и Россия, имеющая (наравне с ЦАР, Таиландом, Боснией и Герцеговиной и Турецкой республикой Северного Кипра) статус наблюдателя. Согласно Уставу 2008 г., основными принципами работы ОИС являются: уважение принципов и целей работы ООН, равенство, невмешательство во внутренние дела, уважение права на самоопределение, суверенитет, независимость, территориальная целостность, а также принцип неприменения силы и урегулирования конфликтов мирным путем².

Высший орган ОИС – Конференция глав государств и правительств, созываемая раз в три года. Основной политический орган – ежегодная Конференция министров иностранных дел, которая раз в четыре года назначает Генерального секретаря ОИС, возглавляющего исполнком организации, и по его рекомендации – четырех заместителей. Притом что ОИС играет объединяющую функцию для всего исламского мира, она также используется как инструмент реализации внешней политики Саудовской Аравией.

¹ См.: Игнатенко А.А. Указ. соч.

² Устав ОИС. URL: <http://www.oic-oci.org/english/charter/OIC%20Charter-new-en.pdf>

Последняя не только была инициатором ее создания, но и является ее основным спонсором. Так, в объеме финансовой помощи, предоставляемой членами ОИС, доля королевства в период с 1970 по 1995 г. составляла 64,1%, что, конечно, не может не сказываться на характере принимаемых организацией решений¹.

ОИС имеет разветвленную систему специализированных и подотчетных структур. Среди них важнейшее место занимает Исламский банк развития как основная финансовая структура, призванная содействовать укреплению социально-экономического сотрудничества между государствами – членами организации путем финансирования проектов экономического и социального развития. Банк осуществляет свою деятельность, основываясь на законах и принципах шариата. Собственный капитал банка составляет 15 млрд исламских динаров².

Кроме того, среди структур ОИС есть ряд специализированных комитетов, в том числе Комитет по Иерусалиму, Палестине, Афганистану и т.д. Все большую активность набирает деятельность ИСЕСКО (исламский аналог ЮНЕСКО) со штаб-квартирой в Рабате. Помимо ОИС заметную роль играют такие международные исламские организации, как Исламская комиссия Международного Красного Полумесяца, аналог Международного Красного Креста, Исламская федерация спортивной солидарности – аналог Всемирного олимпийского комитета и некоторые другие.

В целом, как отмечает видный отечественный арабист А.А. Игнатенко, исламские международные организации имеют четкую тенденцию к тому, чтобы стать системой, дублирующей систему международных организаций глобального масштаба или альтернативной ей. ОИС в такой системе отводится место своеобразной исламской ООН. Даже «семерке» индустриально развитых стран Запада в 1996 г. была найдена альтернатива – «исламская восьмерка» (в составе Турции, Ирана, Пакистана, Египта, Бангладеш, Малайзии, Индонезии и Нигерии)³.

Существует и ряд дублирующих документов основополагающего характера. Так, например, в качестве альтернативы Все-

¹ Мелкумян Е.С. Регион Залива: Конфликты, компромиссы, сотрудничество. – М., 2008. – С. 177.

² Исламский динар равен одному SDR (Special Drawing Rights – искусственное резервное и платежное средство, эмитируемое Международным валютным фондом (МВФ)).

³ Игнатенко А.А. Указ. соч.

общей декларации прав человека предлагается Исламская декларация прав человека, а в дополнение к комплексу международно-правовых актов, направленных на борьбу против международного терроризма, в рамках ОИС разработан исламский договор о борьбе против международного терроризма, составленный в соответствии с шариатом¹.

С чем связана эта тенденция дублирования? Представляется, что основная причина лежит именно в существовании субъектности исламского мира на цивилизационном уровне и в стремлении реализовать эту субъектность в мировой политике. Фактически, дублируя глобальные институты, мусульманские государства заявляют, что предлагаемый ими проект носит не только суплементарный, но и альтернативный характер – прежде всего относительно доминирующей в глобальном масштабе системы ценностей, чей универсальный характер декларируется Западом.

Помимо описанных структур существует множество международных и региональных организаций, которые, даже созданные не на конфессиональной основе, тем не менее способствуют самоорганизации исламского мира. Яркими примерами являются Лига арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)².

«Страновые» исламские организации и инициативы с глобальными целями. Таких организаций (основанных как государствами исламского «центра», так и полупериферийными странами, пытавшимися занять лидирующие позиции) в последние десятилетия создавалось довольно много. Так, Саудовской Аравией в 1962 г. была создана Лига исламского мира (ЛИМ) в качестве «народной, международной, исламской и неправительственной организации, в которой представлены мусульмане всего мира». Главными целями Лиги провозглашаются: исламская пропаганда и исламское просвещение; защита исламского дела; реализация интересов и устремлений мусульман, решение их проблем; борьба против ложных обвинений в адрес ислама; опровержение утверждений врагов ислама, стремящихся уничтожить единство мусульман и посеять сомнение в мусульманском братстве. ЛИМ имеет официальные представительства в трех десятках стран, где мусульмане составляют большинство населения; в ней представлены ислам-

¹ Игнатенко А.А. Указ. соч.

² Иногда в отечественной литературе именуется просто Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ).

ские организации более сотни стран мира, а объектом контактов и воздействия ЛИМ являются местные неправительственные организации (общины, учебные заведения, мечети и т.п.), которые она иногда и создает.

Кроме того, ЛИМ координирует деятельность исламских благотворительных фондов, созданных в Саудовской Аравии или при ее участии. В феврале 2000 г. американские официальные лица говорили о существовании 6 тыс. таких фондов и их филиалов, которые могут действовать как под тем же названием, что и «материнский» фонд, так и под собственным, считаясь национальными (местными) благотворительными исламскими фондами, обыкновенно зарегистрированными на частных лиц¹.

Наиболее известным из таких фондов, пожалуй, является «Аль-Харамейн» («Две Святыни»). В сентябре 2004 г. Казначейство США заподозрило его в связях с Усамой бен Ладеном, после чего США и Королевство Саудовская Аравия направили в ООН совместный запрос о включении филиалов фонда в Индонезии, Кении, Танзании и Пакистане в список лиц и организаций, причастных к финансированию «Аль-Каиды». Филиалы «Аль-Харамейн» в вышеупомянутых государствах, а также в Хорватии, Албании, Эфиопии, Афганистане и Малайзии были закрыты еще весной–летом 2003 г. по требованию властей этих стран. Саудовские власти признали, что филиалы действительно оказывали денежную, материальную и логистическую поддержку другим террористическим организациям. Фонд был распущен, а все его средства обращены в бюджет государства². О масштабах же его деятельности могут свидетельствовать следующие факты: в декабре 2003 г. «Аль-Харамейн» разослал в 50 стран Азии, Европы, Африки и Америки 150 тыс. именных посылок с «исламскими книгами» (так сказано в обращении от имени руководства фонда) на арабском и английском языках; в мае 2003 г. распространил в Иракском Курдистане 20 тыс. экз. «исламских книг» на курдском языке³; в другой раз выделил кредит в размере 50 млн долл. США на строительство мечетей, медицинских учреждений, образовательные и издательские программы. Фактически главной задачей Лиги и подотчетных ей структур, в том числе благотворительных

¹ Игнатенко А.А. Убийственная благотворительность. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-nb/index-9774.html>

² Там же.

³ Там же.

фондов, является способствование распространению ваххабизма, т.е. той формы ислама, которая принята в качестве официальной в Саудовской Аравии.

Другой важной саудовской инициативой было создание в 1972 г. Всемирной ассоциации исламской молодежи (ВАИМ), которая официально финансируется правительством королевства и частными лицами. Основной заявленной целью Ассоциации является налаживание сотрудничества и координации в области разработки, планирования и осуществления различного рода исламских мероприятий среди мусульманской молодежи. Работа ВАИМ проводится 24 региональными бюро в разных странах мира, кроме того, с ней сотрудничают более 1000 молодежных и студенческих организаций. В 1994 г. в ВАИМ был создан Комитет по религиозному просвещению молодых мусульман в странах бывшего СССР. Одной из активных форм работы ассоциации является подготовка молодых мусульман на базе летних лагерей. Учебный цикл продолжительностью 1–2 месяца включает религиозное обучение, трудовое и физическое воспитание. Большое внимание в деятельности ВАИМ уделяется и пропагандистской работе.

Иранской альтернативой саудовским проектам являются силы «Кодс» (ар. аль-Кудс – Иерусалим), входящие в состав Корпуса стражей исламской революции¹ и занимающиеся непосредственным экспортом исламской революции. В силах «Кодс» есть девять управлений: по Турции и Закавказью; по Ираку; по Ливану; по Центральной Азии, СНГ, Пакистану, Индии и Афганистану; по Северной Африке; по Центральной и Южной Африке; по Европе, Северной и Южной Америке; по странам Персидского залива; по специальным операциям. Именно через «Кодс» Иран оказывал поддержку исламистскому правительству Судана, шиитским организациям в различных странах региона (в частности, ливанской «Хезболле»).

Сотрудничество этих структур с мусульманскими общинами и политическими движениями по всему миру имеет ярко выраженный идеологический характер, зачастую граничит с вмешательством во внутренние дела других государств (или им и является) и может приводить к дестабилизации обстановки в них или ей способствовать. Вместе с тем нельзя отрицать и значимость благотворительной и социальной работы, которая ведется этими органи-

¹ Особое иранское военное подразделение, задачей которого является защита революции. Подчиняется верховному руководителю (рахбару).

зациями в реальности и во многом обеспечивает их популярность в целом ряде регионов. Например, в 1978 г. в рамках ЛИМ была создана неправительственная гуманитарная «Международная организация исламской помощи», которая стала крупнейшим в мире исламским благотворительным обществом. Она занималась поставками продовольствия, медикаментов, участвовала в строительстве объектов социальной инфраструктуры (школы, мечети, больницы) в Афганистане, Азербайджане, Боснии, Таджикистане, Чечне и Дагестане.

Благотворительную деятельность ведет и Кувейт – для маленького эмирата осуществление гуманитарных программ по всему миру является важнейшим способом увеличения собственного веса на международной арене. По некоторым данным, на средства кувейтских благотворительных организаций («Комитет исламского призыва» и др.) по всему миру было построено 2,5 тыс. мечетей, 750 школ и училищ, 675 исламских центров, 235 больниц и здравпунктов, 126 приютов для сирот, распространено 9,6 млн экземпляров Корана, организовано бурение более тысячи колодцев и водяных скважин.

Помимо ЛИМ, ВАИМ, сил «Кодс» и многочисленных благотворительных фондов в последние десятилетия различными государствами, претендовавшими на лидерство в исламском мире, формировались собственные альтернативные организации с глобальными целями. Например, по инициативе Судана в 1991 г. была создана Исламо-арабская народная конференция (в 1995 г. переименована в Народную исламскую конференцию (НИК), а в 2000 г. запрещена). А одиозный лидер Ливии, Муаммар Каддафи, в 1989 г. основал Всемирное исламское народное руководство. Обе структуры должны были не столько содействовать усилению влияния, сколько символизировать глобальные претензии создавших их режимов, которые тем самым демонстрировали свою оппозиционность по отношению к традиционным лидерам вроде Саудовской Аравии. При этом Народная исламская конференция патронировалась еще и Ираном.

Как справедливо отмечает А.А. Игнатенко, сам факт существования таких организаций, как НИК (были и другие), демонстрирует разрозненность исламского мира¹.

Транснациональные исламские движения и организации. Как уже отмечалось, транснациональные исламские движе-

¹ Игнатенко А.А. Самоопределение...

ния и организации могут быть классифицированы в зависимости от характера идеологии на традиционные, либеральные и фундаменталистские, представленные умеренными (значительная часть «Братьев-мусульман»), радикальными (салафиты) и милитантными исламистами (джихадисты).

В целом исламский традиционализм выступает против каких-либо реформ ислама и предлагает сохранение *status quo* как в религиозной, так и в общественной жизни. Прежде всего, его сторонниками являются представители официального духовенства, поддерживающие правящие режимы¹. Кроме того, к традиционалистам могут быть отнесены и многочисленные неосуфийские братства, деятельность которых, как правило, имеет транснациональный характер и которые создали себе в странах diáspоры базы поддержки. К примеру, в США действует братство накшбандийской ориентации – хакканийя. Оно было основано в 1973 г. на Кипре турецким шейхом Назимом Хаккани, а сегодня его возглавляет его зять – шейх Хишам Каббани, выпускник химического факультета Американского университета в Бейруте. Каббани активно поддерживается властями США как лидер умеренного толка, он занимает должность председателя Высшего исламского совета Америки. Несколько лет назад он посещал центральноазиатские государства, в том числе и Узбекистан, но его попытка использовать эту поездку для установления там влияния своего ордена встретила сопротивление местных исламских кругов.

В конце 1970-х годов в США создал свое братство внук основателя сенегальского ордена тиджанийя – шейх Хасан Сиссе, которому удалось вовлечь в него немало афроамериканцев. По мнению О. Руа, подобное братство является частью глобальной неоэтничности³, поскольку ему удалось сформировать трансатлантическую афроидентичность.

Из Ливана в Европу переместилось восходящее своими корнями к рифайя братство ахбаш, или Общество исламских благо-

¹ Добаев И. Исламский традиционализм на Северном Кавказе. URL: <http://evrazia.org/article/2065>

² Суфизм (ар. *tasavvuf*) – мистическое течение в исламе, исповедующее идею приближения человека к Богу. Неосуфийские братства – те, которые созданы недавно, такие как хакканийя, ахбаш, в отличие от классических, существовавших много веков (накшбандийя, кадирийя и др.).

³ Roy O. Op. cit. – P. 226.

творительных проектов¹, основанное шейхом Абдаллой аль-Абдари и поддерживаемое Сирией, а также известное своей не-примиримой враждебностью к сторонникам политического исла-ма, особенно «Братьям-мусульманам» (см. далее).

В целом для неосуфийских организаций характерно резкое неприятие политического исла-ма, который, с их точки зрения, является экстремистским и несоответствующим традициям исла-мской религиозной мысли, что, впрочем, совершенно не означает полной аполитичности суфийских братств – в политической жизни ряда государств Западной Африки (прежде всего в Сенегале) они играют важнейшую роль.

Что касается либерального исла-ма (и соответствующих организаций), то парадоксальным образом он имеет те же корни, что и фундаментализм, или салафизм в широком смысле (от ар. ас-салаф ас-салихун – праведные предки). Появление и того и другого изначально было связано с попытками мусульманских интел-лектуалов (Мухаммед Абдо, Рашид Рида и др.) конца XIX – начала XX в. объяснить причину отставания исла-мского мира забвением веры праведных предков, к которой и надлежало вернуться. Одна-ко сущность этой веры понималась ими по-разному.

Для тех мыслителей, идеяными наследниками которых ста-ли деятели современного либерального, или евроисла-ма, она заключалась в необыкновенном динамизме, выражавшемся, в частности, в широком использовании метода иджтихада – само-стоятельной интерпретации коранического текста любым квали-фицированным богословом (или – в крайних трактовках – даже любым мусульманином). Именно отказ от иджтихада в пользу таклида – традиции виделся им главной причиной косности исла-мской мысли, приводящей к постулированию несовместимости исла-мской традиции и либеральной системы ценностей.

Современный либеральный исла-м представлен главным об-разом деятельностью отдельных интеллектуалов (Мухаммед Ар-кун, Абдолкарим Соруш и др.) и работой нескольких международ-ных организаций, в основном в Европе и Америке, как правило, не ставящих перед собой политических целей и лишь в незначитель-ной степени поддерживаемых в самих мусульманских государст-вах частью интеллигенции.

¹ Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? URL: <http://www.inter-trends.ru/tenth/004.htm>

Более политизированными являются близкие к либеральному исламу (в плане отношения к религии) различные организации исламских анархистов, социалистов и антиглобалистов, деятельность которых, впрочем, является скорее фактом политической жизни Запада, чем исламского мира.

Несравненно большую роль в мировой политике играют многообразные организации и движения исламистского толка, т.е. ставящие перед собой задачу организации общественно-политической жизни в соответствии с исламскими идеалами. Чисто теоретически исламистские организации могут одновременно быть евроисламскими или традиционалистскими, однако в реальности такой симбиоз фактически нереализуем. Действительно, либеральный ислам акцентирует внимание на индивидуализме и гуманизме, заложенных в исламском вероучении, и соответственно ведет к размежеванию религии и политики вплоть до постулирования изначальной светскости ислама (см., например, работы Мухаммеда Аркуна). В то же время традиционалисты по определению выступают против каких-либо коренных реформ в общественно-политической и религиозной жизни. Таким образом, политический ислам естественным образом является фундаменталистским.

Отцы-основатели исламского фундаментализма (Хасан аль-Банна, уже упоминавшиеся Кутб и Маудуди и др.), призывавшие вернуться к праведной вере предков, требовали прежде всего отказа от тлетворного западного влияния и очищения ислама от всех бид'а – негативных нововведений. Круг явлений, относимых ими к бид'а, может быть довольно широким. Во-первых, это элементы религиозной практики, отсутствовавшие во времена Пророка Мухаммада и первых поколений мусульман (например, характерное для суфизма поклонение мусульманским святым). Во-вторых, это все, что связано с организацией общественной жизни, не соответствующей идеалам ислама. Наконец, в-третьих, в самых крайних формах, – это отрицание достижений научно-технического прогресса, что, впрочем, сегодня практически не встречается.

Конечной, утопической целью исламских фундаменталистов является создание исламского государства, объединяющего всю умму мусульман. Однако они значительно разнятся между собой в отношении методов достижения этого идеала. Так, среди них есть те, кто полагает, что истинно исламское государство может быть создано только истинно исламским обществом, и соответственно

первойшей своей задачей считает миссионерскую. Другие – собственно исламисты – активно участвуют в политической борьбе.

Самым известным и крупным движением первого типа является Джамаат-ат-таблиг (ар. Общество распространения веры). Оно было создано в Индии в 1926 г. и ведет активную деятельность по всему миру. Несмотря на заявленную аполитичность, некоторые эксперты полагают, что своей активностью движение способствует распространению экстремизма, хотя какие-либо очевидные доказательства этого отсутствуют. В России в 2009 г. оно было внесено в список экстремистских и запрещено.

Что касается организаций и движений политического ислама, то они разнятся по своему отношению к существующему государству и готовности применять насилие для достижения политических целей. Так, умеренные исламисты признают демократические процедуры и институты и, даже приходя к власти в той или иной стране (Турция, Тунис, Египет), не пытаются от них отказаться. Салафиты выступают за «шариатизацию» всей политической и законодательной системы, но зачастую готовы использовать демократические институты (например, египетская партия «Нур»). В религиозном отношении разница между умеренными и салафитами состоит в том, что первые допускают ограниченное использование иджтихада и аллегорических толкований Корана и Сунны, вторые же следуют традиции буквалистского понимания священных текстов. Представители третьего течения – джихадисты – являются принципиальными противниками любых легальных методов борьбы и готовы использовать террористические методы в своей деятельности.

Отношения между этими тремя течениями политического ислама сегодня вызывают больше вопросов, чем дают ответов, но в целом доминируют две противоположные точки зрения. Согласно одной, умеренные исламисты (например, в арабских странах) по своим программам ближе к либеральным силам, чем к салафитам, – подобно первым, они опираются на средние городские слои, демонстрируют pragmatism в политической практике и относятся к исламу лишь как к инструменту мобилизации и организации избирателей. Салафиты же опираются на низшие социальные слои и более «романтичны» в политическом поведении. Согласно другой, умеренные исламисты и салафиты имеют общие цели, различаются лишь по методам борьбы и зачастую согласуют свои действия. Последней точки зрения придерживаются – и активно ее пропагандируют – сторонники светского развития госу-

дарств исламского мира. Однако, по всей видимости, отношения между двумя основными течениями исламистов до сих пор еще не вполне определились и будут меняться в дальнейшем.

Ярким примером умеренных исламистов являются «Братья-мусульмане» (БМ). Эта созданная в 1928 г. в Египте организация является одной из старейших политических партий страны и старейшей исламистской партией. Несмотря на свою сложную историю, в которой были и периоды экстремистской деятельности, партия сумела отказаться от любого политического насилия и признать демократическую форму правления. Впрочем, состав движения неоднороден. В нем есть как группы весьма умеренного, современного толка, ориентирующиеся на модель правящей в Турции Партии справедливости и развития, показавшей свою необыкновенную эффективность в 2000-е годы, так и консервативные фундаменталисты¹.

Остававшиеся на нелегальном положении в качестве политической партии до 2011 г., после революции египетские «Братья-мусульмане» сумели перехватить инициативу у светских либеральных сил, выдвинувшихся на авансцену вначале, и стали влиятельной парламентской силой, а их представитель – Мухаммед Мурси – победил на президентских выборах.

Движение «Братьев-мусульман» (или отпочковавшиеся от него организации) действует не только в Египте, но и в других арабских странах – в Ливии, Палестине (ХАМАС), Иордании, Сирии, Кувейте и т.д. В некоторых странах существуют аналоги «Братьев-мусульман», генетически с ними не связанные (например, правящая в Тунисе партия «Ан-Нахда»). Появившиеся в результате вынужденной миграции «Братьев-мусульман» в 1950–1960-е годы их дочерние организации с течением времени обретали все большую самостоятельность и сейчас могут довольно сильно расходиться между собой не только в структурном отношении, но и в идеологическом. Скажем, ливийские и сирийские «Братья-мусульмане» отличаются гораздо большим радикализмом, чем египетские или иорданские. Вместе с тем характер отношений (в том числе финансовых) между различными национальными организациями «Братьев-мусульман» остается не вполне ясным.

¹ Так, в мае 2012 г. руководитель египетской правозащитной организации Нихад Кульсум сообщала, что «Братья-мусульмане» вступили в союз с более радикальной группировкой салафитов.

Специфической чертой, роднящей «Братьев-мусульман» с некоторыми другими исламистскими партиями (например, ливанской «Хезболлой») и отличающей их от партий светских, является то, что они осуществляют свою деятельность не только в политической, но и в социальной сфере, занимаясь строительством образовательных и лечебных заведений, помогая неимущим и т.д. В результате, даже не имея возможности выступать в качестве легальной политической силы, они могут завоевывать колоссальную поддержку среди населения, фактически подменяя государство в самых проблемных районах. Так было, например, в дореволюционном Египте.

Умеренные исламистские партии и политические движения на сегодняшний день есть практически во всех исламских государствах, во многих являются парламентскими.

Среди многочисленных салафитских организаций, действующих сегодня в мире, имеет смысл остановиться на Хизб ут-Тахрир ал-Исламий (ХТИ), или Партии исламского освобождения, созданной в Палестине Таки ад-Дином ан-Набхани в 1953 г. Отличительной особенностью партии является то, что создание Всемирного халифата рассматривается ею как вполне реальная цель¹. В теоретических установках ХТИ отчетливо прослеживается критическое отношение к таким институтам современной трансформации общества, как капитализм и демократия. К примеру, утверждается, что принцип свободы предпринимательства противоречит исламу и поэтому не может быть принят верующими. А концепция прав человека санкционирует внебрачные отношения и половые извращения и тем самым бросает вызов исламской морали. Демократия, по мнению авторов теоретических установок партии, делает творцом законов человека вместо Бога и тем самым становится безбожием. Кроме того, как утверждается, в результате внедрения демократии западного образца люди не управляют своей жизнью, над ними господствует кучка влиятельных людей, а претензии на равенство, справедливость и подотчетность правителей не имеют ничего общего с действительностью. В тахрировской критике капитализма и демократии нельзя не видеть влияния идей марксизма и арабского национализма, у которых партия в про-

¹ Умеренные исламисты, теоретически не отказываясь от этой идеи, либо ее нивелируют, либо интерпретируют в несколько неожиданном духе – например, рассматривая потенциальный халифат как интеграционное объединение в арабо-мусульманском мире.

шлом хотела «отобрать» популярные лозунги равенства и социальной справедливости.

Борьба за строительство всемирного исламского государства, согласно идеологам ХТИ, подразделяется на несколько основных этапов. Первый этап – пропаганда идей партии, создание ее организационных ячеек, максимально широкое привлечение населения в ее ряды. Второй этап начинается тогда, когда идея создания халифата овладевает массами (как в ленинской теории социалистической революции). В этой фазе происходит якобы бескровная революция, в ходе которой массы требуют, чтобы правившие политические лидеры добровольно, но под мощным давлением народа оставили свои посты. Наконец, на третьем этапе произойдут выборы халифа, в которых примут участие все взрослые мусульмане, мужчины и женщины. Отстранение от власти правителей интерпретируется рядом исследователей как задача, неизбежно требующая применения силы, отсюда и развивается представление о ХТИ как организации, ориентированной на захват власти, лишь на данном, подготовительном этапе концентрирующей все усилия на завоевании поддержки населения и политической мобилизации.

Руководство ХТИ располагается в Лондоне, партия осуществляет свою деятельность в 40 странах мира, число ее активных членов определяется в пределах от 5 до 10 тыс. человек, к которым добавляются тысячи симпатизантов. Вместе с тем не только степень скоординированности действий различных ячеек ХТИ вызывает большое сомнение, но и сама реальность централизованного управления партией маловероятна. Скорее речь может идти о сети местных организаций, руководствующихся в своей деятельности общей идеологией.

Сетевой принцип организации отличает и самые радикальные из исламистских организаций – джихадистские. Они не признают существующих политических систем и ставят перед собой задачу максимальной дестабилизации существующей системы общественно-политических отношений. Такие группы истолковывают джихад исключительно как священную войну против неверных и вменяют его ведение в обязанность каждому мусульманину. Широкое использование такфира – анафемизации, или обвинения в неверии, позволяет им религиозно оправдывать политическое насилие. Степень радикальности джихадистов определяется тем, насколько широк круг лиц, в отношении которых позволителен такфир. Самые одиозные группировки обвиняли в неверии всех,

кто не разделял их взглядов, и прибегали к тотальному насилию. Естественно, это вело к полной утрате какой-либо поддержки в любом обществе и к быстрому уничтожению организации (например, Вооруженные исламские группы в 1990-е годы в Алжире). Другие применяют такфир к иудеям, христианам, атеистам, т.е. в конечном счете к представителям Запада, а также к сотрудничающим с ними политическим элитам исламских государств. К таким движениям относится наиболее одиозная из транснациональных джихадистских структур – «Аль-Каида» (ар. база), созданная в 1988 г. в Афганистане. Сегодня она явно утратила часть своей былой популярности в исламском мире и снизила свою активность. Это отчасти объясняется той жестокостью, с которой террористы расправлялись с населением самих мусульманских государств. К примеру, жертвами терактов в Ираке стали тысячи мирных жителей.

Исследователи отмечают, что большинство радикальных исламских организаций в различных регионах мира уже после 11 сентября стали дистанцироваться от «Аль-Каиды». В Афганистане, по американским данным, действуют не более 150 ее членов. Однако организацию рано списывать со счетов: она изменила тактику, проведя децентрализацию и перенеся центр своей деятельности на периферийные районы. В результате появились самостоятельно действующие «Аль-Каида Аравийского полуострова» в Йемене, «Аль-Каида Исламского Магриба» (АКИМ) в Мавритании, Мали, насчитывающая около 500 боевиков¹, и т.д. АКИМ помимо совершения терактов регулярно похищает западных граждан в Сахеле и освобождает их за выкуп.

Главными особенностями деятельности джихадистских группировок вроде «Аль-Каиды», делающей борьбу с ними неимоверно сложной, являются их отказ от иерархического управления и превращение в сетевые структуры, каждый элемент которых оказывается и организационно, и финансово практически независимым от других.

Резюмируя сказанное об исламистских движениях, имеет смысл процитировать одного из крупнейших американских специалистов по исламу Грэма Фуллера: «Исламисты совершили примечательную одиссею – попытку сделать их прошлую цивилизацию, основанную на их исламской культуре, значимой как эле-

¹ Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. The Many Faces of Al Qaeda in the Islamic Maghreb // GCSP Policy Paper. 2011. N 15. May.

мент будущего развития»¹. Этой идеей стремятся воспользоваться различные силы – от мракобесов и террористов до наивных романтиков и либералов – все те, кто хочет соединить универсальные черты современной цивилизации и ее ценности (в том числе и права человека) с самобытными идеалами исламского наследия. Либерал-исламисты могут выиграть только в том случае, если им удастся, с одной стороны, поддержать и сохранить непреходящие духовные ценности, которые составляют суть человеческой культуры, а с другой – предложить современное прочтение религии, отказываясь от устаревших форм джихада, не совместимых с современностью.

Литература

1. Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. – М., 2008. [Melkumjan E.S. Region Zaliva: konfliktы, kompromissы, sotrudnichestvo. – M., 2008.]
2. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб., 2006. [Said Eh.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka. – SPb., 2006.]
3. Graham E. Fuller. The Future of Political Islam. – N.Y., 2003.
4. Mohammad-Mahmoud Ould Mohamedou. The Many Faces of Al Qaeda in the Islamic Maghreb // GCSP Policy Paper. 2011. N 15. May.
5. Roy O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah. – L., 2002.
6. Tariq Ramadan. Les musulmans dans la laicite: Responsibilite et droits des musulmans dans les societes occidentales. – Lyon, 1994.

«Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки», М., 2013 г., № 4, с. 30–56.

Г. Старченков,

доктор экономических наук (ИВ РАН)

ЕВРОПА: КУДА ВЕДЕТ ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

Вторая мировая война нанесла огромный материальный и людской ущерб многим народам и государствам. Его последствия они ощущали и продолжают ощущать и десятилетия спустя.

¹ Graham E. Fuller. The Future of Political Islam. – N.Y., 2003. – P. 213.

Демографический коллапс

Для восстановления хозяйства от экономической разрухи страны нуждались прежде всего в большом количестве рабочих рук, нехватка которых обуславливалась военными потерями, особенно мужчин. В этой ситуации правительства западноевропейских государств предложили демобилизованным воинам, набранным в свое время в колониях, переселиться в метрополии. Позже европейские правительства стали подписывать двусторонние соглашения со странами Африки и Азии, которые получили независимость. Германия же, не имевшая своих колоний, открыла вербовочные пункты в Турции, Марокко и других странах для привлечения гастарбайтеров. Западноевропейские государства, решившие объединиться в европейское сообщество, выработали совместные соглашения по условиям приглашения иностранных трудовых ресурсов (преимущественно молодых мужчин), что позволило развивать экономику и восстанавливать нормальное воспроизводство населения. Они последовательно преодолели все этапы в развитии сообщества на пути к Европейскому союзу, насчитывающему ныне 27 государств.

Вплоть до настоящего времени наиболее важную роль в сфере трудовых ресурсов играет Шенгенское соглашение (1985), которое предусматривает свободу передвижения товаров, капиталов, рабочей силы и информации. Именно это и другие соглашения позволили переселенцам-мусульманам сосредоточиться в ряде западноевропейских стран, в частности во Франции, Англии, Германии, тогда как страны Восточной Европы в то время практически не принимали гастарбайтеров.

Руководители ЕС полагали, что иммигранты-мусульмане сначала адаптируются, затем ассимилируются, а во втором или, в крайнем случае, в третьем поколении окончательно интегрируются в западноевропейский социум. Особые надежды возлагались на смешанные браки, которые всячески поощрялись местными властями. Рождение ребенка, а тем более двух детей, давало иммигранту право не только на получение льгот, но и на получение «зеленой карты», а затем и нового гражданства. Местные предприниматели охотно принимали на работу иностранных рабочих, которых они могли (особенно в первые послевоенные десятилетия) нещадно эксплуатировать, т.е. использовать на сверхнормативной работе и выдавать неполную зарплату. А в случае сокращения производства увольняли их в первую очередь. В течение

многих лет иностранные рабочие не получали должной поддержки со стороны почти всех политических партий и профсоюзов.

По прошествии некоторого времени стало ясно, что иммигранты-мусульмане почти не создают смешанных семей (Коран¹ рекомендует мужчинам жениться на иноверцах только тогда, когда они соглашаются принять исламскую веру) [2: 220]. Мужчины предпочитали приглашать свои семьи (вместе с ближайшими родственниками) или невест со своей родины. Воссоединение семей разрешалось законодательствами стран – членов ЕС. Надежды на «плавильный котел» (смешанные браки) не оправдались.

Постепенно в странах-реципиентах сложилась демографическая ситуация, когда у местных семей рождалось 1,8–2,0 ребенка, у смешанных пар – 2–3 ребенка, а у мусульманских семей – 4–5 детей (с последующим сокращением)². В отдельных случаях гастарбайтеры создавали семьи, в которых было две–три–четыре жены, поскольку Коран разрешает многоженство, если мужчина может содержать всех (до четырех) жен и если ко всем будет одинаково внимателен. В силу того что европейское законодательство не регистрировало подобные браки, они формировались нелегально при согласии всех жен. При этом Коран запрещает применение противозачаточных средств. Такая практика медленно, но распространялась в Европе, дополнительно обеспечивая преимущественный рост численности мусульман на континенте. Учитывая, что граждане большинства стран ЕС получают за третьего ребенка хорошее пособие, на него можно жить, не работая.

В начале второй половины истекшего века в страны Западной Европы ежегодно приезжало 60–70 тыс. иммигрантов, преимущественно из мусульманских регионов. А к концу XX столетия прибывало от 700 тыс. до 1 млн человек. Доля иммигрантов в численности населения возросла до 10,3% в 2000 г.³ В 2008 г. в Западной Европе разразился финансово-экономический кризис, в результате которого одни предприятия сокращали производство, другие закрывались совсем. Быстрыми темпами росла безработица, особенно среди иммигрантов. Так, например, в Испании, когда уровень безработицы у местных рабочих составлял 16%, то среди гастарбайтеров он достигал 28%⁴. Однако иммигранты не спешили

¹ Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. – М., 1986.

² Независимая газета (НГ). 7.02.2013.

³ International Migration Report, 2002, U.N.N.Y., p. 20.

⁴ Независимая газета (НГ). 19.01.2011.

возвращаться на родину. Многие из них проявили чудеса приспособляемости, переходили на нелегальное положение и зачастую перебивались случайными заработками. Особенно в трудном положении оказались гастарбайтеры из Северной Африки, где с 2011 г. началась «арабская весна», приведшая к смене режимов и падению производства. Тысячи беженцев наводнили Италию, Францию, Испанию, Грецию и другие страны ЕС. Только в 2011 г. в 27 стран ЕС прибыло 1,7 млн иммигрантов¹. Численность населения Союза превысила 400 млн человек, из которых на долю мусульман приходилось, по нашей оценке, около 10%. И это без учета беженцев и нелегальных гастарбайтеров.

В условиях, когда из-за низкой рождаемости происходит депопуляция коренных жителей, когда нарастает численность инокультурной diáspоры, казалось, что власти примут срочные меры по спасению автохтонного населения. На деле оказалось, что все пошло по-иному.

Еще в последней трети XX столетия Нидерланды приняли закон, разрешающий однополые браки. Вскоре аналогичное законодательство было принято в Бельгии, Испании, Норвегии, Швеции, Португалии, Исландии и Дании. В 2013 г. закон об однополых браках принял парламент Франции. Подобный закон подготовлен и в Англии². Но право двух пап или двух мам на усыновление чужих детей не спасает европейцев, которые тем самым добровольно «расчищают» территорию Западной Европы для иммигрантов-мусульман. Десяток лет тому назад автор данной статьи под впечатлением от поездки во Францию опубликовал провидческие слова: «Белого человека – в Красную книгу»³. Сегодня сотни тысяч французов, англичан, бельгийцев и других коренных жителей в борьбе за выживание, за свою идентичность выступают с протестами против позорных законов. Против однополых браков выступил папа Римский Бенедикт XVI, но он был вынужден досрочно уйти со своего поста. Новый папа Франциск I также резко выступил против новых законов. Но процесс уже пошел. Заповедь Бога-Отца «Живите и плодитесь» предана западноевропейскими христианами забвению.

¹ http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Migration...
20.05.2012.

² Независимая газета (НГ). 07.02.2012.

³ См.: Современная Европа, 2004. – № 3. – С. 61.

Вследствие названных основных обстоятельств, численность и удельный вес коренных европейцев еще больше сократятся. А в результате притока беженцев из Северной Африки арабская diáspora наоборот возрастет. Уже сегодня доля иммигрантов достигает в Западной Европе почти 15%, а завтра может увеличиться кратно. Практически все страны Старого Света утеряли свою идентичность, став многонациональными государствами. Арабы, турки, персы, индузы, пакистанцы и другие переселенцы успешно осваивают новые территории, оттесняяaborигенов. Таков сегодня демографический тренд, изменить который пытаются многие коренные европейцы самыми различными способами, в частности публицистическими. Упомянем здесь лишь одно алармистское произведение.

В 2010 г. в Германии вышла книга Тилло Сарацина¹ под названием «Германия самоликвидируется»². Бурное обсуждение этой монографии усилило позиции тех, кто выступает против иммиграции гастарбайтеров и за сохранение идентичности европейских стран. Сарацин пишет, что каждый четвертый турок из 3 млн проживающих в Германии не знает немецкого языка, каждый второй не общается с немцами. Но у них высокая рождаемость. Поэтому Турция покоряет Германию так же, как албанцы покорили Косово – с помощью высокой рождаемости. И он дает прогноз на ситуацию через 20 лет: «Федеральный президент Мухаммед Мустафа призвал мусульман уважать права немецкого меньшинства». Ну а через 100 лет из 82 млн немцев останется лишь 25 млн. Берлинская газета, высоко оценивая книгу, писала: «В Германии есть только один настоящий немец, и тот сарацин»³. Но есть ли основания для столь пессимистического прогноза?

Светская Европа: To be or not to be

Среди исламоведов и простых граждан как Запада, так и России идет острые дискуссии по вопросам: происходит ли исламизация Западной Европы и каков этот ислам? Для ответа на эти вопросы рассмотрим в динамике следующие темы: 1) Исламский

¹ Сарацинами называли исламских завоевателей, вторгшихся в VIII в. на Пиренейский полуостров. – *Прим. автора.*

² НГ Религия, 20.10.2010. (Рецензию на книгу см.: Современная Европа, 2013. – № 1. – С. 154–157.)

³ НГ Религии, 20.10.2010.

прозелитизм в Западной Европе и 2) Ислам миролюбивый или воинственный? Конечно, выводы, которые будут сделаны в ходе рассмотрения, не положат конец дискуссиям, но прояснят отдельные аспекты остройшей современной проблемы.

Исламский прозелитизм в Западной Европе. Первые трудовые иммигранты, приехавшие из мусульманских стран, вели себя достаточно скромно. Предприниматели были довольны, что иммигранты соглашались на тяжелые, опасные или непрестижные работы за низкую зарплату; на проживание в переполненных общежитиях, на первоочередные увольнения при рецессии производства. Довольны были и местные власти: гастарбайтеры не принимали участия в забастовках и манифестациях местных рабочих, не контактировали с рабочими профсоюзами или политическими партиями, потребляли местные продукты, включая европейскую (христианскую) пищу, и молились там, где удавалось расстелить молитвенный коврик. Часть заработанных денег они аккуратно отправляли на родину своим семьям и родственникам. Вскоре у них появилась первая просьба – разрешить строить мечети. Власти разрешали. Строительство мечетей, как правило, происходило за счет финансирования Саудовской Аравией, заинтересованной в расширении уммы (общины) в Западной Европе. Первая самая вместительная в Европе мечеть была построена в Бельгии, а вторая, еще более крупная, уже в нулевые годы сооружена в Италии, недалеко от Ватикана. Мечети и молельные дома быстро расплодились по всей территории христианской Европы, чем весьма разнообразили ландшафты большинства европейских городов и даже сел¹.

Постепенно мечети обрастили специфическими функциями. К ним стекались мусульмане не только для молитвы, но и для общения друг с другом, для консультаций с имамом (или муллой), который мог подсказать, где можно найти работу с более высокой зарплатой, где можно снять квартиру по более низкой арендной плате. При мечетях нередко открывались курсы по изучению Корана. А в случае необходимости имам вызывал кади (исламского судью) из Египта или Саудовской Аравии, чтобы разрешить споры среди мусульман или гастарбайтеров с работодателями или даже с властью. Кроме того, имамы или кади нередко обращались с просьбой к работодателям, чтобы те разрешали мусульманам пре-

¹ Датские СМИ, например, сообщали, что Копенгагену придется попрощаться с образом христианской столицы Европы (НГ Религии, 16.09.2009).

рывать работу для совершения обязательной пятикратной молитвы и чтобы они выделяли на производство специальные комнаты для молитвы. Мечети стали центрами отчуждения мусульман от западноевропейского социума. Все это происходило в рамках прав и свобод, предусмотренных демократическими конституциями западноевропейских государств.

Относительно новым явлением стало обращение в ислам местных европейцев (преимущественно жен и детей в смешанных семьях). Так, во Франции 300 тыс. коренных французов приняли ислам, в Германии – 500 тыс. этнических немцев. Европейское христианство (в основном католицизм и протестантизм) фактически сдает свои позиции. По последним данным, в ЕС проживает 40 млн мусульман (иммигрантов и местных). Страны ЕС приобретают (или уже приобрели) новый конфессиональный облик. Такая ситуация побудила бывшего президента Ливийской Джамахирии Муаммара Каддафи предложить итальянцам (Ливия ранее была колонией Италии) массово переходить в ислам.

Уже в первом десятилетии XXI столетия не только демографическая, но социально-экономическая и даже политическая ситуация в Старой Европе заметно изменилась.

Во-первых, часть иммигрантов-мусульман, получив гражданство одной из стран ЕС, смогли создать свои мелкие предприятия. И как граждане, они получили право выбирать своих представителей сначала в муниципалитеты, затем в парламенты и, наконец, в Европарламент, что, естественно, повысило их экономическую, политическую и конфессиональную значимость. Еще в 2010 г. появились сообщения, что в ЕС проживает 40 млн мусульман. После приезда мусульман-гастарбайтеров и наплыва беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока их численность может составить 50 и даже 60 млн человек (т.е. 10–12% всего населения). Это уже то растущее конфессиональное меньшинство, которое в состоянии воздействовать на режим стран-реципиентов¹.

Во-вторых, нефтеэкспортирующие страны – ССАГПЗ («Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива» во главе с Саудовской Аравией) смогли купить предприятия или приобрести их акции в западноевропейских государствах. Одновременно участники ССАГПЗ открыли в большинстве стран ЕС исламские банки, которые, как известно, не взимают рибу – процент

¹ НГ Дипкурьер, 18.10.2010.

с предоставляемых кредитов, чем привлекают интерес местных предпринимателей. А инвестиции в период кризиса приобретают особую ценность.

Наконец, приезд кади теперь стал редким явлением, поскольку чуть ли не во всех странах Западной Европы начали действовать шариатские суды. Они полностью господствуют в мусульманской diáspore, оттеснив государственные судебные органы. Другими словами, осуществлены первые шаги по созданию исламской политико-конфессиональной инфраструктуры.

Необходимо обратить особое внимание на «инновационный прорыв» Катара, небольшого эмирата на берегу Персидского залива. Катар занимает первое место в мире по экспорту сжиженного природного газа, на производство которого в ОПЕК (Организация стран – экспортёров нефти) нет никаких ограничительных квот. Накопив огромное количество долларов, эмирят стал успешно продвигать «дипломатию чековой книжки». Он спонсировал исламских экстремистов в Северной Африке и в Сирии (а также в Йемене), одновременно примиряя экстремистские группировки. Смена режимов соответствовала устремлениям США, стран ЕС и Катара. «Чековая книжка» Дохи (столица Катара) пришла кстати в Западной Европе, пятый год пребывающей в финансово-экономическом кризисе. Эмирят владеет 20% лондонского аэропорта «Хитроу», а во всей Великобритании его доля в инвестициях достигает 27%. Ему принадлежат акции французской нефтяной компании «Тоталь». А всего Катар вложил во французскую экономику 10 млрд евро. Достигнута договоренность о катарских инвестициях в греческую экономику. Фактически эмирят занял главенствующую роль в ССАГПЗ¹ по поддержке мусульманских иммигрантов в Западной Европе. Он финансирует и шариатские суды.

Во время финансово-экономического кризиса ваххабитский ССАГПЗ ощущал лишь небольшой экономический спад, что позволило ему распространять слоган: «Ислам – вот решение кризиса!» Слоган нашел широкую поддержку в Северной Африке в период начала «арабской весны». Он звучал и в Западной Европе, хотя там пока не приобрел заметной поддержки. И тем не менее настойчивый прозелитизм мусульман-гастробайтеров, многофакторное воздействие ССАГПЗ привели к беспрецедентному усилению уммы. Ислам стал второй религией после христианства (като-

¹ НГ, 3.06.2013.

лицизма, протестантизма, англиканства и др.), что вызывало неоднозначную реакцию коренных европейцев. Еще большее отторжение вызывали террористические акты против иноверцев и атеистов, совершаемые исламскими экстремистами в США, Европе, Северной Африке или на Ближнем и Среднем Востоке. Перед европейцами встал вопрос: что несет с собой ислам?

Ислам миролюбивый или воинственный? Исламский прозелитизм, первоначально демонстрировавший свою лояльность западноевропейским режимам, на стыке XX и XXI столетий стал все чаще нарушать существующее законодательство. Этому способствовал ряд причин: расширение ареала распространения ислама; экономическая и политическая поддержка исламских диаспор со стороны ближневосточных спонсоров, усиление фундаменталистского ислама (особенно в Северной Африке) и др. Все это позволяло наращивать притязания мусульман, использовавших как мирные, так и воинственные методы прозелитизма.

Именно в нулевые годы в Западной Европе появилось третье и даже четвертое поколение гастарбайтеров, на интеграцию которого рассчитывали власти ЕС. Потомки мусульман-иммигрантов, пользовавшиеся многочисленными льготами и привилегиями государства-реципиентов, стали все чаще отказываться от изучения местных языков, от восприятия европейской культуры, демонстрируя при этом свою приверженность Корану и мусульманской умме. В 2004–2005 гг. молодые мусульмане приняли активное участие в протестном движении в Германии, Франции, Англии и других странах, которые сопровождались погромами магазинов, поджогами автомашин и прочими актами хулиганства. Правда, СМИ, как правило, не обращали внимания на акции мусульман¹.

Политику толерантности пришлось нарушить в 2004 г. в связи с убийством голландского режиссера Тео Ван Гога, снявшего фильм о насилии над женщинами в исламском обществе². Через год прессы снова критиковала исламистов, призывавших к убийству датского художника, опубликовавшего карикатуру на Пророка Мухаммеда. Если ранее ни фильмы, ни карикатуры, ни антиисламские статьи не вызывали практически никакой реакции мусульман, то теперь, чтобы поднять правоверных на протест, достаточно слогана: «Мусульмане – жертвы преследований или дискредитаций»³.

¹ НГ, 1.11.2006.

² НГ, 9.11.2004.

³ НГ, 16.11.2006.

Иногда мусульманские притязания носили и носят более «спокойный» характер. Так, в Голландии и Англии на улицах появились патрули, которые предупреждали девушек не ходить с непокрытой головой, а юношам – не показываться в шортах, особенно вблизи мечетей, поскольку здесь «наша мусульманская территория»¹. «Аль-Каида» называет такие анклавы «точечным халифатом». Другой эпизод произошел в Бельгии. В Брюсселе местные власти по традиции поставили на центральной площади елку по случаю Нового, 2013 года и Рождества Христова с соответствующими игрушками и иллюминацией. Однако столичные исламисты выступили против «символа языческой веры», и власти пошли на уступки: елку демонтировали².

Предвестником возможности возникновения межконфессиональных (межцивилизационных) столкновений послужил ряд террористических актов. Первый взрыв раздался в США в г. Чикаго, где проходил традиционный марафон. Взрыв организовали мусульмане – граждане США чеченского происхождения. Следующий теракт произошел в центре Лондона, где был зарезан военнослужащий. Несколько убийств и покушений совершили исламисты во Франции³. Убийства военнослужащих и взрывы были дополнены нападением исламских террористов на христиан в Северной Африке и Сирии. Появились сообщения, что «Аль-Каида» взяла на вооружение зарин и иприт и пытается приобрести атомное оружие⁴. Все это взбудоражило европейцев. Для их успокоения некоторые государства ЕС приняли «антиисламские» меры.

Италия стала первой страной ЕС, которая под давлением растущей ксенофобии и возрастающих притязаний мусульманской диаспоры пошла на компромисс. Принятый закон ныне предусматривает запрет на использование символов веры как католицизма, так и ислама. В стране запрещено в общественных местах (в частности, в школах и государственных учреждениях) выставлять распятия, а школьникам и сотрудникам – носить нательные кресты. Мусульманам запрещено носить исламскую одежду (головные платки и хиджабы) и демонстрировать зеленые флаги с кораническими изречениями. Во Франции несколько раз принимался закон, запрещавший школьницам из мусульманских семей

¹ НГ Религия, 7.11.2012.

² Мировые новости, 29.12.2012.

³ НГ, 27.05.2012.

⁴ НГ, 3.06.2013.

появляться на занятиях в головных платках. В 2010 г., наконец, принято окончательное законодательство, запретившее женщинам выходить из дома в платках и хиджабах (нарушившие подвергаются умеренному штрафу). Была совершена попытка освободить проезжую часть дорог, на которой во время праздничной молитвы собираются мусульмане. В Швейцарии законы ограничили высоту минаретов в строящихся мечетях. Предписано также снизить звук громкоговорителей, призывающих мусульман к азану (молитве). Подобные постановления приняты и в ряде других стран Западной Европы¹.

Но не эти, а иные события вызвали волну протестов, особенно в Пакистане, Бангладеш, Афганистане. Возмутителями мусульманского спокойствия снова стали карикатуры на Пророка Мухаммеда и фильм «Невинность мусульман» (2012). Манифестанты требовали «наказать виновных в исламофобии» и даже в «исламском геноциде». Фактически эти шумные демонстрации требовались исламистам для того, чтобы сплотить умму, а также замаскировать и оправдать свой экстремизм.

О своем негативном отношении к исламу неоднократно высказывалась католическая церковь. Так, в 2006 г. папа Римский Бенедикт во время посещения Турции процитировал слова византийского императора XIV в. о том, что Пророк Мухаммед принес миру лишь «нечто злое и бесчеловечное, так как его приказ содержал требование распространять мечом веру, которую он проповедовал». А следующий папа Франциск причислил к лицу святых 800 итальянцев, обезглавленных турками за отказ принять ислам². В ходе этих «антиисламских» мер президент Франции Николя Саркози и канцлер Германии Ангела Меркель признали, что их политика мультикультурализма провалилась, ибо даже выросшие в Европе мусульмане не захотели интегрироваться в европейское общество³. Но за констатацией этого факта не последовало каких-либо существенных решений.

На этом фоне вновь разгорелась дискуссия о миролюбии и воинственности ислама. У той и другой точек зрения появились новые adeptы. Так, известный востоковед Л.И. Медведко писал: «Ислам – слово одного корня со словом “салам” (мир), поэтому

¹ НГ, 20.11.2009; 14.12.2009.

² НГ Религия, 15.05.2012.

³ См. сб. «Ислам и общественное развитие в начале XXI века». – М., Крафт, 2005.

его называют религией мира»¹. Такой же точки зрения придерживаются практически все ученые-востоковеды России². Добавим лишь, что недавно было опубликовано заявление главы МВД Франции М. Вальса о том, что никакой угрозы исламского терроризма нет и что исламизация Европы – это миф³. Среди иных взглядов на ислам назовем книгу Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁴. Монография вышла за десять лет до событий 11 сентября 2001 г., но тогда не была воспринята как предупреждение. Хантингтон писал, что «опасные культурные конфликты» между христианством и исламом «имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями». И делал вывод: «Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры приладут полицивилизационный характер глобальной политике и станут сотрудничать для его поддержания»⁵. Российский востоковед В.А. Фёдоров посчитал исламских фундаменталистов бескомпромиссными фанатиками. Он приводит их кredo: «Аллах – наша цель, Пророк – наш вождь, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, смерть на пути, предначертанном Аллахом, – наше высшее желание»⁶. Такого рода джихадистов, аль-каидовцев, салафитов и им подобных немало проявилось при свержении умеренных (традиционных) исламских режимов в Северной Африке и в Сирии.

Очевидно, что выносить свое суждение об исламе следует только после внимательного прочтения Корана. Поэтому обратимся к первоисточнику. Так, в Коране, ниспосланном Аллахом Пророку Мухаммеду, говорится: «Нет принуждения в религии» [2:257], «Обладатели писания! Не излишествуйте в вашей религии и не говорите против Аллаха ничего, кроме истины» [4:169], «Страйтесь же опередить друг друга в добрых делах!» [2:143]. Многим этого достаточно, чтобы доказать миролюбие ислама. Но в противовес этим аятам есть другие: «О вы, которые уверовали! Не берите неверных в друзья вместо верующих» [4:143], «Не бери-

¹ Медведко Л.И. Россия, Запад, ислам: «Столкновение цивилизаций?». – М., 2003. – С. 43.

² См.: Там же.

³ НГ, 20.05.2013.

⁴ Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций. – М., 2005.

⁵ Там же. – С. 16, 25.

⁶ Фёдоров В.А. Международный терроризм и страны Азии. – Сб. «Тerrorизм – угроза человечеству в XXI веке». – М., 2003. – С. 151.

⁷ Имеются в виду те, кто верит в Ветхий и Новый Завет, т.е. иудеи и христиане.

те иудеев и христиан в друзья: они – друзья один другому» [5:56], «И не повинуйтесь неверным и лицемерным» [33:47].

Наконец, в Коране присутствуют аяты, которые трудно, даже невозможно отнести к числу толерантных. А их достаточно много: «А если кто не верует в знамения Аллаха..., то ведь Аллах быстр в расчете!» [3:17]. И одновременно призыв к Пророку: «Борись с неверными и лицемерами и будь жесток к ним! Их убежище – геенна» [66:9]. И другой аят: «Поистине, те из обладателей писания и многобожников, которые не уверовали, – в огне геенны, вечно пребывая там. Они – худшие из тварей» [98:5]. И затем призыв ко всем мусульманам: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день... и не подчиняется религии истины» [9:29]. В Священной книге раскрыто и понятие «сражения»: «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» [47:4]. И, наконец, полная уверенность в победе: «Мы непременно погубим неправедных». «Великое избиение» неверующих и иноверцев щедро вознаграждается, что может служить стимулом для шахидов (смертников): «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, мы дадим ему великую награду» [4:76]. Описана и будущая жизнь в раю: «Там реки из воды непортящейся, и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих» [47:16]. В райском саду обязательно присутствуют «полногрудые сверстницы» [78:33] для погибших «на пути Аллаха». «И Мы сочетаем их с черноглазыми, большеокими» [52:20].

Конечно, подавляющее большинство мусульман, включая гастрбайтеров, не знает всех сур, а тем более аятов Корана. Их знания, как правило, формируются под воздействием проповедей имамов (как раввинов в иудаизме или попов в христианстве). Поэтому настроение, менталитет гастрбайтеров в значительной степени определяются взглядами имамов (от ассимиляции до шахидизма) тех мечетей, которые ныне действуют во всех западных государствах. Контроля же за проповедями имамов практически нет ни в США, ни в странах ЕС. Кроме того, несколько миллионов гастрбайтеров, много лет проживавших в ЕС, получили европейское образование и гражданство. Большинство из них не только сохраняют свою веру, но и активно ее распространяют. Ведь сегодня ислам – самая быстрорастущая религия (в том числе в связи с быстрым ростом мусульманского населения в мире и в Европе).

В соответствии с названными установками Корана имамы (или муфтии) определяют метод действия в зависимости от происходящих событий и складывающейся обстановки. Предусматриваются различные формы джихада (священной войны) как мирным, так и военным путем¹. Имамы могут спорить, угрожать и враждовать друг с другом, но они не имеют права изменить хотя бы одно слово Священного Корана.

Правда, у мусульманских деятелей, как и ряда простых мусульман, есть право скрывать, не раскрывать свои взгляды до поры до времени. Вот что по этому поводу писал известный исламовед А.А. Игнатенко: «Хитрость, обман, введение противника в заблуждение» не только не запрещены, но и рекомендованы. В Коране Аллах называется «лучшим из хитрецов»: «И хитрили они и хитрил Аллах, а Аллах – лучший их хитрецов» [3:47]². Поэтому пока не известно, приехали ли гастарбайтеры своим трудом обеспечивать процветание Европы или ее исламизировать хитростью. Да, пока это не ясно, но оба процесса могут идти одновременно. Приведенные аяты Корана позволяют мусульманам придерживаться как миролюбивого, так и воинственного джихада. Границы в нем весьма подвижны, как это показывают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Сегодня коренным европейцам есть над чем задуматься: быть или не быть им самими собой в своем государстве. Директор Института Африки РАН академик А.В. Васильев видит в Коране дуализм. В нынешних условиях, пишет он, «знаки исламизма у “умеренных”, готовых к компромиссам, могут перехватить и кое-где уже перехватывают экстремисты»³.

В поисках решения двуединой проблемы

Лидеры стран ЕС определили свою позицию по одному из наиболее актуальных вопросов: они согласились вести борьбу с терроризмом вообще и исламским терроризмом в частности объединенными усилиями. Совместная борьба обеспечит успех и в решении других проблем. Свой вклад в устранение или в смягчение рисков для Европы могут и должны внести ученые, политики, религиозные деятели и др. Думается, что коллективные усилия позволят найти подходы к решению двуединой проблемы. Первая

¹ Подробнее см.: Л.И. Медведко. Россия, Запад, Ислам: «Столкновение цивилизаций?». – М., 2003. – С. 40–41.

² НГ Религия. 19.05.2010.

³ Правда, 24–27.05.2013.

проблема – депопуляция коренных европейцев. Отмена законов об однополых браках – необходимое, но не единственное условие. Возникает острый вопрос о возможности изменения демократических конституций, предоставляющих равные права и поощрения как для вымирающих, так и для благополучных народов ЕС. Трудно предположить, что коренные европейцы смогут пойти в этом направлении без длительной разъяснительной работы. Как, например, предоставление льгот (денег, автомашин, квартир) за рождение двух–трех детей в немусульманской семье.

Одновременно следует ввести жесткий контроль над въездом иммигрантов. Видимо, здесь нельзя будет ограничиться введением квот, а одновременно следует предусмотреть меры по ограничению прав на воссоединение семей. Это ещё один вынужденный шаг по спасению титульных наций. Лидерам государств, решившимся на столь неблагозвучные реформы, придется апеллировать к патриотизму коренных европейцев. Не следует упускать возможность воздействовать и на патриотический менталитет тех англичан, французов, немцев и других исконных европейцев, которые переселились в отдаленные страны. Одни воспользовались льготами офшоров, другие – благоприятным климатом или чем-то еще, но шанс вернуть переселенцев на родину все же есть. Все эти меры облегчат решение демографической проблемы.

Не менее трудные проблемы встают при ограничении исламского экстремизма. Здесь уже потребуется взаимодействие государств и их спецслужб, чтобы выявить и изолировать экстремистов, даже если они приехали в качестве беженцев.

В этой области недопустимо проведение политики двойных стандартов. Об этом стоит говорить, поскольку страны Запада к ней нередко обращаются. Когда советские войска находились в Афганистане, США формировали, обучали и вооружали талибов – пакистанских и афганских фундаменталистов. Трагические последствия этого ныне хорошо известны. В наше время Франция борется с исламскими экстремистами в Африке, но поддерживает их в Сирии (а США обучают и вооружают экстремистов в Иордании). Такая политика деления террористов на «своих» и «чужих» подрывает коллективные усилия по искоренению исламских боевиков¹. Увы, джин вышел из бутылки. Ислам ныне укоренился в Западной Европе и теперь уже, видимо, навсегда. На правительствах и непосредственно на коренных жителях лежит обязанность

¹ Правда, 2–3.01.2013.

отслеживать, чтобы хрупкая граница между миролюбивым и воинственным исламом не была нарушена. Выше упоминалось, что многое зависит от проповедей имамов (или мулл). Нужную инициативу в этом направлении проявило правительство Англии, решившее отслеживать содержание проповедей в мечетях и молельных домах. Такой шаг может упредить множество террористических актов и спасти человеческие жизни. Аргумент веский: нежелание участия иноверцев и атеистов в ССАГПЗ.

* * *

Облик Западной Европы резко изменился за последние 70 лет. Локомотивом этих перемен стали трудовые иммигранты, приехавшие преимущественно из исламских государств. Подавляющее большинство западноевропейских стран стали многонациональными и поликонфессиональными. И общий итог пребывания иммигрантов с точки зрения демографии неутешителен и ведет к депопуляции коренного населения. А необдуманное принятие законов в восьми странах ЕС о введении однополых браков вообще форсирует депопуляцию коренных европейцев. Тем самым лидеры старой Европы вольно или невольно практически защищают свою территорию для размещения африканских и азиатских иммигрантов. Расселение гастарбайтеров-мусульман, придерживающихся иных культурно-нравственных установок, предпринятое властями, не привело, как ожидалось, к их интеграции в западноевропейское общество. Разрастание мусульманской diáspоры, строительство мечетей (при финансировании Саудовской Аравией и Катаром) сопровождалось распространением постулатов Корана и шариата. В результате мусульмане постепенно оттесняют (и вытесняют) христиан, иноверцев и атеистов из всех сфер жизни общества. В европейской умме все чаще проявляются экстремисты, включая шахидов, которые готовы погибнуть во имя создания Всемирного халифата. Конечно, западноевропейские лидеры принимали некоторые меры по сдерживанию процесса исламизации, но без особого успеха – процесс продолжается. Поэтому сегодня страны ЕС стоят перед необходимостью выработки более эффективных мер и создания более жизнеустойчивой модели государств, которая позволяла бы справляться с проблемой, порожденной их собственными действиями. И время, как представляется, не ждет.

«Современная Европа», М., 2014 г., № 1, с. 40–50.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 5 (263)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 28/III-2014 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,75 Уч.-изд. л. 11,0
Тираж 300 экз. Заказ № 47

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9